

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2020

Редакционная коллегия серии

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (главный редактор); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. А. Анишкин, д-р социол. наук, проф., Волгоградский гос. ун-т, Эссексский университет, Великобритания; *М. В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *К. Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, директор центра моделирования социально-экономического развития региона, БФУ им. И. Канта; *Т. С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Юридический институт, БФУ им. И. Канта; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *А. Жуковски*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О. И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный ун-т; *Ю. В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического регионоведения, СПбГУ; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры европейских исследований, СПбГУ; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов, СПбГУ; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А. Е. Шашитко*, д-р экон. наук, проф., экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Кошель А.С.</i> Парламент и правотворчество: современное осмысление роли парламентских процедур и законов в трансформируемом обществе	5
<i>Запоточный И.В.</i> Тактика и технология анализа доказательств, полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности адвокатом-защитником	19

3

Актуальные проблемы современной экономики

<i>Холодова М.А., Холодов О.А.</i> Перспективы развития отечественной отрасли молочного животноводства: прогнозы и тренды	30
<i>Кузнецова Т.Ю., Сибирева Н.И.</i> Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области	43

История. Исторические науки

<i>Канищев В.В., Баранова Е.В., Жуков Д.С.</i> Контент-анализ документов о погромах в городах России в 1917 – 1918 годах	56
<i>Дементьев И.О.</i> Рецепция позднего творчества Б.Ф. Поршнева в зарубежной историографии	70
<i>Майоров А.А.</i> Параллели в житийных сюжетах об Адальберте Пражском и некоторых древнерусских повествованиях	78

Общество и политика

<i>Кришталь М.И.</i> Особенности экологического сознания жителей на уровне областного центра и поселка	87
<i>Щекотуров А.В.</i> Социокультурные особенности восприятия экологических рисков: возможности grid-group анализа М. Дуглас	98

CONTENTS

State and law

Koshel A. S. Parliament and law-making: modern understanding of the role of parliamentary procedures and laws in transforming society 5

Zapotchnyy I. V. Tactics and technology of the analysis of evidence obtained during operational and investigative activity by the defense..... 19

Current economic problems

Kholodova M. A., Kholodov O. A. The development of dairy farming: forecasts and trends..... 30

Kuznetsova T. Yu., Sibireva N. I. Economic and demographic distinctions between municipal districts of the Kaliningrad region..... 43

History. Historical sciences

Kanishchev V. V., Baranova E. V., Zhukov D. S. Content analysis of documents on urban riots in Russia, 1917 – 1918..... 56

Dementev I. O. The later works of Boris Porshnev in foreign historiography 70

Mayorov A. A. Thematic parallels in the hagiographies of Adalbert of Prague and old Russian narratives 78

Society and politics

Krishtal M. I. Environmental awareness of urban and rural residents..... 87

Shchekoturov A. V. Social and cultural determinants in the perception of environmental risks: Douglas grid group analysis..... 98

А. С. Кошель

ПАРЛАМЕНТ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО: СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРОЦЕДУР И ЗАКОНОВ В ТРАНСФОРМИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

5

Проанализированы место и роль парламента в современном трансформирующемся обществе. Исследованы причины кризиса парламентаризма, противостояния парламента и правительства в одних странах и повсеместного «узаконивания» политики правительства в сфере правовых норм – в других. Также показаны причины снижения доверия общества к институту парламента, который сегодня за счет уступок в пользу исполнительной власти утратил свое место в системе разделения властей, а его регуляторная функция используется лишь для создания регламентов существования граждан и корпораций по всем видам общественных отношений. Автор предлагает перейти в законотворческой деятельности парламента к созданию базовых норм, норм-принципов, очерчивающих рамки общественных отношений, взамен законов, регулирующих всё и вся. Кроме того, предлагается пересмотреть роли регламента парламента и регламентных норм в деятельности парламента, отойти от практики скоротечного принятия законов в парламенте, ввести научное и экспертное сопровождение законодательного процесса в парламенте в качестве обязательных элементов законодательного процесса. Утверждается необходимость усилить роль экспертных советов при комитетах Государственной думы России и место Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, закрепив в регламентных нормах парламента и законах обязательный характер проводимых ими анализа и экспертизы внесенных законопроектов на этапах законодательного процесса.

The author analyzes the place and role of parliament in today's transforming society and investigates the causes of the crisis of parliamentarism, the confrontation between parliament and government in some countries and in others - the widespread "legitimization" of government policy in the sphere of legal norms. The author has identified the reasons for a decrease in trust to parliaments, which no longer play a decisive role in the division of power, being forced aside by the executive authorities. Today the regulatory function of parliament is narrowed to the elaboration of legislation regulating, widely speaking, the standing of both individuals and corporations in all kinds of public relations. The author has proposed to focus the legislative activity of Parliament on the creation of basic norms and principles that outline the framework of public relations rather than elaborating legal acts regulating many spheres at large. The author has reviewed the role of the parliament regulations and rules of procedure in the activities of parliament. It is proposed to to move away from the practice of speedy adoption of laws and to introduce expert support and evaluation of the legislative process in parliament as

mandatory elements of the legislative process. The article asserts the need to strengthen the role of expert councils under the committees of the Russian State Duma and the place of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, fixing in the parliamentary regulations and laws, the mandatory nature of their analysis and expertise of introduced bills at the stages of the legislative process.

Ключевые слова: парламент, законотворчество, парламентские процедуры, право, законы, законодательный процесс, трансформация общества, общественные отношения, базовые нормы.

Keywords: parliament, law-making, parliamentary procedures, laws, law-making process, transformation of society, social relations, basic norms.

Введение

Парламентаризм на современном этапе переживает сложную эпоху отвоевывания переданных полномочий. Слишком большое количество исключительных полномочий парламента сегодня зависит от исполнительной власти. Во многих странах парламент принимает закон о бюджете только в редакции, предложенной или согласованной высшим должностным лицом либо правительством, многие полномочия парламента прямо или косвенно делегируются исполнительной власти, судебная система все чаще ограничивает суверенитет парламента, посягая на его законодательные полномочия. Парламент стал своего рода сиротой, усыновленным правительством и вынужденным чаще не в силу духа права, а вследствие собственной уступчивости считаться с и без того традиционно сильной исполнительной властью.

Неоднократная приостановка работы правительства США (Government shutdown) в связи с невозможностью для конгресса самостоятельно корректировать проект бюджета, заявления председателя Государственной думы России В.В. Володина о дисбалансе ветвей власти в ущерб парламенту, расширение доли делегированного законодательства в Великобритании с фактической подконтрольностью парламента дому №10 по Даунинг-стрит и аналогичные ситуации в большинстве других стран свидетельствуют о глубоком кризисе в мировой системе народного представительства.

Немецкие юристы отмечают тенденцию упадка парламентаризма: парламент перестал претендовать на лидерство в конституционно-правовом аспекте, в котором он изначально задумывался как ограничитель исполнительной власти в период дуалистических монархий. Стронники этого взгляда обращают внимание на то, что ведущая роль в конституционном процессе сместилась в сторону исполнительной власти, которая из приличия, а не в силу конституционно-правовой модели превращает парламент в «машину для голосования» по заданным вопросам с целью легитимизации принимаемых президентом и правительством решений, что наблюдается, например, в ФРГ и России [7; 21]. Данный тезис подтверждается ростом доли правительственных законопроектов, вносимых в парламента России и Германии каждого нового созыва [25]. Вместе с тем существуют и противоположные точки зрения.

Так, Т. Я. Хабриева и С. Е. Нарышкин успех демократических преобразований связывают прежде всего с усилением роли парламента и полагают, что доктрина парламентаризма в XXI в. переживает возрождение [28]. Зарубежные и российские юристы отмечают системный кризис в разграничении полномочий парламента и исполнительной власти, связанный с увеличением делегированного законодательства, превращение парламента в инструмент проведения политики президента и правительства [4; 12; 13, с. 227; 34, с. 61 – 62].

Парламент все больше становится инструментом законодательного оформления политики президента и правительства. Но в этом нет самого духа парламентаризма. Отсутствует реальный противовес, исполнительная власть активно вмешивается в электоральный процесс, продвигая всеми возможными средствами государственного аппарата угодных правительству кандидатов в депутаты, которые в благодарность должны поддерживать проводимую правительством политику, а для неугодных политических сил создаются все большие барьеры на пути в парламент. Парламент отрывается от народа, представителем и олицетворением которого он является, а народ проявляет все меньше интереса к парламенту и парламентским институтам. Такая политика, несомненно, ведет к серьезному кризису всей политической системы, снижению легитимности власти и решений, которые эта власть принимает.

Регуляторная деятельность парламента должна быть направлена на формирование условий и способов нормального функционирования человека, общества и государства. Хотя в юридической литературе слабо рассмотрен потенциал правозащитной деятельности парламентских институтов, именно права человека определяют смысл и содержание законов в силу ст. 18 Конституции Российской Федерации [24, с. 1]. За палатами Федерального собрания закреплена широкий круг полномочий, прямо или косвенно затрагивающих права человека, как то: рассмотрение обращений граждан и организаций и связанных с ними обязательных для рассмотрения всеми должностными лицами и органами парламентских и депутатских запросов по конкретным фактам нарушения прав человека, разработка актов Государственной думы об амнистии, наконец, подготовка федеральных законов, направленных на ограничение конституционных прав и свобод граждан в определенных Конституцией случаях, назначение Уполномоченного по правам человека.

В работе применены научные методы анализа, синтеза, нормативистский (формально-логический).

1. Регламент – основа гармоничного и справедливого парламента

В России не ослабевает интерес к проблеме определения роли права. Право – форма свободы, а свобода – ценнейший дар человечества. Но каждый из нас осознает, что свобода может привести нас к несвободе по собственной воле. Любая создаваемая норма человеческого бытия позволяет нам жить свободно или несвободно, и зависит это от того,

какие нормы мы сами для себя устанавливаем. Это означает, что государственная власть — источник всех норм и правил в государстве, а поскольку источником самой государственной власти является народ, который избирает себе правителей, то фактически любые нормы исходят от самого народа и от его имени санкционируются. Но может ли власть, издающая правовые нормы, сама ими пренебрегать? Свободу выборов обеспечивают лишь строгая регламентация избирательного процесса и объективное беспристрастное проведение выборов их организаторами. Эти же правила применимы к деятельности парламента: создание правовых норм должно обеспечивать свободу выражения мнений, дискуссии, беспристрастность (отсутствие императивного мандата), объективность подсчета голосов и публичность деятельности органов власти, принимающих решения. По сути, свобода возможна в четко очерченных правом рамках.

Право олицетворяет смысл и ценности, которые нас объединяют. У нас общая природа, мы по природе равны, каждый заслуживает равного отношения и уважения своих прав. Править против закона — значит навязывать несправедливость сверху. Законы должны быть инструментом не власти, а права. Никто не стоит выше закона, и верховенство права служит интересам общества. Роль государства состоит в том, чтобы обеспечить положительное влияние на нашу жизнь. Разрабатываемые законы имеют фундаментальное значение для всего общества, у которого должны быть возможности высказываться по поводу принимаемых законов и жизненно важных начинаний. Поэтому парламент не может существовать в хаотичном состоянии. На парламент в системе разделения властей возлагаются полномочия по важнейшим политическим вопросам, принятие которых влечет за собой серьезные политические последствия. При такой постановке вопроса нельзя не учитывать необходимость неукоснительного соблюдения процедурных правил, пусть и установленных самим парламентом, но на основе квалифицированного большинства, хотя в идеале такие решения, то есть решения по процедурным вопросам, должны приниматься консенсусом. В противном случае принимаемые законы ослабляют социальную гармонию.

Парламентское право включает также большое количество материальных норм, принимаемых в развитие конституции. Особую роль среди таких источников играют регламенты (постоянные правила) парламента либо, при бикамеральной структуре, палат парламента. При этом регламентные нормы в ряде стране подчас закреплены на законодательном уровне, к примеру в законе Болгарии «О нормативно-правовых актах» 1973 г., законе Венгрии «О правотворчестве» 1987 г., законе Республики Казахстан «О нормативных правовых актах» 1998 г. [26, с. 112]. Высокое значение эти нормы, даже если они носят сугубо подзаконный характер, приобретают и в силу того, что их соблюдение обеспечивает легитимность и конституционность уже не самой работы парламента, а принимаемых им решений, имеющих высшую юридическую силу.

Одним из определений современной демократии является механизм принятия решений на основе свободного выражения и взаимного уважения мнений различных социальных групп [8, с. 36]. При этом демократическим стандартом можно назвать такую систему, которая позволяет обеспечить выявление, представительство и учет позиций различных слоев общества и групп интересов [19, с. 12]. В системе обычного права этот принцип, то есть принцип власти большинства при уважении прав меньшинства, считается сердцевинной парламентской процедуры и находит закрепление в регламентах парламента или его палат.

Еще одна важная проблема заключается в соблюдении прав участников законодательного процесса. Так, например, нигде в Конституции России, законах и регламенте Государственной думы не закреплена продолжительность законодательного процесса в Государственной думе, именно поэтому мы часто встречаем информацию как о том, что Дума приняла сразу в двух или трех чтениях на одном заседании тот или иной законопроект, так и о том, что Думе приходится «разбирать» архивы прошлых созывов. Но разве добросовестно принимать законопроект сразу в трех чтениях за один день? Такой подход однозначно лишает возможности подойти к процессу законотворчества взвешенно — «с чувством, с толком, с расстановкой».

Лоббистская деятельность, определяемая в качестве одного из важнейших источников позитивного права в условиях либерально-демократического режима и представляющая собой волю «авторитетов той или иной среды», среди которых выделяют бизнес-сообщество и различные корпорации [3; 23, с. 153–163], вообще не нашла отражения в законодательстве. Однако такая деятельность всегда и во всех странах подчиняется жестким правилам, без навязывания отдельными акторами внутренней политики своей воли парламентариям.

Особое значение в доктрине парламентского права имеет парламентская процедура, относящаяся к квазисудебным полномочиям парламента. Так, к примеру, палата лордов английского парламента до сих пор обладает правом разрешать ряд вопросов как высшая судебная инстанция, несмотря на появившийся не так давно Верховный суд Соединенного Королевства. Стремление обеспечить в парламенте право оппозиции высказаться и внести свои поправки в принимаемые законы отражает специфику законодательного процесса. Как импичмент, так и лишение депутата полномочий являются судебными процессами не в чистом виде, однако сам характер таких разбирательств в парламенте и их влияние на права и свободы граждан и должностных лиц призваны обеспечить принципы судопроизводства, поэтому в зарубежной практике для таких целей в ряде случаев в состав палаты лордов включаются лорды-юристы, в США на заседаниях по импичменту в сенате США председательствует верховный судья США. В России и целом ряде других стран перед окончательным решением парламента вопрос судебной квалификации дел об импичменте отнесен к компетенции высших судебных инстанций — Верховного и Конституционного судов.

Однако вопрос лишения депутатов своих мандатов или неприкосновенности по-прежнему носит чисто политический характер и не обеспечен процессуальными гарантиями, характерными для судебного разбирательства, хотя по своей природе таким разбирательствам должен быть присущ характер судебного разбирательства. Принятие Государственной думой решения о досрочном прекращении полномочий депутата вследствие их неисполнения возлагает на Думу не свойственные ей полномочия работодателя и суда. В зарубежной практике лишение депутата его полномочий возможно в нескольких случаях: в случае роспуска парламента; в случае принятия парламентом решения о самороспуске; в случае смерти, признания недееспособным, безвестно отсутствующим; в случае импичмента; в случае отзыва депутата избирателями.

Процесс лишения депутата неприкосновенности должен обеспечивать объективное разбирательство и гарантии деятельности депутата при строгом соблюдении права парламента на невмешательство в его деятельность представителей других ветвей власти. Вместе с тем такой процесс должен иметь в своей основе все принципы судопроизводства, включая право на дачу показаний в парламенте депутатом и инициатором лишения неприкосновенности, на прения сторон, на вопросы со стороны заинтересованных лиц, в том числе остальных депутатов парламента как лиц, в чьи интересы входит обеспечение независимости парламента. Одновременно с этим обеспечение процессуальных гарантий на таких заседаниях должно быть возложено на верховного судью, который при этом не должен получить право голоса даже в случае равенства голосов при конечном принятии решения, а голосование должно происходить тайно, без применения электронных систем во избежание при любом его исходе последующего преследования самих депутатов.

Кроме того, строгий регламентированный порядок объявления импичмента, предусматривающий отстранение от должности и лишение неприкосновенности, гарантирован главе государства, и отсутствие таких гарантий также всенародно избираемым членам парламента, по сути, нарушает право граждан избирать своих представителей.

Соблюдение же процедур, даже если оно носит ритуальный характер, принципиально важно для правового государства. Процедуры позволяют нам за счет времени, которое на них отводится, разобраться в том, за что или против чего мы голосуем. Вопрос только в том, готово ли правящее большинство делиться своими полномочиями с оппозицией и с обществом, перейти к комбинированному типу управления, сочетающему государственные и общественные институты, сделать власть доступной — ведь доступность сегодня, как мы видим, является главным фактором популярности. Кроме того, дефицит равенства может привести к дефициту регуляторных способностей права [15, с. 9–12]. В ходе реформы гражданского законодательства мы вернулись к прин-

дипу добросовестности¹, но почему бы тогда не рассмотреть его использование в парламентском праве, прежде всего применительно к упомянутой выше практике принятия законопроекта в трех чтениях за один день? Ведь такая ситуация не позволяет осуществлять процесс законотворчества взвешенно, с соблюдением прав и законных (конституционных) интересов всех участников законодательного процесса и субъектов права законодательной инициативы.

2. Законы – фундамент правового государства

Сложно не согласиться с мнением Ю. А. Тихомирова о том, что в современном обществе количественный рост законов происходит параллельно со снижением их роли, что связано с излишней регламентацией норм в законах, смешением закона и подзаконного акта. Все это нивелирует роль и значение закона в системе источников права [31, с. 13; 32, с. 72].

Возврат к добросовестности в парламентском праве, соблюдению всех процедур законодательного процесса ставит перед нами и другую проблему. В России стремятся урегулировать нормами буквально все, и в результате ценность самого законодательства девальвируется. Половина человечества, прежде всего Индия и Китай, сегодня уже отошла от подобной практики и не стремится урегулировать все вертикально. В этих странах наблюдается тенденция к горизонтальному управлению. Язык законодателя сложен, кроме того, он может устареть и уже не регулировать создаваемые или быстро изменяющиеся общественные отношения. Чтобы подойти к решению этой проблемы, нужно обеспечить предсказуемость и преемственность закона. Слом традиций особенно вреден для государств Центральной и Восточной Европы, включая Россию, за прошлый век дважды переживших радикальную трансформацию правовых традиций – сначала при переходе от имперского типа правления к социалистическому, а затем от социалистического – к постсоциалистическому.

С древнейших времен человечество стремилось жить совместно. Но это порождает конфликт, поскольку то, что хорошо для одного, не обязательно хорошо для многих и уж точно не хорошо для всех. Поэтому необходимо стремиться создавать универсальные правила. Об этом писал еще Ганс Кельзен, обосновавший доктрину основной нормы (Grundnorm), выражающей базовую ценность, вокруг которой выстраиваются остальные нормы. Современное законодательство должно базироваться преимущественно на нормах-принципах, они должны задавать контур общественных отношений, не ограничивая научно-технический прогресс, свободу воли людей, возможности более широкого выбора.

¹ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2012 г. №302-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №53. Ст. 7627.

Особое место среди законов занимает закон о бюджете. Полномочия парламентов в финансовой сфере — их фундаментальная функция. К примеру, английский парламент получил право устанавливать налоги уже в XIII в., в то время как принимать законы — только в XV в., французский парламент (Генеральные штаты) — соответственно в XIV и XVIII вв. Традиционно под полномочиями парламента в финансовой сфере понимают его привилегию на установление государственных налогов и сборов и компетенцию по принятию государственного бюджета. Сегодня парламентские компетенции в финансовой сфере подчас ограничиваются [9, с. 160–169]. В ряде парламентов, например Франции и Португалии, депутаты не вправе вносить законопроекты, предусматривающие увеличение расходов и уменьшение доходов. Французское законодательство обязывает Национальное собрание рассмотреть и принять проект бюджета в 40-дневный срок, в противном случае правительство обращается к Сенату, который должен рассмотреть и принять бюджет в 15-дневный срок, и если в 70-дневный срок парламент не принимает бюджет, то правительство вводит в действие проект бюджета правительственным ордонансом (ст. 47 Конституции Франции).

Повсеместно наблюдается тенденция развития парламента в направлении контроля за принятием решений со стороны государства (правительства), то есть развития не активной, а пассивной его роли, когда парламент принимает или не принимает политику, проводимую главой государства и правительством, путем принятия (либо непринятия) вносимых правительством законопроектов, проекта бюджета, путем проведения процедуры импичмента главы государства, отдельных министров, выражения вотума недоверия правительству [17, с. 357].

Именно роль парламента в принятии бюджета обуславливает сегодня его силу или слабость [6, с. 184–186]. В американской модели демократии роль парламента год от года усиливается, основной причиной чего является особая роль законодателей в принятии бюджета и активное участие парламентариев в бюджетном процессе. При формировании бюджета правительство вынуждено считаться с мнением конгрессменов США, а сам процесс его формирования служит действенным инструментом давления конгресса США на принимаемые правительством решения. В частности, за период с 1977 по 2018 г. правительство США из-за разногласий с конгрессом и непринятия последним правительственной версии бюджета было вынуждено 18 раз ограничивать или приостанавливать свою работу², тогда как, например, парламент Польши может быть распущен президентом в случае непринятия в трехмесячный срок закона о бюджете [35, с. 69–76].

Создание правовых норм высшей юридической силы, особенно в предлагаемом формате строго регламентированного и, естественно, нескорого процесса принятия законов, должно быть направлено на регулирование основных принципов общественных отношений, уход

² ТАСС. 2018. 20 янв. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4888464>; Известия. 2018. 22 дек. URL: <https://iz.ru/826804/video/pravitelstvo-ssha-priostanovlo-rabotu>

от более глубокого и детального регулирования действий граждан и корпораций во всех сферах общественных отношений. Это подводит нас к еще более глубокой проблеме — необходимости научного и экспертного сопровождения процесса законотворчества.

3. Экспертное и научное сопровождение законотворческого процесса

Экспертиза законопроектов недооценена законодателем, в то же время ряд зарубежных и российских исследователей считает данную деятельность важнейшим этапом законодательного процесса, обеспечивающим принятие качественных законопроектов [2; 36]. В частности, Г. Спенсер отмечал, что невежество законодателя приводит к большим бедствиям, чем невежество врачей [30].

Особенно это важно с учетом позиции социологов права В.Н. Кудрявцева и В.П. Казимирчука, отмечающих, что закон начинает действовать в полную силу только по прошествии 3–5 лет с момента его принятия [20]. Эта позиция воспринята в ст. 38 закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», предусматривающей возможность внесения поправок в принятый закон не ранее чем через год с момента его принятия (издания).

Социологи права выделяют по меньшей мере семь стадий социологического обеспечения законотворчества, среди которых наиболее интересными представляются научная экспертиза законопроекта и выяснение отношения к нему населения [24, с. 275–281].

Необходимость научной экспертизы законопроектов в целях эффективного законотворчества впервые обосновывается в трудах Р. Паунда [5]. Качество законопроектов ряд авторов напрямую увязывает с необходимостью их научной экспертизы, наличием в законопроекте исчерпывающих механизмов его правового регулирования, к которым относятся материально-технические (финансовые), организационные и информационные средства. А.А. Зелепукин отмечает, что одним из важнейших элементов правовой культуры является «наличие качественного, беспробельного и внутренне согласованного законодательства» [14]. В частности, В.В. Красинский указывает, что на стадии создания законопроекта научная экспертиза должна способствовать в числе прочего выбору правильного круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; установлению адекватной конструкции правового акта; определению правильных средств и методов правового воздействия; соблюдению правил законодательной техники [18].

Одним из вариантов решения проблемы экспертного сопровождения законодательного процесса может стать факультативное участие экспертных советов, создаваемых при комитетах Государственной думы, в экспертизе и разработке законопроектов [33].

Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ уделило особое внимание созданию странами — членами ОБСЕ специальных инструментов для качественной выработки законопроектов, разработав рекомендации по законодательной технике для стран Цен-

тральной и Восточной Европы³. Эта концепция воспринята, в частности, польским законодательством. В законодательном процессе Польши особую роль занимает деятельность Республиканского центра законодательства (Rządowe Centrum Legislacji) при Совете министров Польши. Отличительной особенностью законопроектной работы в Польше является направление маршалом сейма всех внесенных в сейм законопроектов председателю Совета министров (п. 2 ст. 32 Регламента сейма). Республиканский центр законодательства на основании разд. 2 Регламента Совета министров и Правил законодательной техники осуществляет проверку законодательной техники всех нормативных правовых актов Польской Республики до внесения их в Совет министров. Таким образом, все законопроекты проходят обязательную проверку в Республиканском центре законодательства. Более того, всем законопроектам на основании §11 Регламента Совета министров дается оценка последствий их принятия. В Правилах законодательной техники четко определены структура нормативного правового акта, используемая лексика, форма, порядок записи информации об изменениях (в связи с тем, что измененный акт подлежит публикации) и пр.

С учетом того, что к депутатам парламента не предъявляются обязательные требования к наличию либо отсутствию специальных знаний в области права, а также в целях наиболее эффективной правовой экспертизы законодательной инициативы на субъекта права законодательной инициативы возлагается обязанность подготовки пояснительной записки к законопроекту. Правовая природа пояснительной записки в юридической литературе исследована недостаточно, присутствуют работы Т. А. Васильевой, А. О. Маслова [12, с. 128; 27, с. 38–47].

Сложно не согласиться с Т. А. Васильевой, которая отмечает, что пояснительная записка к законопроекту — зачастую единственный документ, которым большинство депутатов руководствуются при принятии решения по законопроекту. Кроме того, пояснительная записка к законопроекту, подготовленному лицами, не обладающими специальными знаниями в области права, — это единственный документ, позволяющий правовым управлениям аппаратов парламентов отразить в своем заключении набор необходимых редакторских правок к тексту законопроекта для того, чтобы обеспечить однозначное восприятие норм законопроекта и (в случае таковой необходимости) привести его в соответствие с Конституцией, международными договорами, принятыми в стране нормами юридической техники, то есть обеспечить соблюдение главного требования законодательного процесса — принципа правовой определенности [11, с. 6]⁴.

³ Checklist on law drafting and regulatory management in Central and Eastern Europe // SIGMA Papers. 1997. №15. URL: www.legislationline.org/download/action/download/id/2255/file/OECD_Sigma15_Checklist_LawDrafting_1997.pdf (дата обращения: 07.01.2019).

⁴ Постановление КС РФ от 24 мая 2001 г. №8-П // СЗ РФ. 2001. №22. Ст. 2276 ; Постановление КС РФ от 20 декабря 2010 г. №21-П // СЗ РФ. 2010. №52 (ч. 1). Ст. 7214 ; Постановление КС РФ от 25 декабря 2012 г. №33-П // СЗ РФ. 2013. №1. Ст. 77.

В этой связи в законодательстве Канады и США присутствует требование о включении в содержание пояснительной записки к законопроекту перечня изменений, которые должны произойти в связи с принятием законопроекта⁵.

А. О. Маслов и В. Б. Исааков предлагают в число требований к пояснительной записке включить научное обоснование и сравнительный правоведческий анализ правового регулирования в данной сфере за рубежом [16, с. 2; 27].

Конституционно-правовое значение пояснительной записки к законопроекту может заключаться и в том, чтобы оказать помощь законодателю в правильном понимании целей правового регулирования норм предлагаемого законопроекта, а впоследствии и помощь правоприменителю в осуществлении телеологического толкования принятого закона в целях правильного применения норм закона [29, с. 27–33].

Целесообразно предусмотреть возможность публикации пояснительной записки к принятым законам, так как пояснительная записка впоследствии может стать обоснованием при судебном оспаривании подзаконных актов и актов низшей юридической силы на предмет соответствия принятому закону.

Транспарентность законов предполагает ответственность участников законодательного процесса. Закон должен быть обоснован, и это обоснование, по мнению испанского конституционалиста А. Арсе Ханариса, должно содержаться в законодательном процессе с целью обеспечения его транспарентности. Ханарис отмечает, что дебаты — не единственный механизм обеспечения транспарентности законодательного процесса, другими механизмами могут быть обоснование принятия законопроектов в преамбуле самих законов либо повышение требований к сопроводительным документам к законопроекту [1].

В ходе конституционной реформы во Франции 2009 г. был предусмотрен целый ряд нововведений, в числе которых обязательное сопровождение вносимого законопроекта пояснениями о целях законодательной инициативы и последствиях его принятия (Органический закон от 15 апреля 2009 г. № 2009-403). Внесение поправки в соответствии с указанным законом также может быть осуществлено только с приложением пояснения о мотивах ее принятия. Кроме того, поправки, предлагаемые депутатами, могут вноситься не менее чем за три дня до начала рассмотрения законопроекта Национальным собранием, после чего их могут инициировать профильная комиссия либо правительство (ст. 86 регламента Национального собрания Франции). Этим обусловлены и конституционные поправки, обязывающие Национальное собрание начать рассмотрение законопроекта не ранее чем через 60 дней после его внесения в Национальное собрание Франции (ч. 3 ст. 42 Конституции Франции).

⁵ *Guide to making federal acts and regulations*. 2nd ed. Ottawa, 2001 // Government of Canada. P. 133. URL: <http://www.pco.gc.ca/docs/information/publications/legislation/pdf-eng.pdf> (дата обращения: 31.11.2018) ; *Legislation Drafting Manual (Concise Version)*. P. 19 // Idaho Legislature. URL: <http://legislature.idaho.gov/about/draftingmanual.pdf> (дата обращения: 31.01.2019).

Правилами законопроектной работы (Guide to Making Legislation), принятыми в 2017 г. Кабинетом Соединенного Королевства, устанавливаются требования к пояснительной записке (explanatory notes): роль законопроекта, краткий обзор законодательства в указанной сфере, действующее правовое регулирование, предлагаемые изменения и их причины, сфера правового регулирования законопроекта, круг лиц и территория, на которые распространяется действие законопроекта, характеристика законопроекта и его частей, толкование специальных терминов, используемых в законопроекте, и примеры действия законопроекта для парламентариев, не обладающих специальными знаниями в указанной сфере правового регулирования⁶. Пояснительная записка — это не законодательство, с Высочайшего повеления финальная версия пояснительной записки может быть опубликована совместно с законом (п. 11.8, 11.9 Правил).

Заключение

На современном этапе развития общества парламент как важнейший национальный представительный орган должен переосмыслить свою роль в управлении делами государства. Необходимо приложить все усилия, чтобы вернуть доверие граждан к институту парламентаризма. В качестве мер, предлагаемых для этого, назовем усиление роли регламентных норм при принятии парламентом законов и их строгое и неукоснительное соблюдение, принятие в законотворчестве концепции Grundnorm, предполагающей усиление роли норм-принципов, регулирующих фундаментальные основы общественных отношений, и уход от всесторонней регламентации общественных отношений. Несомненно, эти меры должны сопровождаться и усилением участия экспертного и научного сообщества в процессе законотворчества, а именно усилением роли экспертных советов при комитетах Государственной думы и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в экспертном сопровождении законодательного процесса на этапе разработки и принятия законов. Указанные принципы законотворчества, по нашему мнению, помогут возродить доверие к принимаемым парламентом законам и позволят в будущем сократить законопроектную работу, так как нормы-принципы в исторической перспективе не требуют детального пересмотра на постоянной основе в условиях трансформирующихся общественных отношений.

Список литературы

1. Arce Janariz A. La Transparencia de la ley // Cuadernos Manuel Giménez Abad. 2013. №5. P. 59–68.

⁶ Guide to Making Legislation. P. 77–112. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/450239/Guide_to_Making_Legislation.pdf (дата обращения: 04.01.2019).

2. Dawn O. Improving the scrutiny of bills: The case for standards and checklists // Public law. 2006. Summer. P. 219–246.
3. Harris J. Legal Philosophies. Dublin, 1997.
4. Pinelli C. Un sistema parallelo. Decreti-leggi e ordinanzi d'urgenza nell'esperienza italiana: Relazione al Convegno del Gruppo S. Martino, Università di Milano, Bicocca, 13 Novembre 2009, su «Recenti novità nell'uso dei poteri normativi del governoll» // URL: <http://www.associazionedeicostituzionalisti.it/dottrina/fontidiritto/pinelli.pdf> (дата обращения: 07.01.2019).
5. Pound R. The Scope and Purpose of the Sociological Jurisprudence // Harvard Law Review. 1912. Vol. 25. P. 513–516.
6. Tensey S.D. Politics: The Basis. L.; N.Y., 2002.
7. Von Bogdandy A. Parlamentarismus in Europa: eine Verfalls- oder Erfolgsgeschichte // Archiv des Öffentlichen Rechts. 2005. №130 (3). S. 445–464.
8. Алебастрова А.И. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex Russica. 2012. №1 (122). С. 35–49.
9. Богов Х.М. Реализация полномочий зарубежных парламентов в бюджетном процессе // Вестник АКСОР. 2011. №4 (19). С. 160–169.
10. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. №10. С. 4–10.
11. Васильева Т.А. Как написать закон. М., 2015.
12. Васильева Т.А. Акты делегированного законодательства как источник публичного права зарубежных стран // Труды Института государства и права РАН. 2011. №1. С. 171–194.
13. Гунель М. Введение в публичное право. М., 1995.
14. Зелушкин А.А. Проблемы научного обеспечения создания и действия закона // Правовая культура. 2006. №1 (1). С. 89–95.
15. Зорькин В.Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. №1. С. 4–27.
16. Исаков В.Б. Законодательный кодекс РФ (макет) // Подготовка и принятие законов в правовом государстве : матер. междунар. семинара. М., 2011.
17. Кази А. Основные права и политические институты. Тегеран, 1989.
18. Красинский В.В. Качество российских законов // Право и политика. 2005. №5. С. 101–104.
19. Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008.
20. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права М., 1995.
21. Кучеренко П.А. Парламентаризм как европейская политическая идеология: конституционно-правовой аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2014. №4. С. 96–101.
22. Лапаева В.В. Социология права. М., 2011.
23. Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002.
24. Лукашева Е.А. Права человека : учебник для вузов. М., 2001.
25. Малаев М., Шкуренко О. Сравнительный парламентаризм // Коммерсант. 2017. 22 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3502058> (дата обращения: 10.01.2019).
26. Марченко М.Н. Источники права. М., 2005.
27. Маслов А.О. К вопросу о роли пояснительной записки в законодательном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2016. №10 (71). С. 38–47.
28. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению Евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. №8 (188). С. 5–15.
29. Насырова Т.Я., Лазарев В.В. Телеологическое толкование советского закона и правотворчество // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. №2. С. 27–33.

30. Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. №2. С. 129–136.

31. Тихомиров Ю. А. Закон: притязания, стабильность, коллизии // Законодательство России в XXI веке : матер. науч.-практ. конф. (Москва, 17 октября 2000 г.). М., 2002. С. 8–14.

32. Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. Введение в российское право. М., 2003.

33. Фомичева О. А. К вопросу о регламентации правовой экспертизы в законодательной деятельности парламента России // Вестник Томского государственного университета. 2014. №387. С. 175–179.

34. Фоскуле А. Эрозия парламентской системы в Федеративной Республике Германии // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2004. №2 (47). С. 59–64.

35. Чахор Р. Эволюция отношений между президентом и парламентом в Польше в период трансформации // Российский парламентаризм: региональное измерение : матер. III Всерос. конф. с междунар. участием. М., 2014. С. 69–76.

36. Шишпаренок О. Н. Экспертно-правовая оценка законов субъектов Российской Федерации на предмет их соответствия правилам юридической техники // Академический юридический журнал. 2009. №1 (35). С. 27–34.

Об авторе

Алексей Сергеевич Кошель — канд. полит. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет, Россия.

E-mail: koshel.as@dvvfu.ru

The author

Dr Alexey S. Koshel, Associate Professor, Far Eastern Federal University, Russia.

E-mail: koshel.as@dvvfu.ru

И. В. Запоточный

**ТАКТИКА И ТЕХНОЛОГИЯ АНАЛИЗА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
ПОЛУЧЕННЫХ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ**

В настоящей статье раскрываются основные принципы оперативно-розыскной деятельности и особенности формирования доказательств на основании информации, полученной в ходе данной деятельности. Приводится перечень судебных действий, которые реализуются в ходе судебного разбирательства и направлены на проверку доказательств, сформированных на основании информации, полученной в рамках оперативно-розыскной деятельности. Рассматриваются подходы к анализу адвокатом-защитником доказательств, сформированных на основании информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности. Предлагаются варианты тактических и технологических рекомендаций по анализу данных доказательств. Приводится анализ возможных проблем, с которыми могут столкнуться участники уголовного судопроизводства со стороны защиты.

19

This article describes the basic principles of operational and investigative activities (OIA), with a focus on the formation of evidence on the basis of information obtained during the OIAs. The author analyses judicial actions taken during court proceedings, which are aimed at the verification of the evidence formed on the basis of the information obtained in the course of the investigative activity. The author reviews the main approaches to the analysis of evidence by a defense lawyer and offers tactical and technological recommendations for the analysis of this evidence. The author describes possible problems, which participants of criminal proceedings can face during the defense.

Ключевые слова: адвокат, тактика, технология, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, доказательства.

Keywords: attorney, tactics, technology, operational-investigative activity, operational-investigative event, evidence.

Основной объем уголовных преступлений раскрывается, как правило, с опорой на сведения, полученные в рамках оперативно-розыскной деятельности (ОРД), которая регулируется федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — 144-ФЗ). Некоторые сведения являются лишь ориентирующими и могут использоваться органами, осуществляющими уголовное преследование, на стадии предварительного следствия в целях раскрытия и расследования преступлений, и только определенная часть полученной информации в дальнейшем обретет форму доказательств, на основании которых будет осуществляться непосредственно уголовное преследование. Порой сведения, полученные в результате

ОРД, становятся ключевыми доказательствами при их должном закреплении и оформлении оперативными подразделениями, имеющими право осуществлять ОРД на территории Российской Федерации (ст. 13 144-ФЗ [1]), и легализации в соответствии со ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] и ст. 11 144-ФЗ, на основании которых в дальнейшем будет осуществляться доказывание по уголовному делу.

Еще раз обратим внимание на то, что сами результаты, полученные в ходе ОРД, являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований 144-ФЗ, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе норм уголовно-процессуального закона [3].

Специфика ОРД, состоящая в ее скрытости, секретности, конспиративности, ограничивает участников уголовного судопроизводства от полного восприятия и понимания тех действий и процессов, которые протекают в рамках ее реализации. Незримой для многих участников уголовного судопроизводства остается и регламентация деятельности внутри данных структур и в ходе осуществления ими своей профессиональной деятельности. Данные особенности влияют на процесс анализа и исследования таких доказательств, а также иных сведений, которые могут содержаться в них и иметь важное значение для расследуемого уголовного дела.

Для адвокатов – профессиональных участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных)¹, представляется особенно важным детальный анализ и исследование всех обстоятельств, связанных с проведением оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), в ходе которых были получены данные доказательства. Поэтому для стороны защиты, и в частности адвокатов, выработка тактики и технологии анализа доказательств, сформированных на основе результатов ОРД, имеет особое, можно сказать, исключительное значение, поскольку позволит качественно подготовиться к проведению судебных действий, что будет способствовать более эффективной деятельности по защите прав и законных интересов подсудимого.

Из общего количества судебных действий в ходе исследования доказательств, сформированных на основании информации, полученной в процессе ОРД, можно, например, выделить такие, как допрос сотрудников оперативных подразделений, участвовавших в подготовке или проведении ОРМ, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей; допрос иных лиц, которые согласились участвовать в подготовке или проведении ОРМ и могут быть допрошены в качестве свидетелей, подсудимых, потерпевших; допрос лиц, обладающих специальными знаниями и участвовавших в подготовке, проведении и фиксации результатов ОРМ (данные лица могут быть допрошены в качестве свиде-

¹ В дальнейшем для удобства будем использовать термин «подсудимый».

теля или специалиста), и пр. Помимо этого может встать вопрос о необходимости проведения в ходе судебного разбирательства судебной экспертизы в отношении тех объектов или носителей информации, которые были предоставлены органами, осуществлявшими ОРД.

Необходимо учитывать два важных момента. Во-первых, сведения в области ОРД, согласно ст. 2 закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», являются государственной тайной [4]. В частности, государственную тайну составляют сведения в области ОРД о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, а также о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими разведывательную, контрразведывательную и ОРД (абз. 1 и 3 п. 4 ст. 5 закона «О государственной тайне»). Данные сведения подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД (ст. 12 144-ФЗ).

Во-вторых, регламентация организации и порядка проведения ОРД, в том числе в силу ее секретности и ведомственной принадлежности, регулируется в основном нормативными правовыми актами федеральных органов государственной власти или данных ведомств, которые, как правило, идут с грифом секретности или «для служебного пользования». В связи с этим провести анализ осуществленных ОРМ на соответствие данным регламентациям для подсудимого и его адвоката зачастую не представляется возможным, при том что возможное нарушение регламентированного порядка проведения того или иного ОРМ может говорить о незаконности действий сотрудников оперативных органов и, как следствие, нарушении принципа законности и невозможности в дальнейшем использовать данную информацию для формирования доказательств по уголовному делу.

Возникает парадоксальная ситуация, когда выявить и признать нарушение регламентированного порядка проведения ОРД может только руководитель данного оперативно-розыскного органа, который либо принимает решение о непредоставлении данной информации дознавателю, следователю или в суд в силу выявленных нарушений (что практически выглядит маловероятным), либо, скрывая данный факт, предоставляет полученную информацию для дальнейшего использования в рамках уголовного судопроизводства. Выявление такого нарушения, в принципе, будет затруднительным и для руководителя оперативно-розыскного органа, поскольку кроме самого оперативного сотрудника о допущенных и хорошо замаскированных нарушениях может никто и не знать.

Безусловно, оптимальным выходом в данной ситуации представляется наличие возможности у участников уголовного судопроизводства проанализировать ОРМ в полной мере, включая подготовительную стадию, стадию реализации ОРМ и их результаты. Но, как указывалось ранее, в силу определенной особенности данной деятельности в полной мере сделать это невозможно.

Несмотря на это, если возникают вопросы, касающиеся того, были ли результаты ОРД достигнуты оперативными органами с нарушени-

ями 144-ФЗ (путем, например, провокации, фальсификации и пр.), опровержение полученных в ходе таких ОРМ данных ляжет на сторону обвинения (ч. 4 ст. 14 УПК РФ), которой будет необходимо совместно с органами, осуществляющими ОРД, решить вопрос о возможности предоставления иной дополнительной информации, имеющейся в их распоряжении и опровергающей данные утверждения, или прибегнуть к иным средствам доказывания.

Необходимо учитывать еще одну особенность. Лица, привлекаемые к уголовному преследованию, могут узнать о том, что в отношении их осуществлялась ОРД, только по окончании расследования уголовного дела, когда они в ходе ознакомления с материалами дела (ст. 217 УПК РФ) обнаруживают доказательства, основанные на информации, полученной в ходе ОРД. Как правило, это характерно для таких ОРМ, как наблюдение (п. 6 ч. 1 ст. 6 144-ФЗ), прослушивание телефонных переговоров (п. 10 ч. 1 ст. 6 144-ФЗ), снятие информации с технических каналов связи (п. 11 ч. 1 ст. 6 144-ФЗ) и ряда других. Понять, в чем заключалось, как реализовывалось ОРМ и какая информация была получена в ходе его реализации, возможно на основе изучения различных документов (рапорты, акты, справки, отчеты, сводки, объяснения, исследования, расшифровки и пр.), а также носителей информации, на которых зафиксированы этапы проведенного ОРМ (кассеты, диски, USB-флеш-накопители, пленки, фотографии и пр.).

Возможности применения адвокатом тактических решений на этапе ознакомления с делом ограничены тем, что данное следственное действие проводится после окончания предварительного следствия, обязательным условием которого является достаточность доказательств для осуществления судебного уголовного преследования. Соответственно, комплекс тактических мероприятий нацеливаются на реализацию уже в ходе судебного производства.

Безусловно, в ходе и по окончании ознакомления с материалами уголовного дела со стороны адвоката могут быть заявлены ходатайства, направленные на решение тактических и стратегических задач, в том числе они могут содержать основания для возобновления предварительного следствия с целью проверки и/или установления значимых для стороны защиты обстоятельств. Но, как указывалось ранее, в силу особенностей данного этапа эти решения в большей степени рассчитаны на достижение тактических и стратегических целей в ходе принятия решения прокурором по поступившему уголовному делу и судебного производства, нежели в ходе предварительного следствия.

Конечно же, в силу специфики некоторых ОРМ подсудимый узнаёт о факте проведения ОРМ непосредственно в момент его окончания: при достижении цели ОРМ в момент выявления или после проявления им преступного поведения — «при задержании лица с поличным», когда ОРМ оканчивается непосредственным задержанием лица и осуществлением в отношении его мер уголовно-процессуального принуждения. Подобная ситуация характерна для таких ОРМ, как проверочная закупка (п. 4 ч. 1 ст. 6 144-ФЗ), контролируемая поставка (п. 13 ч. 1 ст. 6 144-ФЗ), оперативный эксперимент (п. 14 ч. 1 ст. 6 144-ФЗ). В дан-

ном случае лицо, в отношении которого осуществлялось ОРМ, может с большой долей вероятности предполагать, что результаты этого мероприятия лягут в основу его уголовного преследования, и, соответственно, еще на стадии предварительного следствия на основании полученной информации адвокатом могут формироваться тактические мероприятия, направленные на недопущение использования этой информации в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе на их полное исключение из доказательств.

Факты проведения ОРМ до окончания расследования могут выявиться и в иных случаях, например при необходимости провести экспертное исследование объекта, содержащего информацию о ходе и результатах ОРМ (фонографическая экспертиза аудиовидеозаписи при ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы), или когда лицо, осуществляющее уголовное преследование, в тактических целях использует результаты ОРМ: когда следователь в процессе допроса ссылается на информацию, полученную в ходе ОРМ, подчеркивая, что отрицать или сообщать ложную информацию не имеет никакого смысла.

Но несмотря на это, полная картина проведенного ОРМ (то есть вся информация, предоставленная органами, осуществляющими ОРД, и доказательства, сформированные на ее основе) открывается подсудимому и его адвокату только после окончания предварительного расследования, в то время как реализовать права по защите своей позиции эта сторона сможет лишь в ходе судебного разбирательства. Соответственно, и реализация адвокатом тактических действий по опровержению или признанию незаконными результатов ОРД станет возможной только в ходе судебного разбирательства.

Приступая к анализу доказательств, необходимо определить, какие документы, объекты или носители информации содержатся в материалах уголовного дела по факту ОРД и переданы ли они в соответствии с инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [5]. Далее следует выяснить, какая информация, полученная в результате ОРМ, была использована органами, осуществляющими уголовное преследование, для формирования доказательств по уголовному делу, и в рамках каких следственных или процессуальных действий она приобрела статус доказательства. После этого требуется сформировать четкое понимание того, какие доказательства, содержащие информацию об ОРМ, будут использоваться лицами, осуществляющими уголовное преследование, и какое место они займут в логической структуре доказательств уголовного преступления и роли лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Данная информация будет доступна адвокату и подсудимому только после получения обвинительного заключения и ознакомления с ним. Лишь после этого подсудимый и его адвокат могут приступить к подготовке комплекса тактических и технологических действий, направленных на исследование доказательств, сформированных на основании информации, полученной в рамках ОРД, с целью реализации стратегических целей по защите подсудимого.

В чем же заключаются тактические и технологические особенности анализа стороной защиты доказательств, основанных на информации о проведенном ОРМ?

На основании имеющейся информации адвокату необходимо определить, возможно ли из всего объема информации, которая содержится в доказательствах и иных документах, сформировать полную картину проведенного ОРМ. При наличии «темных пятен» необходимо определить, могут ли они иметь какое-либо значение для целей защиты.

По мнению А. И. Кривенко, результаты ОРД, предоставляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом и к соответствующим видам доказательств, и содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на источник получения предполагаемого доказательства или предмета, который может стать доказательством, а также данные, позволяющие проверить в условиях судопроизводства доказательства, сформированные на их основе [6, с. 101].

Особая важность для объективного и всестороннего рассмотрения уголовного дела в суде состоит именно в возможности проверить в условиях судопроизводства доказательства, которые были сформированы на основании информации, содержащейся в материалах ОРД.

Адвокат должен последовательно и скрупулезно исследовать каждый из этапов ОРМ, установив те моменты, которые выпадают из логической структуры ОРМ и которые требуется восполнить в ходе судебного следствия, проверить, какими документами подтверждаются те или иные значимые для расследования уголовного дела обстоятельства, и пр.

При этом в обязательном порядке исследование необходимо начинать с обращения к стадии, предшествующей проведению ОРМ (подготовительной), а именно с выяснения:

- каким органом, осуществляющим ОРД, было проведено ОРМ и имел ли он в соответствии с 144-ФЗ право его проводить;
- какие обстоятельства побудили органы, осуществляющие ОРД, к проведению ОРМ в отношении подсудимого (п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [7]) и какие объективные данные об этом свидетельствуют;
- личности лиц, участвовавших в ОРМ (за исключением лиц, введенных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе), с исследованием обстоятельств их привлечения (при каких обстоятельствах они привлечены к участию в ОРМ, кем, когда и пр.);

— были ли разъяснены привлеченным к участию в ОРМ лицам те действия, которые они должны выполнить и которые недопустимо совершать в рамках реализуемого ОРМ, а также те цели, которые преследует данное ОРМ;

— планировалось ли использовать в ходе проведения ОРМ специальные технические средства для негласного получения информации в процессе осуществления ОРД, в соответствии с Перечнем видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, утвержденным постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 [8];

— порядок передачи специальных технических средств для негласного получения информации и иных предметов лицам, участвующим в ОРМ; инструктировались ли данные лица о порядке использования и обращения со специальными техническими средствами и иными предметами;

— планировалось ли лицами, участвующими в ОРМ, использовать в процессе ОРМ какие-либо иные предметы, вещества, продукцию (наркотические средства, денежные средства, муляжи, взрывчатые вещества и пр.);

— подвергались ли специальной обработке или маркировке специальными маркирующими веществами предметы, предоставленные лицам, участвующим в ОРМ, с обязательным исследованием характеристики данного вещества, способа обработки, места обработки и пр.;

— возможны и иные необходимые к исследованию моменты в зависимости от вида ОРМ, способа и особенностей его реализации.

Далее шаг за шагом необходимо провести исследование непосредственно порядка реализации данного ОРМ. Данное исследование может включать анализ:

— действий лица, участвующего в ОРМ, на предмет их соответствия 144-ФЗ и тем действиям, которые ему необходимо было совершить согласно разработанному оперативными органами сценарию и которые были ему разъяснены до начала ОРМ;

— действий лиц, в отношении которых осуществлялось ОРМ, в том числе их поведения, особенностей, которые не свойственны данному лицу, и иных индивидуальных черт;

— действий иных лиц, фигурирующих в ОРМ (специалистов, представителей общественности и пр.);

— условий, при которых реализовывалось данное ОРМ (место, время, время года, погода и пр.), имеющих значение для установления значимых обстоятельств расследуемого дела.

Далее необходимо исследовать результат проведенного ОРМ на предмет установления:

— его соответствия (несоответствия) тому разработанному плану и сценарию, который оперативные работники планировали реализовать в процессе ОРМ (в том числе какие объективные данные об этом свидетельствуют);

- возможной провокации со стороны оперативных органов, в результате которой выявились преступные действия;
- какими объективными свидетельствами зафиксирован результат ОРМ;
- каким образом в ходе проведенного ОРМ зафиксирована информация, которая отражает процесс и достигнутый результат;
- передачи специальных технических средств для негласного получения информации и иных предметов лицом, участвующим в ОРМ (как, где, когда, при каких условиях это произошло, в каких документах отражено и пр.).

Особое внимание следует уделить анализу ОРМ, которые были связаны с ограничением конституционного права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электронной и почтовой связи, а также права на неприкосновенность жилища. В данном случае необходимо выяснить, когда было получено судебное решение: до или после проведения ОРМ, и если после, то проанализировать, какие факты свидетельствуют о том, что данное ОРМ относилось к «не терпящим отлагательства» и существовали условия для его проведения, предусмотренные 144-ФЗ (ч. 3 ст. 8). При этом исследовать данное ОРМ целесообразно в совокупности с теми материалами, которые были предоставлены органами, осуществляющими ОРД, в суд для принятия соответствующего решения.

В дальнейшем рекомендуется провести анализ непосредственно тех материалов, которые были предоставлены органу предварительного следствия, на предмет их соответствия закону, в том числе 144-ФЗ, так как нарушение положений закона в ходе проведения ОРМ влечет недопустимость доказательств, основанных на их результатах [9].

На это ориентируют и прокуроров, осуществляющих надзор за ОРД в ходе проверки на соблюдение требований законодательства Российской Федерации. Согласно п. 6 приказа Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. №33 [10], деятельность прокуроров должна быть направлена на соблюдение:

- конституционных прав и свобод человека и гражданина в ходе осуществления ОРД;
- законности, обоснованности и установленного порядка заведения дел оперативного учета и иных оперативно-служебных материалов, сроков и порядка их ведения, законности принимаемых по ним решений;
- законности и обоснованности проведения или прекращения ОРМ, в том числе тех, разрешение на проведение которых дано судом; обоснованности, установленных условий, порядка и сроков их проведения;
- законности представления результатов ОРД;
- перечня ОРМ, определенного 144-ФЗ.

Несомненно, многие из приведенных положений могут быть использованы адвокатом в качестве технологической схемы для анализа

материалов, предоставленных по результатам ОРД для дальнейшего использования органами предварительного следствия в качестве доказательств по уголовному делу. Но помимо этого следует проанализировать ОРМ на предмет их соответствия задачам и принципам, основаниям и условиям, предусмотренным 144-ФЗ, и общим принципам, закрепленным в Конституции Российской Федерации и уголовном законе.

В конечном итоге необходимо исследовать те доказательства, которые были сформированы на основе результатов ОРМ в ходе проведения следственных и процессуальных действий. Их анализ целесообразно начинать с выяснения, каким образом данная информация стала доступна лицам, проводившим предварительное расследование, и соответствует ли она порядку предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности, урегулированному Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [5].

Чтобы стать доказательствами, согласно мнению большинства ученых, результаты ОРД должны отвечать ряду условий. Во-первых, они должны быть получены в ходе выполнения ОРМ, прямо указанных в ст. 6 144-ФЗ. Во-вторых, сами ОРМ должны быть проведены уполномоченным на то органом, указанным в 144-ФЗ, при наличии законных оснований и в порядке, предусмотренном данным законом. В-третьих, результаты проведенных ОРМ должны найти отражение в оперативно-служебных документах. В-четвертых, оперативно-служебные документы, отражающие результаты ОРМ, могут стать доказательствами в уголовном судопроизводстве только после производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 86 УПК РФ [11, с. 148].

Заметим, что 144-ФЗ не дает однозначного определения для каждого из перечисленных в нем ОРМ и не регламентирует процедуру их проведения, фиксации и оформления результатов, что не исключает возможного злоупотребления со стороны органов, осуществляющих ОРД. И на практике, к сожалению, известны подобные случаи. Например, под видом такого ОРМ, как наблюдение, на поверку проводится оперативный эксперимент, который, в отличие от наблюдения, требует вынесения постановления о его проведении руководителем органа, осуществляющего ОРД, и, кроме того, его возможно провести только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого.

На данный момент оперативно-розыскное законодательство, как отмечалось ранее, не дает четкого определения каждого из предусмотренных ОРМ, не предлагает хотя бы общих принципов порядка их проведения, состава участников, не ориентирует на перечень составляемых документов. В результате практические работники идут по пути использования разнообразных методических указаний, разъяснений и пособий, многие из которых противоречат законодательству и (или) не обеспечивают оптимальной тактики ОРД либо используют некий «смутный прецедент» [12, с. 21]. Отсутствие четкой регламентации

данной деятельности иногда приводит к злоупотреблениям со стороны оперативных органов, которые могут выражаться в фальсификации результатов ОРД или в провокационных действиях с их стороны, что недопустимо как в силу положений 144-ФЗ, так и в силу уголовного закона.

В этой связи представляется значимым п. 20 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, согласно которому результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом и к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе [5].

Отсутствие четкой регламентации ОРД требует от адвоката особого подхода, который должен быть основан на общих принципах, целях и задачах, отраженных в 144-ФЗ, уголовном законе, общедоступных ведомственных приказах и судебной практике и лежащих в основу общего представления о порядке проведения ОРМ и документального закрепления значимой для уголовного дела информации работниками ОРД. Это позволит выработать оптимальные технологические рекомендации для более эффективного анализа и исследования доказательств, сформированных на основании сведений, полученных в результате ОРД, а также для использования тактических приемов, дающих возможность установить нарушение прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и обстоятельств, имеющих важное значение в рамках уголовного дела.

Список литературы

1. *Об оперативно-розыскной деятельности* [Электрон. ресурс] : федер. закон от 12.08.1995 г. №144-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* от 18.12.2001 г. №174-ФЗ [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»* в связи с жалобой гражданина О. А. Лаптева [Электрон. ресурс] : постановление Конституционного суда РФ от 06.11.2014 г. №27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *О государственной тайне* [Электрон. ресурс] : закон РФ от 21.07.1993 г. №5485-1 (ред. от 29.07.2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд* [Электрон. ресурс] : приказ МВД России №776, Минобороны России №703,

ФСБ России №509, ФСО России №507, ФТС России №1820, СВР России №42, ФСИН России №535, ФСКН России №398, СК России №68 от 27.09.2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Кривенко А.И.* Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. М., 2006.

7. *О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами* [Электрон. ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 г. №14 (ред. от 16.05.2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. *Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности* [Электрон. ресурс] : постановление Правительства РФ от 01.07.1996 г. №770 (ред. от 15.07.2002 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Постановление Президиума Верховного суда РФ от 20.07.2012 г. №131-П12* [Электрон. ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. *Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности* [Электрон. ресурс] : приказ Генпрокуратуры России от 15.02.2011 г. №33 (ред. от 20.01.2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Остатюк В.Г., Богданов С.В., Жукова Н.А.* Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие. Белгород, 2018.

12. *Гармаев Ю.П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве : практич. пособие. М., 2005.

Об авторе

Игорь Владимирович Запоточный — асп., Российский государственный университет правосудия, Россия.

E-mail: advocativz@gmail.com

The author

Igor V. Zapotochnyy, PhD Student, Russian State University of Justice, Russia.

E-mail: advocativz@gmail.com

М. А. Холодова, О. А. Холодов

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ
МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА: ПРОГНОЗЫ И ТРЕНДЫ**

30

За период реализации политики импортозамещения в России уровень производства базовых видов продукции сельского хозяйства постепенно приближается к рациональной норме их потребления. Наибольшее отставание в обеспечении населения страны основными видами продовольствия существует в производстве молока. Молочной продукции потребляется лишь 71,0% от рекомендуемой нормы. При этом уровень самообеспеченности РФ данным видом продовольствия в 2017 г. составил 84,0% (против 90,0%, обозначенных в Доктрине продовольственной безопасности РФ), что обусловлено тенденциями неуклонного сокращения численности поголовья коров и, как следствие, производства молока в стране. Основная причина кризисного состояния отрасли молочного скотоводства заключается в низком уровне ее инвестиционной привлекательности, неудовлетворительном состоянии породного состава стада, сроке окупаемости затрат, обеспеченности сбалансированными кормами. Зачастую конкуренцию кормовым культурам составляют товарные, рентабельность которых гораздо выше рентабельности произведенного молока. Цель исследования заключается в обосновании концептуально-методических подходов и инструментария разработки прогноза развития отрасли молочного скотоводства России в условиях реализации политики импортозамещения. Методический аппарат исследований по заявленной проблеме основан на комплексе методов экономико-математического моделирования, предполагающих использование способа построения сценариев и их количественное обоснование. Основным из них следует считать такой экстраполяционный метод, как трендовое моделирование (линейные и нелинейные тренды), который в нашем исследовании дополнялся методом экспертных оценок. Эмпирической базой прогнозных расчетов стала оценка тенденций развития сельхозтоваропроизводителей страны за период 2004 – 2017 гг.

During the period of implementation of the policy of import substitution in Russia, the level of production of basic agricultural products is gradually approaching the rational rate of their consumption. The biggest gap in providing the population with basic food remains in the production of milk. Only 71.0% of the recommended norm of dairy produce is consumed. At the same time, in 2017, the level of self-sufficiency of Russia with this type of food was 84.0% (against 90.0% indicated in the Doctrine), due to a steady decline in the number of cows. Consequently, there was a drop in milk production. The main reason for the crisis in the dairy cattle industry is low investment at-

tractiveness of the industry, poor breed composition of the herd, a long pay-back period, and poor provision of balanced feed. The production of commercial crops is more profitable compared with the production of milk. The aim of this research is to substantiate conceptual and methodological approaches and tools for forecasting the development of dairy cattle breeding in Russia during the implementation of the policy of import substitution. The methodical basis of research is a set of methods of economic and mathematical modeling, including scenarios and their quantitative justification. Special attention is paid to the method of extrapolation modeling linear and nonlinear trends. The method of trend modeling has been supplemented by the method of expert assessment. The empirical basis of the forecast calculations was the assessment of trends in the development of agricultural producers during 2004 – 2017.

Ключевые слова: молочное скотоводство, размещение поголовья коров и производства молока, оценка, методика, прогноз.

Keywords: dairy cattle breeding, placement of cows and milk production, evaluation, methodology, forecast.

Введение

Обоснование прогнозных сценариев развития отечественной отрасли молочного скотоводства приобретает особую актуальность в условиях глобальной трансформации внешних условий хозяйствования, неблагоприятной конъюнктуры внутреннего молочного рынка и племенной базы молочного стада, роста населения страны, обусловленного присоединением Крыма, увеличения внутреннего дефицита молочной продукции и недостаточного объема финансирования молочного подкомплекса.

За годы кардинальных изменений в политике государственного регулирования аграрного сектора России, среди которых реализация Нацпроекта, трансформировавшегося в Госпрограммы развития сельского хозяйства, не удалось коренным образом изменить ситуацию, касающуюся производства цельномолочной продукции. Так, например, в настоящее время уровень продовольственной независимости по молоку значительно ниже показателей, определяющих продовольственную безопасность России.

Принятие Правительством РФ комплекса организационно-экономических мер по ускорению темпов экономического развития отрасли молочного скотоводства, среди которых создание семейных молочных ферм, льготное кредитование, позволило остановить спад производства продукции, но стабилизировать ситуацию с численностью поголовья коров, откормом молодняка сельскохозяйственных животных и последующей их постановкой в основное молочное стадо пока не получается по причине удовлетворительного уровня инвестиционной активности в отрасли обусловленного длительностью воспроизводственного цикла стада и природно-биологическими особенностями кормовой базы [1–4].

Специфика функционирования отечественной отрасли молочного скотоводства характеризуется низкой эластичностью спроса и предложения по цене на уникальную продукцию отрасли, сложившимся диспаритетом цен на производимое молоко и продукцию его переработки, множеством участников, обеспечивающих процесс производства и переработки продукции, низким уровнем материально-технического обеспечения по причине капиталоемкости отрасли, динамичностью и неоднозначностью изменяющейся макроэкономической и институциональной среды. Сложившийся механизм и объемы государственного финансирования отрасли молочного скотоводства в настоящее время недостаточны для ее динамичного функционирования и развития в России. В среднесрочной перспективе возникает необходимость оценить возможности производства молока в стране в соответствии с поставленными задачами, а на основе достигнутых показателей с помощью методов экономико-математического моделирования обосновать прогнозные параметры производства данного стратегически важного вида продовольствия в стране до 2025 г.

Методы исследования

В работе предложены концептуальные подходы к разработке и обоснованию прогноза развития отрасли молочного животноводства, базирующиеся на методах трендового моделирования, основными из которых следует считать линейные и нелинейные тренды, проектирующие прошлые тенденции в будущее. Метод трендового моделирования дополнялся методом экспертных оценок. На основе полученных расчетов определены наиболее вероятные значения прогнозных параметров развития отрасли молочного скотоводства.

Экстраполяция временных динамических рядов, отражающих тенденции развития молочной отрасли сельскохозяйственного производства, не всегда может обеспечить достоверность прогнозируемых показателей, поэтому для оценки параметров тренда следует использовать одновременно несколько методических подходов, на основе различных криволинейных и прямолинейных зависимостей.

Трендовые расчеты изучаемых экономических процессов проводились с помощью линейных, логарифмических, степенных и экспоненциальных моделей, функции которых можно записать следующим образом:

– линейная: $Y = a + bx$;

– экспоненциальная: $Y_t = ab^t$;

– степенная: $Y = a_0 x_1^n$;

– логарифмическая: $Y = b + a \ln x$.

Прогнозными показателями стали:

– объем производства молока различными категориями хозяйств (тыс. т);

– структура поголовья коров по категориям хозяйств (%);

— удельный вес производства молока определенной категорией хозяйств в общем объеме всех категорий хозяйств (%), рассчитанный по формуле

$$Y = B_k \div B_\theta \times 100 \%,$$

где Y — удельный вес продукции определенной категории хозяйств в общем объеме всех категорий хозяйств; B_k — валовой объем производства молока определенной категорией хозяйств (тыс. т); B_θ — валовой объем производства молока (тыс. т) в хозяйствах всех категорий — сельскохозяйственных организациях, хозяйствах населения, крестьянских (фермерских) хозяйствах (далее — К(Ф)Х) [5–7].

Оценка результатов трендового моделирования всех вышеперечисленных видов зависимостей применительно к исследуемым временным рядам осуществлялась по экономико-математическим и статистическим критериям надежности и точности, а также с применением экспертных методов. На основе полученных расчетов были определены наиболее вероятные значения численности и структуры поголовья сельскохозяйственных животных, а также совокупного объема производства молока в формате многоукладности.

Обсуждение результатов

Одной из главных особенностей функционирования отечественного молочного скотоводства является то, что в период активных преобразований в аграрном секторе экономики, связанных в том числе с реализацией политики продовольственного эмбарго, отрасль возглавила приоритетное направление развития сельского хозяйства. При этом темпы производства молока за период 2013–2017 гг. заметно уступали темпам роста производства мяса и яиц в стране (табл. 1).

Таблица 1

Производство животноводческой продукции в России в 2013–2017 гг. по всем категориям хозяйств, %

Год	Мясо (в убойном весе)	Молоко	Яйцо
2013	105,4	94,0	98,5
2014	105,9	100,4	100,9
2015	105,6	99,6	101,8
2016	103,5	99,7	102,4
2017	104,7	101,3	103,0

Составлено авторами по [8].

Несмотря на предпринимаемые государством меры, направленные на сокращение импортной зависимости по такому стратегически важ-

ному виду продовольствия, как молоко, наблюдается беспрецедентное сокращение поголовья коров (табл. 2), что выступает основным сдерживающим фактором экономического роста в отрасли.

Таблица 2

**Численность поголовья коров в России в 2013–2017 гг.
по категориям хозяйств, тыс. голов**

Категория хозяйств	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2013, %
Сельскохозяйственные организации	3532,5	3439,3	3387,4	3359,5	3315,7	93,9
Хозяйства населения	3879,9	3766,0	3621,9	3426,8	3400,2	87,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства	1018,5	1058,0	1105,9	1179,7	1234,7	121,2
Все категории хозяйств	8430,9	8263,2	8115,2	7966,0	7950,6	94,3

Составлено авторами по [8].

За последние 5 лет в целом по стране поголовье молочного стада сократилось с 8430,9 тыс. голов в 2013 г. до 7950,6 тыс. голов в 2017 г. (или на 5,7 %). Наибольшие темпы сокращения численности сельскохозяйственных животных наблюдаются за исследуемый период в хозяйствах населения (на 12,4 %).

При этом в малом агробизнесе на селе в связи с реализацией Нацпроекта и Госпрограмм продолжают формироваться конкурентоспособные производства. В частности, среди программ, реализуемых на территории страны, самой распространенной стала грантовая поддержка начинающих фермеров, семейных животноводческих ферм и сельскохозяйственной потребительской кооперации. Приоритетом грантовых программ явилось развитие молочного животноводства как наиболее капиталоемкой отрасли, требующей существенных финансовых вложений. За время действия программы фермерами закуплено поголовье высокопродуктивных сельскохозяйственных животных, техника и животноводческое оборудование [9–12]. Для ведения бизнеса приобретены земельные участки, производственные помещения. В свете происходящих событий поголовье сельскохозяйственных животных в К(Ф)Х России за период 2013–2017 гг. увеличилось на 21,2 %.

Исследования показали, что в условиях продуктового эмбарго, вектор которого направлен на максимальное удовлетворение потребности населения в продуктах питания отечественного производства, наблюдается повышение уровня продовольственной обеспеченности страны по базовым видам продовольствия, включая молоко (рис. 1) [13].

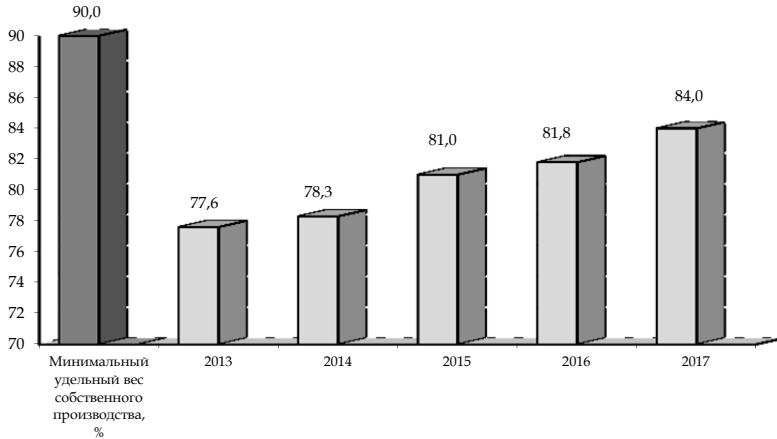

Рис. 1. Динамика объемов производства молока в РФ в 2013—2017 гг. в соотношении с пороговым значением

Рассчитано авторами по [8].

Несмотря на используемые государством инструменты политики протекционизма, уровень продовольственной независимости страны по молоку в 2017 г. составил 84,0 % против 90,0 % обозначенных в Доктрине продовольственной безопасности РФ. Дефицит молока и молочной продукции покрывается за счет импорта данного вида продовольствия.

При этом уровень потребления молока и молочных продуктов составляет лишь 71,0 % от рекомендуемой нормы (рис. 2), что является индикатором ограниченной экономической доступности продовольствия в связи с обесцениванием денежных доходов населения в период макроэкономической нестабильности в стране.

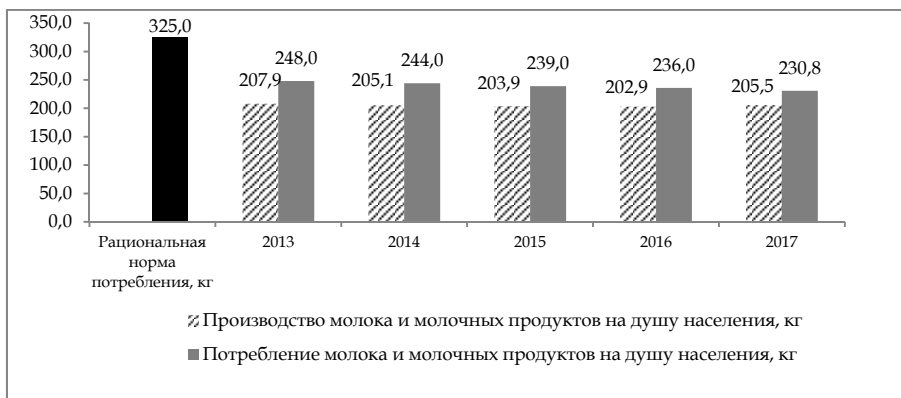

Рис. 2. Сравнительная оценка производства и потребления молока и молочных продуктов в России в расчете на душу населения в 2013—2017 гг. в соотношении с рациональной нормой

Рассчитано авторами по [8; 14].

Следует отметить, что недостаточное потребление животноводческих продуктов обуславливает низкую калорийность питания и его неблагоприятную структуру, снижает качество жизни населения, негативно отражается на продолжительности жизни и здоровье населения страны.

Для стабилизации ситуации и обеспечения устойчивого функционирования отрасли молочного скотоводства страны в перспективе возникает необходимость обоснования методических подходов к разработке прогноза производства молока на основе комплекса методов экономико-математического моделирования, которые в современной отечественной науке изучены фрагментарно по отдельным направлениям научных изысканий.

Согласно прогнозу, в среднесрочной перспективе в России продолжится беспрецедентная тенденция сокращения общей численности поголовья коров с 7950,6 тыс. голов в 2017 г. до 7750,4 тыс. голов в 2025 г., или на 2,5 % (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение поголовья коров по категориям хозяйств в России
в 2004 – 2017 гг. и прогноз на 2025 г., тыс. голов**

Год	Все категории хозяйств	Сельскохозяйственные организации	Хозяйства населения	Крестьянские (фермерские) хозяйства
<i>Фактические показатели</i>				
2004	10244,1	4670,2	5207,0	366,9
2005	9522,2	4282,0	4827,1	413,2
2006	9359,7	4077,1	4805,3	477,3
2007	9286,4	3974,5	4784,0	527,9
2008	9060,3	3862,8	4664,6	533,0
2009	8924,9	3767,6	4530,3	627,0
2010	8713,0	3712,7	4291,1	709,1
2011	8807,5	3712,1	4243,2	852,3
2012	8657,2	3640,1	4054,7	962,4
2013	8430,9	3532,5	3879,9	1018,5
2014	8263,2	3439,3	3766,0	1058,0
2015	8115,2	3387,4	3621,9	1105,9
2016	7966,0	3359,5	3426,8	1179,7
2017	7950,6	3315,7	3400,2	1234,7
<i>Прогнозные показатели</i>				
2025	7750,3	3137,8	3358,9	1253,6
2025 к 2017, %	97,5	94,6	98,8	101,5

Разработано авторами по результатам исследования.

Существенное сокращение поголовья коров по причине удовлетворительного инвестиционного климата в отрасли ожидается в сельскохозяйственных организациях – с 3315,7 тыс. голов в 2017 г. до 3137,8 тыс. голов в 2025 г., или на 5,4 %, а также в хозяйствах населения – с 3400,2 тыс. голов в 2017 г. до 3358,9 тыс. голов в 2025 г., или на 1,2 %.

Активная государственная поддержка, направленная на развитие семейных молочных ферм, в среднесрочной перспективе будет стимулировать увеличение поголовья коров в К(Ф)Х: в 2025 г. рост в сравнении с 2017 г. составит 1,5 %, или 1253,6 тыс. голов.

При этом удельный вес К(Ф)Х в структуре численности поголовья коров возрастет с 7,9 % в 2017 г. до 16,1 % в 2025 г. (рис. 3). Традиционно наибольшая доля поголовья коров (43,3 %) к 2025 г. предположительно будет сконцентрирована в хозяйствах населения. Доля сельскохозяйственных организаций в структуре молочного стада сократится с 51,9 % в 2017 г. до 40,6 % к 2025 г. (рис. 3).

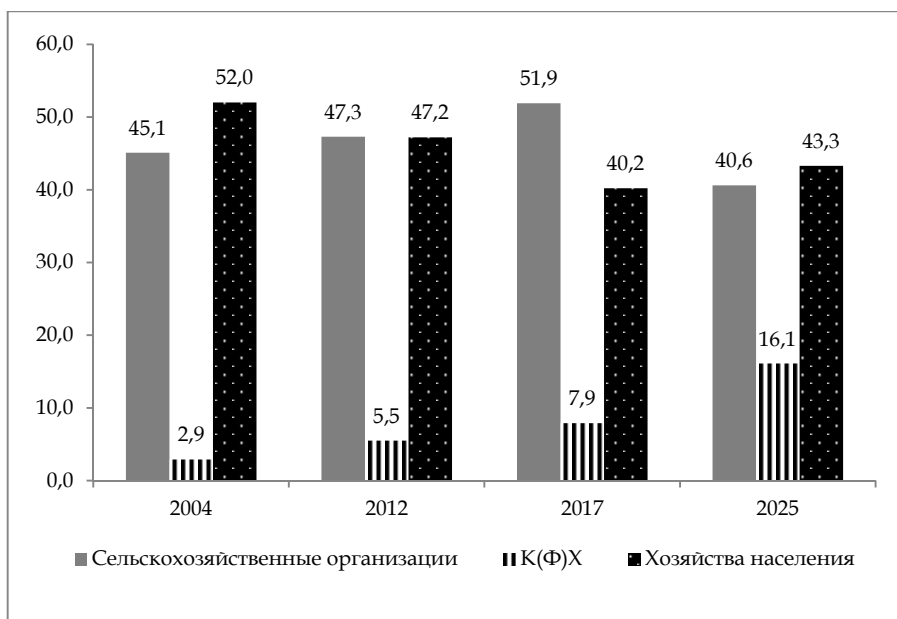

Рис. 3. Динамика и прогноз структуры поголовья коров по категориям хозяйств России, %

Разработано авторами по результатам исследования.

Кризис отрасли молочного скотоводства заключается в ее специфике. Сокращение общей численности поголовья коров в первую очередь обусловлено убыточностью производства молока вследствие сложившегося диспаритета цен на продукцию отрасли и продукцию переработки, неудовлетворительным состоянием породного состава стада, необеспеченностью сбалансированными кормами, необходимостью наличия сельскохозяйственных угодий для ведения отрасли молочного скотоводства.

Применение инновационных технологий в кормлении и содержании сельскохозяйственных животных, обновление генофонда и племенной базы под силу в настоящее время крупным сельскохозяйственным организациям страны, что положительно отражается на продук-

тивности коров (табл. 4). В связи с этим в среднесрочной перспективе за счет высокой продуктивности коров большая доля производства молока – 15802,9 тыс. т (табл. 5), или 53,2 % валового объема производства в стране (рис. 4), – будет приходиться на сельскохозяйственные организации.

Таблица 4

**Динамика среднегодового надоя молока на 1 корову в России
в 2013 – 2017 гг., кг**

Категория хозяйств	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2013, %
Сельскохозяйственные организации	4519	4841	5140	5370	5660	125,2
Хозяйства населения	3496	3501	3500	3484	3518	100,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства	3323	3450	3465	3499	3628	109,2
Все категории хозяйств	3893	4021	4134	4218	4368	112,2

Составлено авторами по [8].

Таблица 5

**Производство молока в России по категориям хозяйств в 2004 – 2017 гг.
и прогноз на 2025 г., тыс. т**

Год	Все категории хозяйств	Сельскохозяйственные организации	Хозяйства населения	Крестьянские (фермерские) хозяйства
<i>Фактические показатели</i>				
2004	31861,2	14374,7	16581,5	905,0
2005	31069,9	14000,7	16088,4	980,8
2006	31339,1	14134,9	16081,4	1122,8
2007	31984,2	14162,8	16537,7	1283,7
2008	32225,7	14246,2	16604,2	1375,3
2009	32315,1	14494,8	16403,4	1416,9
2010	31507,8	14313,2	15719,9	1474,7
2011	31204,3	14395,0	15295,0	1514,3
2012	31196,8	14752,4	14737,4	1707,0
2013	29865,3	14046,5	14031,5	1787,3
2014	29995,2	14365,0	13728,2	1902,0
2015	29887,5	14718,0	13158,6	2010,9
2016	29787,2	15061,2	12552,0	2174,0
2017	30184,5	15673,7	12135,4	2375,4
<i>Прогнозные показатели</i>				
2025	29672,2	15802,9	10738,2	3131,1
2025 к 2017, %	98,3	100,8	81,9	130,9

Разработано авторами по результатам исследования.

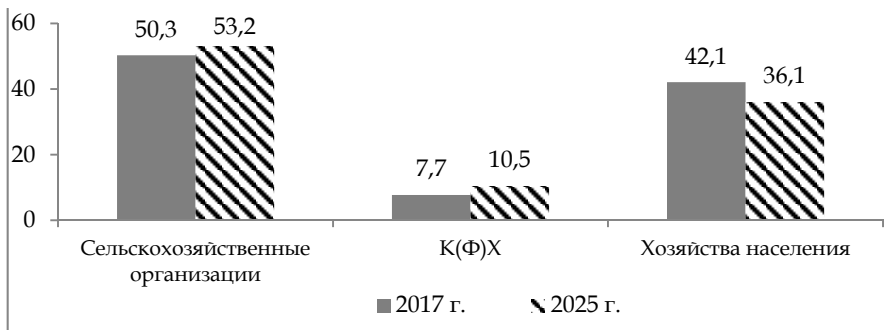

Рис. 4. Прогнозная структура производства молока на 2025 г. по категориям хозяйств, %

Разработано авторами по результатам исследования.

Конструктивные и обеспеченные финансовыми ресурсами мероприятия по развитию молочного скотоводства в перспективе будут стимулировать увеличение объемов производства молока в К(Ф)Х с 2375,4 тыс. т в 2017 г. до 3131,1 тыс. т в 2025 г., или на 30,9 % (табл. 5). При этом удельный вес малого бизнеса в развитии отрасли может составить в 2025 г. 10,5 %.

Однако ситуацию со структурой производства молока в различных категориях хозяйств страны нельзя считать однозначной. Так, в Северо-Западном, Центральном, Уральском и Приволжском федеральных округах к 2025 г. приоритет в развитии отрасли молочного скотоводства останется за сельскохозяйственными организациями, чей удельный вес в структуре объемов производства молока составит 84,9, 76,4, 56,5 и 52,5 % для названных регионов соответственно (рис. 5).

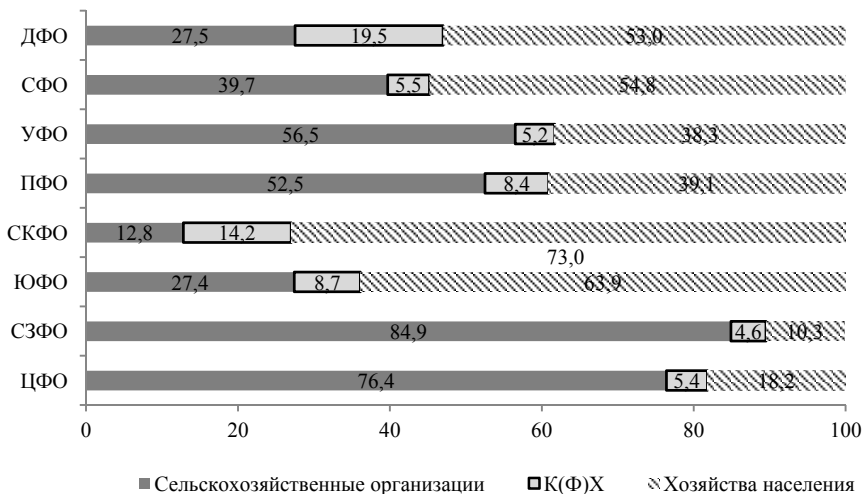

Рис. 5. Прогноз структуры производства молока по категориям хозяйств в разрезе федеральных округов РФ на 2025 г., %

Разработано авторами по результатам исследования.

Другие федеральные округа в силу специфики своей многоукладности будут иметь отличные структуры производства молока по категориям хозяйств (рис. 5). Производство молока в хозяйствах населения в среднесрочной перспективе не станет стимулом экономического роста, но будет способствовать недопущению снижения качества жизни на селе и сохранению его исторического облика. В целом же по стране производство молока в связи с сокращением общей численности коров может снизиться в 2025 г. на 1,7 % в сравнении с 2017 г., что не позволит достичь продовольственной независимости по данному стратегически важному виду продукции.

40

Для расчета объемов производства молока в стране на душу населения на период до 2025 г. методом сценарного прогнозирования использовались данные Росстата по прогнозной численности населения РФ на период до 2025 г. Согласно прогнозу Росстата, к 2025 г. предположительная численность населения РФ по «среднему варианту прогноза» может составить 146,6 млн чел., по «высокому варианту» – 150,4 млн чел., по «низкому варианту» – 144,2 млн чел. [14; 15]. Сравнивая результаты прогноза по производству молока с научно обоснованными рациональными нормами его потребления, мы выделили три авторских варианта развития сценария продовольственной самообеспеченности населения РФ молоком: базовый, оптимистический и пессимистический.

Разработанные варианты прогноза свидетельствуют о том, что в среднесрочной перспективе, несмотря на реализацию ускоренной политики импортозамещения в сфере продовольствия, к 2025 г. в стране так и не будет достигнут уровень продовольственной самообеспеченности по молоку (рис. 6).

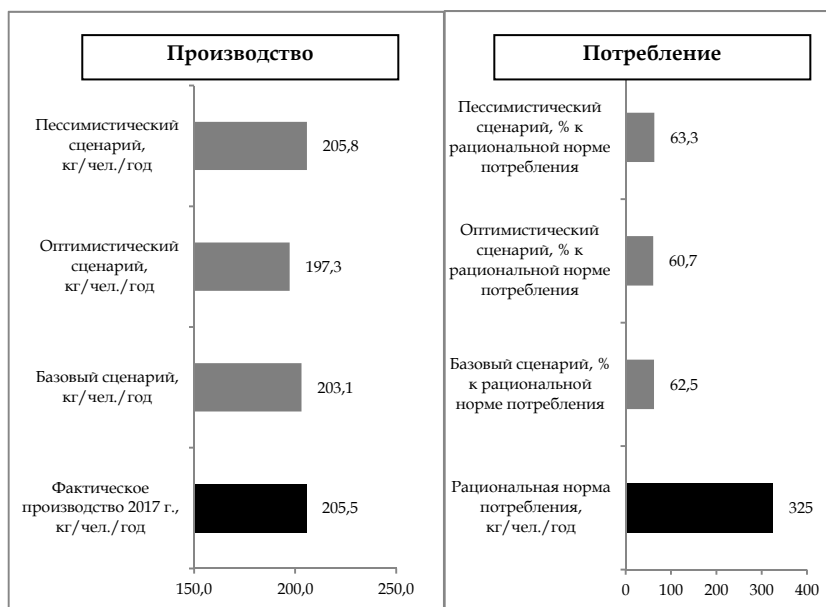

Рис. 6. Прогноз производства и потребления молока на душу населения в РФ в 2025 г.

Разработано авторами по результатам исследования.

Базовый сценарий, в основе которого лежит численность населения РФ на уровне 2017 г., предполагает, что в 2025 г. способность сельского хозяйства обеспечить население страны молоком составит 62,5 % к норме. *Оптимистический сценарий*, рассчитанный на положительной динамике увеличения населения страны в среднесрочной перспективе со 146,8 млн чел. в 2017 г. до 150,4 млн чел. в 2025 г. (рост на 2,5 %), предполагает, что к 2025 г. достижение уровня продовольственной самообеспеченности по молоку составит 60,7 % к норме. *Пессимистический сценарий* предусматривает сокращение численности населения РФ к 2025 г. до 144,2 млн чел., что на 1,5 % ниже уровня 2017 г. Прогноз согласно этому сценарию показал, что объем производства молока в 2025 г. составит в расчете на душу населения 63,3 % к норме.

Согласно расчетам, недостаток производства молока в 2025 г. по базовому сценарию составит 17870,5 тыс. т, по оптимистическому – 19206,1 тыс. т, по пессимистическому – 17188,6 тыс. т.

Заключение

В среднесрочной перспективе активизация резервов роста производства молока может быть достигнута посредством развития молочной подотрасли животноводства, вовлечения в оборот неиспользованных особо продуктивных сельскохозяйственных угодий, расширения направлений и мер государственного регулирования и поддержки хозяйствующих субъектов всех форм хозяйствования животноводческого профиля, а также поддержания платежеспособного спроса на продукцию отрасли со стороны населения посредством разработки и реализации программ продовольственной помощи малоимущим.

Список литературы

1. Poluskina T.M. Modern Russia agrarian polity in the context of globalization // World of Scientific Discoveries. 2013. Ser. B, 1. P. 105 – 119.
2. Ворожейкина Т. Угрозы продовольственной безопасности: будет ли в России молоко? // Экономика сельского хозяйства России. 2018. №3. С. 43 – 47.
3. Голубев А. В., Голубева А. А., Смоленникова Н. А. Вызовы и перспективы развития агропродовольственного комплекса России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. №8. С. 12 – 19.
4. Боговиз А. В., Рагулина Ю. В., Шкодинский С. В., Бабешин М. А. Факторы обеспечения продовольственной безопасности // Экономика сельского хозяйства России. 2017. №2. С. 2 – 7.
5. Совершенствование прогнозирования развития регионального АПК на основе методов экономико-математического моделирования : монография / под ред. А. Н. Тарасова, В. Л. Дунаева. Ростов н/Д, 2006.
6. Печеневский В. Ф., Снегирев О. И. Прогнозирование размещения производства продукции скотоводства в регионе // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. №11. С. 43 – 47.
7. Холодова М. А., Холодов О. А. Обоснование прогнозных сценариев развития мясопродуктового подкомплекса АПК региона : монография. Персиановский, 2009.

8. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : [офш. сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 18.11.2019).

9. Минаков И.А., Сытова А.Ю. Роль регионального АПК в формировании продовольственной безопасности страны // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. №7. С. 28–31.

10. Сельское хозяйство Юга России: тенденции, прогнозы развития : монография / А.Н. Тарасов, О.В. Исаева, М.А. Холодова [и др.]. Азов, 2018.

11. Голубев А.В. Новые тенденции развития аграрной экономики России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. №3. С. 8–12.

12. Ушачев И., Маслова В., Чекалин В. Экономические проблемы импортозамещения в условиях научно-технологического развития АПК России // АПК: экономика, управление. 2017. №11. С. 4–11.

13. Колпакова Е.А., Попова С.А. Оценка продовольственного самообеспечения региона (на примере Волгоградской области) // Концепт : науч.-метод. электрон. журнал. 2015. Т. 13. С. 936–940.

14. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания [Электрон. ресурс] : приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. №614. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

15. Предположительная численность населения РФ до 2035 г. : стат. бюллетень. М., 2018. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 06.02.2019).

Об авторах

Марина Александровна Холодова — канд. экон. наук, доц., Всероссийский научно-исследовательский институт экономики и нормативов — филиал Федерального Ростовского аграрного научного центра, Россия.

E-mail: kholodovama@rambler.ru

Олег Андреевич Холодов — канд. экон. наук, доц., Ростовский государственный экономический университет; доц., Всероссийский научно-исследовательский институт экономики и нормативов — филиал Федерального Ростовского аграрного научного центра, Россия.

E-mail: 9034332466@mail.ru

The authors

Dr Marina A. Kholodova, Associate Professor, Russian National Research Institute of Economics and Standards (branch), Russia.

E-mail: kholodovama@rambler.ru

Dr Oleg A. Kholodov, Associate Professor, Rostov State University of Economics; Russian National Research Institute of Economics and Standards (branch), Russia.

E-mail: 9034332466@mail.ru

Т. Ю. Кузнецова, Н. И. Сибирева

ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В Калининградской области экономико-демографическая ситуация обстоит лучше, чем в большинстве регионов страны. Более динамичное развитие экономики обуславливает высокую занятость населения и низкую безработицу, а потребности в рабочей силе частично удовлетворяются за счет высокого миграционного прироста. Но велики микрорайонные различия. Авторы с помощью анализа статистических данных о ситуации в городских округах области выявляют территориальные различия, влияющие на особенности регулирования воспроизводства экономико-демографической ситуации в муниципалитетах разных типов. Показано, что серьезную проблему представляет отставание периферийных восточных муниципалитетов в социально-экономическом развитии от западной части области, которая вся является, по сути, Калининградской агломерацией. На востоке ниже уровень занятости населения и сложнее проблемы безработицы, имеет место значительный миграционный отток населения в Калининград и соседние с ним города-спутники. Для преодоления отставания восточных муниципалитетов разрабатывается областная программа «Восток», предполагающая дополнительные по сравнению с механизмом Особой экономической зоны льготы инвесторам. Однако серьезного внимания требует и менее развитая социальная инфраструктура, влияющая на пониженное качество жизни и отток населения из восточных округов.

43

The economic and demographic situation in the Kaliningrad region is better than in most regions of the country. The dynamic economic development results in high employment and low unemployment rates. The demand for labour force is partially satisfied through high net migration rate. However, there are obvious distinctions between municipalities. Having analyzed the statistical data on the situation in urban districts, the authors identified territorial differences, influencing the economic and demographic situation in municipalities of different types. It is shown that peripheral eastern municipalities lag behind the western part of the region, where the city of Kaliningrad is located. In the east, where the level of employment is lower and the problem of unemployment is more complicated, there is a significant migration outflow of the population to Kaliningrad and its satellite towns. The regional programme Vostok is being developed to tackle the problem of the eastern municipalities. It offers additional benefits to investors compared with the mechanism of the Special Economic Zone. However, less developed social infrastructure, low standards of living and the outflow of the population from the eastern municipalities require additional attention.

Ключевые слова: Калининградская область, городские округа, развитие экономики, динамика населения, экономико-демографическая ситуация, занятость, безработица, программа «Восток».

Keywords: Kaliningrad region, urban districts, economic development, population dynamics, economic and demographic situation, employment, unemployment, Vostok programme.

Введение

44

Экономико-демографическая проблематика в России становится все более актуальной. Причинами являются нарастающая депопуляция и сокращение в целом по стране численности трудовых ресурсов при наличии значительных диспропорций между объемами и профессиональной направленностью подготовки кадров, с одной стороны, и потребностями экономики — с другой. Значительную проблему составляет также существующая и нарастающая дифференциация регионов по особенностям формирования и использования трудовых ресурсов, а также возможностям подготовки кадров. В ответ на запросы хозяйственной практики развиваются исследования экономико-демографической ситуации в регионах. Но их подавляющее большинство ограничивается мезоуровнем — уровнем субъектов Российской Федерации. Изучаются различные аспекты формирования и использования трудовых ресурсов: влияние на их воспроизводство региональной демографической обстановки [1; 7–9; 15; 16; 19; 22; 24; 26; 27], роль социальных факторов [1; 2; 19], формирование баланса трудовых ресурсов [3; 4; 17; 20; 25; 29], проблемы подготовки кадров в соответствии с запросами экономики [5; 6; 10–13; 28] и др.

Экономико-демографическая ситуация в Калининградской области, как и во многих регионах России, на мезоуровне изучена относительно подробно [9; 12; 13; 16; 24–26]. Гораздо менее исследованы внутренние различия, характеризующие микроуровень — муниципалитеты. Именно этому уровню посвящено данное исследование. Оно охватывает 22 городских округа Калининградской области. Одним из авторов уже рассматривались микрорайонные геодемографические особенности региона [14]. В настоящей работе, во-первых, рассмотрен более широкий круг экономико-демографических индикаторов и, во-вторых, учтены изменения, произошедшие за период, истекший с момента написания предыдущей статьи.

Экономические различия микрорайонов

Городские округа Калининградской области, территория которых за немногими исключениями соответствует административно-территориальным единицам, существовавшим в советский период, сильно различаются по размерам территории и численности населения (рис. 1, 2). На рисунке 2 мы даже не обозначили Калининград (на начало 2018 г. — 475 тыс. жителей) из-за более чем 100-кратного превышения численности его населения над количеством жителей в наименее населенном муниципалитете области — Ладушкинском (4 тыс. жителей). В областном центре проживает 48 % всего населения региона (составляющего 995 тыс. жителей). Еще выше удельный вес Калининграда в показателях, характеризующих экономику области. На начало 2018 г. здесь было сконцентрировано 69 % всех предприятий, 60 % производства продукции обрабатывающей промышленности, 57 % инвестиций в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства) и 82,5 % оборота розничной торговли [18, с. 5–6].

Рис. 1. Городские округа Калининградской области

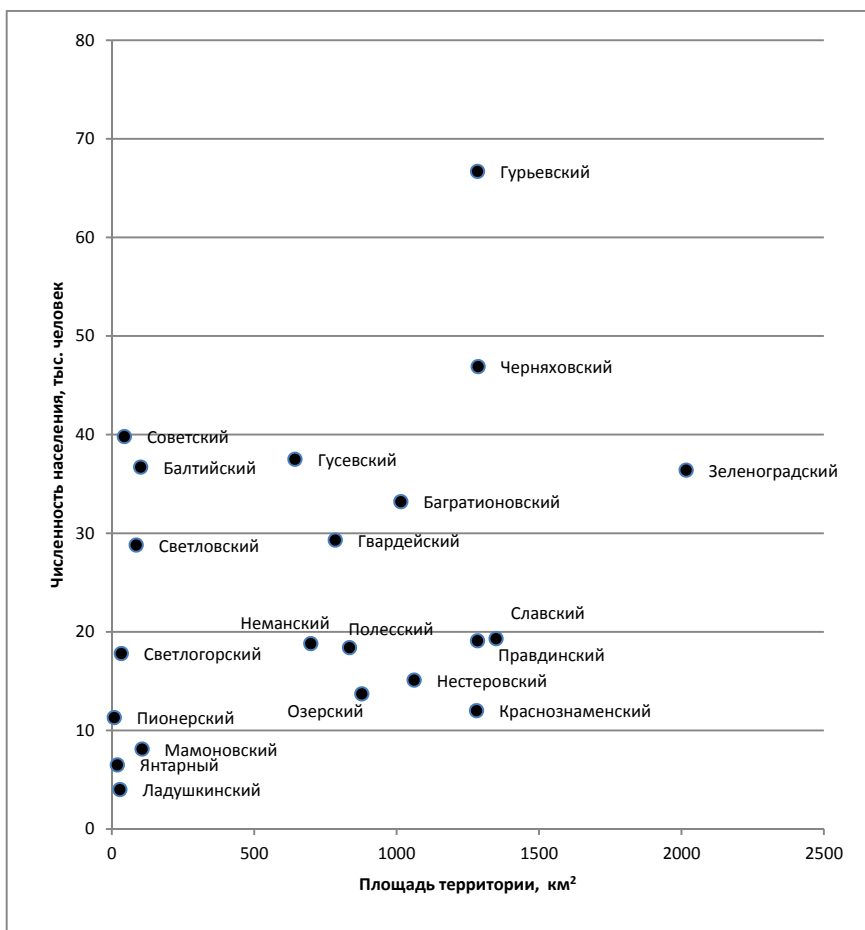

Рис. 2. Распределение городских округов Калининградской области по площади территории и численности населения на 1 января 2018 г.

Составлено авторами на основе данных [18].

В Калининградской агломерации, граница которой на западе совпадает с береговой линией моря, а на востоке проходит по линии Полесск – Гвардейск – Правдинск (включая эти города), проживает 77 % населения области, выпускается 92 % промышленной продукции, размещено 82 % инвестиций. В состав Калининградской агломерации, кроме областного центра, входят такие относительно крупные по объемам продукции обрабатывающих производств пригородные городские округа, как Светловский (22 % объема производства) и Гурьевский (7 %) [18].

Калининград и почти все расположенные поблизости от него муниципалитеты имеют высокие показатели числа предприятий на 1000 жителей и их динамики, тогда как на периферии (и на границах Калининградской агломерации) предприятий обычно меньше и количество их сокращается (табл. 1).

Таблица 1

Распределение городских округов Калининградской области по числу предприятий на 1000 жителей и их динамике за 2014 – 2018 гг.

Предприятия на 1000 жителей	2018 / 2014, %			
	55 – 79	80 – 99	100 – 109	110 – 119
61 – 80	–	–	Город Калининград, Гурьевский	–
41 – 60	–	–	–	Светлогорский
31 – 40	–	Мамоновский	Зеленоградский, Ладушкинский, Светловский, Черняховский, Янтарный	Пионерский
17 – 30	Багратионовский, Краснознаменский, Нестеровский	Гвардейский, Гусевский, Неманский, Озерский, Полесский, Правдинский, Светловский	Балтийский, Славский, Советский	–

Составлено авторами на основе данных [18].

В таблице 2 представлены муниципальные районы, отличающиеся наиболее высокими экономическими показателями. Можно заметить, что по всем четырем рассматриваемым душевым показателям в состав таблиц входит Гурьевский городской округ, который, как показано выше, по численности населения уступает только Калининграду. Сам Гурьевск – ближайший город-спутник Калининграда с развитой промышленностью. В трех таблицах присутствует Калининград (в котором по понятным причинам невелико производство сельскохозяйственной продукции), а также еще один пригородный муниципалитет – Светловский городской округ, второй по объемам производительности обрабатывающих производств.

Таблица 2

**Городские округа
с некоторыми наиболее высокими экономическими показателями**

Производство продукции обрабатывающими предприятиями (без субъектов малого предпринимательства) на душу населения в 2017 г., тыс. руб.		Инвестиции в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства) на душу населения в 2017 г., % к среднему по области	
Светловский	3079	Светловский	259
Город Калининград	526	Советский	205
Гурьевский	420	Гусевский	195
Советский	316	Гурьевский	182
Мамоновский	228	Светлогорский	139
Пионерский	212	Город Калининград	119
Сельскохозяйственное производство на душу населения в 2016 г., тыс. руб.		Оборот розничной торговли на душу населения в 2017 г., % к среднему по области	
Правдинский	207	Город Калининград	173
Озёрский	129	Светлогорский	83
Краснознаменский	89	Пионерский	82
Гурьевский	58	Светловский	55
Гусевский	58	Балтийский	49
Неманский	56	Гурьевский	37

47

Составлено авторами на основе данных [18].

Три городских округа – «Город Калининград», Гурьевский и Светловский – лидеры и по объемам обрабатывающих производств в расчете на душу населения (в таблице 3 они выделены полужирным шрифтом). Из периферийных муниципалитетов относительно высок этот показатель только в расположенном на границе с Литвой Советском городском округе. А душевое производство сельскохозяйственной продукции наиболее велико в периферийных городских округах – Нестеровском, Озёрском, Славском и Черняховском, а также в расположенных в пределах Калининградской агломерации только наполовину Полесском и Правдинском округах.

Таблица 3

**Производство продукции обрабатывающих производств
и сельского хозяйства в расчете на душу населения, тыс. руб.**

Городской округ	Продукция обрабатывающих производств на душу населения, 2017 г.	Сельскохозяйственное производство на душу населения, 2016 г.
1. Светловский	3079	5
1. Гурьевский	420	58
1. Город Калининград	526	7

Окончание табл. 3

Городской округ	Продукция обрабатывающих производств на душу населения, 2017 г.	Сельскохозяйственное производство на душу населения, 2016 г.
2. Пионерский	212	5
2. Янтарный	...	0
2. Советский	316	5
2. Мамоновский	228	0
3. Правдинский	196	207
3. Черняховский	123	153
4. Багратионовский	151	55
4. Гвардейский	118	48
4. Гусевский	103	58
5. Озёрский	1	129
5. Нестеровский	0	170
5. Полесский	44	104
5. Славский	36	136
6. Краснознаменский	29	89
6. Неманский	26	56
6. Ладушкинский	51	0
7. Балтийский	41	3
8. Светлогорский	3	8
8. Зеленоградский	68	43

48

Примечание: полужирным шрифтом выделены более высокие показатели производства в расчете на душу населения: обрабатывающими производствами — свыше 200 тыс. руб., сельским хозяйством — свыше 100 тыс. руб. Цифрами обозначены выделенные группы регионов со сходными показателями душевого производства продукции обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в 2017 г.

Составлено авторами на основе данных [18].

Анализ данных таблицы 3 дает основания для выделения нескольких групп муниципалитетов, различающихся размерами душевого производства продукции обрабатывающих производств и сельскохозяйственной продукции (табл. 4).

Таблица 4

Группировка городских округов по душевому производству продукции обрабатывающих отраслей и сельского хозяйства

Группа округов	Объемы производства продукции в расчете на душу населения		Городские округа
	Обрабатывающие производства	Сельское хозяйство	
1	Наиболее высокие	Низкие	Город Калининград, Гурьевский, Светловский
2	Высокие	Низкие	Мамоновский, Пионерский, Советский, Янтарный

Окончание табл. 4

Группа округов	Объемы производства продукции в расчете на душу населения		Городские округа
	Обрабатывающие производства	Сельское хозяйство	
3	Невысокие	Повышенные	Правдинский, Черняховский
4	Невысокие	Невысокие	Багратионовский, Гвардейский, Гусевский
5	Низкие	Повышенные	Озёрский, Нестеровский, Полесский, Славский
6	Низкие	Низкие и невысокие	Краснознаменский, Неманский, Ладушкинский
7*	Низкие	Низкие	Балтийский
8**	Низкие	Низкие	Светлогорский, Зеленоградский

49

Примечание: * оборонные функции; ** курортно-рекреационные функции.

Все городские округа групп 1 и 2 (кроме Советского) с наиболее высокими и высокими объемами душевого производства продукции обрабатывающих отраслей промышленности относятся к Калининградской агломерации. Относящиеся к ней муниципалитеты групп 7 и 8 характеризуются низкими и невысокими показателями обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, но имеют иную специализацию: Балтийский округ – оборонную, Светлогорский и Зеленоградский – санаторно-рекреационную. Округа групп 3–6, в основном относящиеся к периферийным (кроме пригородного Багратионовского округа и наполовину пригородных Гвардейского и Правдинского), имеют более низкие душевые показатели обрабатывающих производств и варьирующие от низких до повышенных показатели сельского хозяйства.

Динамика численности населения

Динамика численности населения муниципалитетов во многом следует за их экономическими различиями. Только Калининград и большая часть расположенных вблизи него (в ближней пригородной зоне) городских населенных пунктов, а в восточной части области Гусев, где расположен Технополис GS (General Satellite), за 2000–2018 гг. увеличили численность населения. Фактором роста стал значительный миграционный приток населения из восточной части области, из других российских регионов и ближнего зарубежья. Сельское население увеличилось также только в муниципалитетах вблизи Калининграда (особенно в Гурьевском городском округе) и в Гусевском округе (рис. 3).

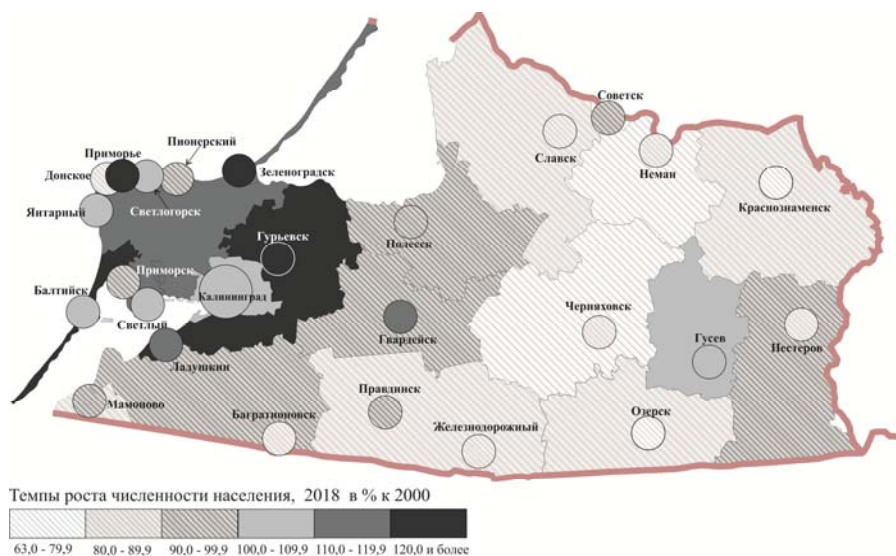

Рис. 3. Динамика численности населения городских населенных пунктов и сельского населения городских округов, 2000–2018 гг.

Составлено авторами на основе данных: [23].

Что касается естественного прироста, то во всех муниципалитетах он был отрицательным (то есть наблюдалась естественная убыль населения).

К 2017 г. демографическая ситуация изменилась незначительно. Небольшой естественный прирост имел место только в соседнем с Калининградом Багратионовском районе (рис. 4).

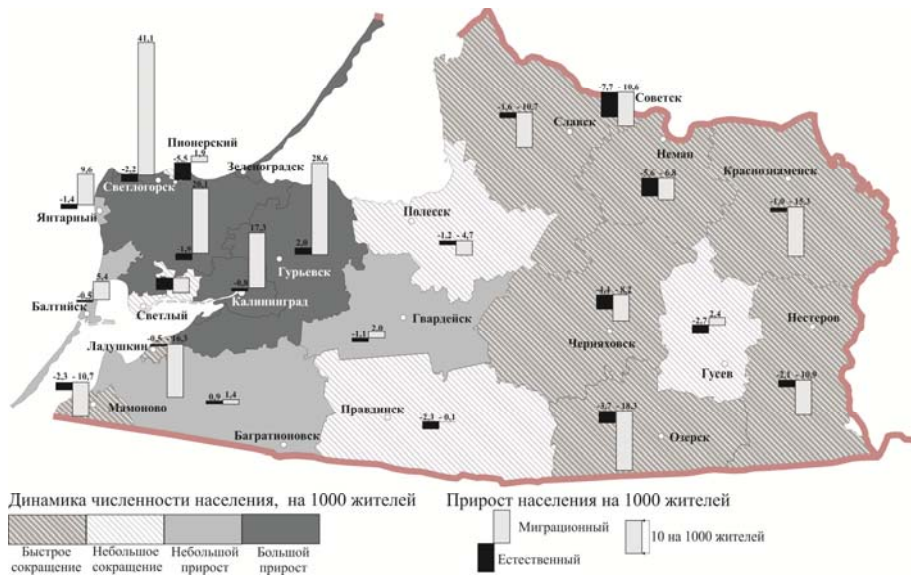

Рис. 4. Изменение численности населения городских округов за 2017 г.

Составлено авторами на основе данных [18].

Миграционный отток был характерен для всего востока области, кроме Гусевского округа, и сочетание естественной убыли с миграционным оттоком обусловило значительное сокращение населения. Даже в Гусевском округе оно сократилось из-за превышения естественной убыли над миграционным приростом. Снижение численности населения затронуло и некоторые муниципалитеты, относящиеся к Калининградской агломерации. Наибольший рост численности населения был характерен для Калининграда, пригородного Гурьевского, курортно-рекреационных Зеленоградского и Светлогорского округов.

Динамика занятости и безработица

51

В целом по области численность занятых в 2013–2018 гг. остается практически стабильной, с небольшим ростом в 2016–2018 гг. Две трети занято в организациях, треть относится к малому бизнесу. Но территориальные различия динамики занятых весьма велики. Как можно заметить из данных таблицы 5, численность занятых (без субъектов малого предпринимательства) возросла в семи муниципалитетах, причем шесть из них относятся к Калининградской агломерации. В Калининграде и вблизи него более высоко и отношение численности занятых к численности населения. Таким образом, менее благоприятные показатели характерны, как и в случае рассмотренных выше экономических и демографических показателей, для большинства восточных муниципалитетов. Наибольшее сокращение численности занятых имело место в Неманском городском округе из-за прекращения деятельности градообразующего для города Неман предприятия – Неманского целлюлозно-бумажного комбината.

Таблица 5

Распределение городских округов по динамике численности занятых и занятости на крупных и средних предприятиях

Качественные характеристики		Городской округ	Количественные характеристики	
Изменение численности занятых в экономике	Отношение численности занятых к численности населения		Занятые в экономике*, 2017 / 2013, %	Занятые в экономике*, 2017 г., % к численности населения
Рост	Повышенное	Светлогорский	140	23
		Балтийский	112	24
		Светловский	101	20
Рост	Среднее и ниже среднего	Гурьевский	113	14
		Янтарный	119	17
		Пионерский	111	19
		Озёрский	108	10
Сокращение	Ниже среднего	Город Калининград	89	25
Сокращение	Ниже среднего	Гвардейский	95	11
		Правдинский	95	10
		Гусевский	93	14
		Зеленоградский	92	10
		Багратионовский	90	10

Окончание табл. 5

Качественные характеристики		Городской округ	Количественные характеристики	
Изменение численности занятых в экономике	Отношение численности занятых к численности населения		Занятые в экономике*, 2017 / 2013, %	Занятые в экономике*, 2017 г., % к численности населения
Значительное сокращение	Среднее и ниже среднего	Черняховский	85	12
		Советский	78	17
Значительное сокращение	Низкое	Славский	84	8
		Краснознаменский	77	7
		Мамоновский	76	9
		Нестеровский	76	9
		Ладушкинский	73	10
		Полесский	71	7
Большое сокращение	Низкое	Неманский	57	9

Примечание: * без субъектов малого предпринимательства.
Составлено авторами на основе данных [18].

Для периферийных муниципалитетов характерен и повышенный уровень безработицы, хотя даже в самых неблагополучных в этом отношении округах зарегистрированная безработица остается сравнительно невысокой (рис. 6).

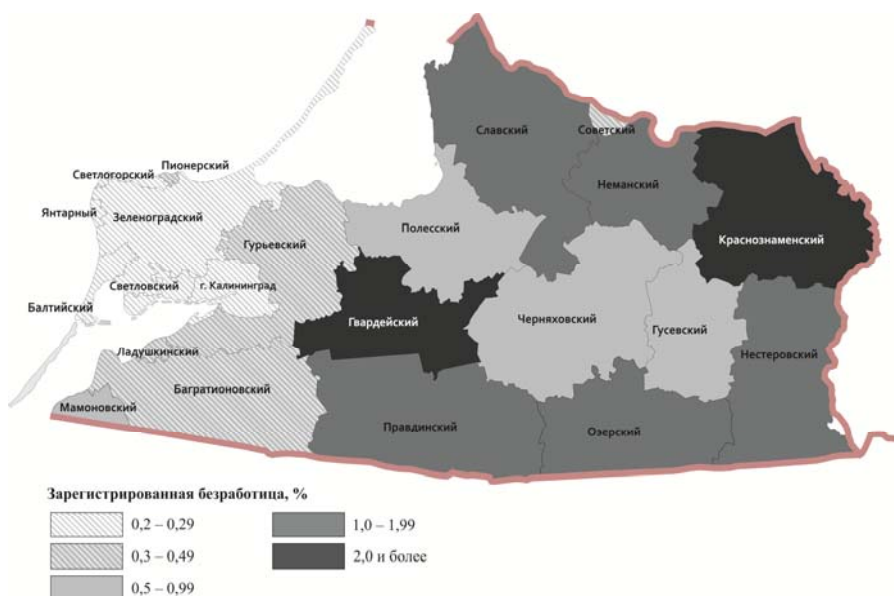

Рис. 6. Уровень зарегистрированной безработицы, 2017 г.

Составлено авторами на основе данных [18].

Заключение

Экономико-демографическая ситуация в муниципальных образованиях Калининградской области является иллюстрацией положений известной концепции поляризации, согласно которой более быстрое развитие центра происходит при значительном отставании периферии. Калининград и входящие в сферу его прямого влияния соседние городские округа (Калининградская агломерация), занимающие прилегающую к морю западную часть области, концентрируют все более значительную часть населения и экономики региона. Восточная периферия становится депрессивной и требует дополнительной поддержки для закрепления населения и обеспечения социально-экономического роста. Среди восточных муниципалитетов несколько выделяется Гусевский городской округ, но и здесь имеет место миграционный отток и небольшое сокращение численности населения и занятых на крупных и средних предприятиях.

В связи с указанными проблемами для восточных муниципалитетов области разрабатывается программа «Восток» с условиями, стимулирующими развитие экономики, в том числе льготными кредитами для предпринимателей, создающих новые рабочие места¹. Программа будет способствовать повышению экономической активности и росту производства. Но наряду со стимулированием предпринимательской деятельности восточные муниципалитеты нуждаются в направлении средств областного бюджета на решение социальных проблем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности».

Список литературы

1. Полиэтничный регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы / ред. С. А. Ахметова, Ф. Ф. Ишкинеева. Казань, 2015.
2. Бабина С. И., Садовникова И. Ю. Анализ человеческого капитала региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2018. №3. С. 69–74.
3. Бардовский В. П., Ильин И. В., Трошина Е. В. Управление трудовым потенциалом региона // Фундаментальные исследования. 2016. №11-2. С. 343–347. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40978> (дата обращения: 01.10.2019).
4. Басаргина Г. В., Барнинова М. Г., Шишкина Е. В., Королев А. А. Баланс трудовых ресурсов Воронежской области как показатель социально-экономического развития региона // Перспективы науки и образования. 2016. №1. С. 44–48. URL: http://psyjournals.ru/science_and_education/2016/n1/basargina.shtml (дата обращения: 06.10.2019).

¹ Калининградская область привлекает инвесторов «суперльготными условиями». URL: <https://regnum.ru/news/2667797.html> (дата обращения: 03.09.2019).

5. Блинов В.И., Сергеев И.С., Есенина Е.Ю. и др. Управление региональными системами подготовки кадров // Образование и наука. 2019. №21 (3). С. 50–76.
6. Бондаренко О.В., Шайхутдинова О.Р. Проблемы в сфере высшего профессионального образования и рынок труда // Фундаментальные исследования. 2013. №6-5. С. 1229–1233.
7. Дорофеева В.А. Роль демографических процессов в социально-экономическом развитии региона (на примере Алтайского края) // Экономика и предпринимательство. 2015. №7 (60). С. 362–367.
8. Евстифеева Г.Г. Демографическая ситуация в регионе // Регионология. 2016. №1 (94). С. 101–111.
9. Зимовина Е.П. Демографические процессы в Калининградской области в постсоветский период // Власть. 2016. Т. 24, №10. С. 33–41.
10. Золин И.Е. Образовательный комплекс и рынок труда: парадоксы взаимодействия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11, №10 (295). С. 28–39.
11. Карпова Г.В., Никулина Ю.Н., Матюшко А.В. Анализ реализации региональных программ в области кадрового обеспечения экономики молодыми специалистами // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, №16. С. 2663–2680.
12. Клемешев А.П. О совершенствовании политики подготовки кадров и обеспечении экономико-демографической сбалансированности развития области // Балтийский регион. 2015. №3 (25). С. 7–22.
13. Клемешев А.П., Кукса И.Ю. Управление образовательными программами как фактор модернизации университета // Высшее образование в России. 2016. №5. С. 10–20.
14. Кузнецова Т.Ю. Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. №1. С. 15–27.
15. Лисицин В.И., Федченко П.Ю. Демографическая ситуация в регионе: состояние, динамика, тенденции (на примере Новгородской области) // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. №6 (28). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/444/30/lang,ru/> (дата обращения: 01.10.2019).
16. Лялина А.В. Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. №4. С. 47–64.
17. Мординова М.А., Федорова Н.А., Николаева И.В. Прогнозирование баланса трудовых ресурсов региона в процессе стратегического планирования на примере республики Саха (Якутия) // ЭКО. 2013. №9. С. 122–132.
18. Муниципальные образования Калининградской области. Социально-экономическое развитие в 2013–2017 годах. Калининград, 2018.
19. Павлова С.А., Павлов И.Е., Верещагина В.И. Социальная политика и демографическая ситуация Липецкой области // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, №4. С. 107–125.
20. Перекрест В.Т., Курзнев В.А., Перекрест И.В. Особенности формирования структурного баланса трудовых ресурсов на рынке труда // Управленческое консультирование. 2015. №5. С. 72–80.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2018.
22. Таскаева М.П. Демографическая ситуация: угроза экономическому развитию региона // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. №2 (32). С. 77–84.
23. Федеральная служба государственной статистики: [официальный сайт]. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 10.09.2019).

24. Федоров Г.М. О сценариях демографического развития Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2017. №3. С. 6–26.

25. Федоров Г.М. Эффективные трудовые ресурсы как фактор развития Калининградской области // Балтийский регион. 2015. №1 (23). С. 101–116.

26. Федоров Д.Г. О динамике и перспективной численности населения и трудовых ресурсов Калининградской области // Регион сотрудничества. 2009. №2. С. 32–36.

27. Филина Е.П. Демографическая ситуация в Пензенской области: региональные особенности, тенденции, перспективы развития : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2007.

28. Храпова Е. В. Диспропорции в подготовке кадров и необходимость их устранения // Концепт : науч.-метод. электрон. журнал. 2014. Т. 20. С. 2976–2980. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54859.htm> (дата обращения: 04.10.2019).

29. Юсупова И. В. Балансовая модель трудовых ресурсов Республики Коми. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2015-1/yusupova.pdf (дата обращения: 04.10.2019).

Об авторах

Татьяна Юрьевна Кузнецова — канд. геогр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: TKuznetsova@kantiana.ru

Наталья Ильинична Сибирева — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

The authors

Dr Tatiana Yu. Kuznetsova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: TKuznetsova@kantiana.ru

Natalia I. Sibireva, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

В. В. Канищев, Е. В. Баранова, Д. С. Жуков

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ О ПОГРОМАХ В ГОРОДАХ РОССИИ В 1917 – 1918 ГОДАХ

56

Представлены результаты квантитативного анализа городских погромов 1917 – 1918 гг. Объектами исследования стали города Российской империи (республики) в границах современной Российской Федерации. Исходные данные получены посредством контент-анализа опубликованных и архивных источников. Авторы рассмотрели более 600 событий. Результатами исследования являются показатели основных параметров бунтарского движения, таких как форма выступления, социальный состав и требования участников, реакция властей и др. Показано, что основная масса событий произошла в Поволжье (22,3%), Петрограде (17,3%), Москве (13,4%) и Центрально-Промышленном районе (12,2%). Наиболее активными группами бунтовщиков были толпы горожан вообще (участвовали в 51,6% событий) и солдаты (45,3% событий), а также индустриальные рабочие (10,6%). Распространенной формой погромов был самосуд и другие стихийно-насильственные действия против отдельных лиц (52,6%). Наиболее часто бунтовщиками выдвигались следующие требования: выдача хлеба (36%), анархистские требования (27,2%), недовольство отдельными персонами (22,6%), борьба с самодержавием (13,8%) и буржуазией (12,9%).

The article presents the results of the quantification analysis of urban riots (pogroms) of 1917 – 1918. The objects of the study are cities of the Russian Empire (Republic) located on the territory of modern Russia. The initial data was obtained through the content analysis of published and archival sources. The authors examined more than 600 events. The results of the study are the main quantitative parameters of the rebel movement: action forms, the composition of participants, requirements, etc. The largest number of events occurred in the Volga region (22%), Petrograd (17%), Moscow (13%) and the Central Industrial District (12%). The most active rebel groups were commoners (participated in 52% of the events), soldiers (45% of the events) and industrial workers (11%). The most widespread form of urban riots (pogroms) was lynching and other forms of spontaneous violence against individuals (53%). Rebels most often put forward the following demands: the distribution of bread (36%), anarchist demands (27%), dissatisfaction with individuals (23%), the struggle against tsarism (14%) and the bourgeoisie (13%).

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., городские погромы, база данных, контент-анализ.

Keywords: Russian revolution, urban riots (pogroms), database, content analysis.

Введение

Современные исследования протестных движений связаны с использованием самых разнообразных методик. В частности, тамбовские историки в содружестве с калининградскими коллегами в течение последних двух лет заняты реализацией проекта «Создание геоинформационной системы “Погромные движения в городах России в 1917–1918 годах”». Главный замысел этого проекта состоит в представлении материалов темы визуально-картографическими, хроникально-описательными, количественно-аналитическими методами, в обработке их с помощью информационных технологий. Результаты реализации некоторых подходов уже были предъявлены научной общественности [7; 8; 11].

Цель данного исследования — извлечение из источников и системное описание показателей основных параметров бунтарского движения, таких как географическая локализация, время, формы, состав и требования участников бунтов, масштабы отдельных выступлений. Для достижения этой цели применяется контент-анализ текстов, в которых зафиксированы сведения о городских погромных выступлениях в России (в границах современной Российской Федерации) в 1917–1918 гг.

В исторической литературе изучение темы городских погромов эпохи революции 1917 г., фактически запрещенной в советское время (в отличие от темы крестьянских погромов помещичьих имений), началось в 1990 г. Наиболее глубоким исследованием погромного движения в городах как части «Красной смуты» остается монография В.П. Булдакова, вышедшая еще в 1997 г. [1]. В те же годы первую попытку осмыслить «бессмысленную и беспощадную» природу русского городского бунта 1917–1918 гг. предпринял один из авторов этих строк [6]. Опыт применения контент-анализа текстов о городских погромных выступлениях периода 1917–1918 гг. был апробирован в начале 2000-х гг. [5].

Столетняя годовщина революции 1917 г. вызвала определенный интерес к погромному движению в городах России того времени. В ходе подготовки к этой годовщине было издано немало новых публикаций источников и исследовательских работ, которые побуждают к переосмыслению ранее полученных результатов [2; 3; 15].

В литературе, относящейся к сфере политологии и политической истории, имеется ряд исследований, в которых контент-анализ продуктивно применен для изучения протестных движений. Требования и аргументация инсургентов, контраргументация властей, реакция общества на насильственные события — все эти дискурсы подвергаются структуризации, в результате которой выделяются основные ключевые (смысловые) единицы. Эти единицы фиксируются в массовых источниках и в дальнейшем подвергаются в исследованиях обработке количественными методами. Контент-анализ в политических изысканиях позволяет не только обнаружить позиции и представления основных акторов, но и вычислить соотношения различных мотивов, требований и целей в составе сложных и неоднородных социальных движений.

В частности, в работе Е.В. Михайловой и А.П. Скогорева [14] контент-анализ был использован, чтобы выявить «лексические единицы,

формирующие языковые образы» протестных акций 2016 г. в российских СМИ. Предметом исследования А. А. Фролова и С. В. Мироновой [17] является динамика протестных акций в России в 2014–2018 гг., к изучению которой авторы привлекли контент-анализ.

Одним из наиболее масштабных политологических исследований интернет-пространства с использованием контент-анализа и количественных методов стал многолетний проект по изучению политизации социальных сетей, реализованный группой под руководством С. Н. Федорченко [12; 13]. Географические рамки этой работы охватывают несколько десятков стран мира, для которых сетевая политическая активность является заметным феноменом. В ходе этой работы были обследованы тысячи сообществ в социальных сетях, с применением контент-анализа идентифицированы радикальные, умеренно-оппозиционные и провластные сообщества, а также прослежена динамика соотношения различных типов сообществ на трех хронологических срезах в течение 2015–2017 гг.

Современные аналитические интернет-сервисы позволяют структурировать огромные массивы текстовой информации в Сети и исследовать их количественные характеристики. Благодаря этому работа с Big Data становится эффективным инструментом исследования политики и политической истории [16]. Таким образом, контент-анализ дает возможность получить качественные и количественные данные, формирующие картину глобальных и национальных политических процессов.

Источники и инструментарий

Нами предпринят анализ электронной базы данных «Погромы в городах России в 1917–1918 годах», обновленной с учетом вновь опубликованных документов [9]. Проведены также апробация уточненных методик контент-анализа и осмысление первого опыта изучения погромных выступлений с позиций теории самоорганизованной критичности [10; 18; 19]. База данных (далее – БД) доступна на сайте Центра фрактального моделирования по адресу: <http://ineternum.ru/bd-gorodskie-pogromy/>.

При разработке новой версии БД пришлось учитывать то обстоятельство, что в бывших республиках СССР, являвшихся ранее составными частями Российской империи, в последние десятилетия почти не публиковались новые документы по периоду революции 1917 г. и практически прекратилось совместное обсуждение этого исторического феномена с российскими историками. Поэтому в новый вариант электронной БД мы включили факты о погромных выступлениях только в городах на территории современной Российской Федерации. В связи с этим сократилось число записей в БД.

Сокращение числа записей стало также следствием корректировки методики формирования БД, а именно определения единиц счета контент-анализа. В первой версии мы посчитали возможным учитывать одновременные массовые погромные выступления в больших городах

как отдельные множественные факты. Осмысление собранных для базы данных фактов с позиций теории самоорганизованной критичности показало неправомерность такого разделения однородных, зачастую самоорганизованных (а не стихийных) спорадических вспышек погромного движения [9]. Мы также решили более сдержанно относиться в целом к фиксации нечеткой информации о стихийных волнениях: учитывались только те события, в которых явно была видна социально-политическая протестная направленность. Полагаем, что при изучении не совсем четкой текстовой информации необходим именно контент-анализ, в отличие от ивент-анализа, основанного на изучении более-менее четкой полицейской статистики.

В итоге в основу вновь сформированной БД легло 614 хроникальных заметок, превращенных в отдельные записи базы данных. Эти заметки как тексты подверглись контент-анализу по тем же смысловым единицам (поля БД), что и в предыдущем исследовании [5]. Незначительно были скорректированы некоторые единицы счета (списки значений полей БД).

Текстовая информация о погромах, сохраненная и структурированная в электронной БД, была формализована в смысловые единицы и единицы счета, характеризующие погромные события, и подвергнута разного рода статистическим группировкам. Подобный подход позволил выявить основные количественные характеристики бунтарского движения. Эти сведения стали основанием для качественного анализа, детализации и, в некоторых случаях, корректировки существующих на данный момент представлений о погромном движении эпохи Русской революции 1917 г.

Результаты и обсуждение

Изменение методики отбора хроникальных записей об одновременных погромных акциях и нечетких их проявлениях прежде всего сказалось на информации о частоте сообщений о погромах в Петрограде. Столица по числу упоминаний погромов по сравнению с предыдущей версией БД перешла на 2-е место (табл. 1), показатель сократился на несколько десятков единиц (было 194 [5]). Это можно объяснить тем, что мы в большей мере стали рассматривать погромы не столько как отдельные стихийные вспышки, сколько как самоорганизованные насильственные действия, которые в столице проявились в наибольшей мере.

Таблица 1

**Частота и частотность упоминаний погромов
в отдельных регионах России в 1917–1918 гг.**

Регион	Количество событий	Доля от общего числа событий, %
Поволжье	137	22,3
Петроград	106	17,3
Москва	82	13,4
Центрально-Промышленный район	75	12,2

Окончание табл. 1

Регион	Количество событий	Доля от общего числа событий, %
Центрально-Черноземный район	58	9,4
Северный Кавказ и Крым	54	8,8
Северо-Запад	42	6,8
Урал	30	4,9
Сибирь	30	4,9

60

В не меньшей степени сократилась частота упоминаний о погромах в городах Центрально-Промышленного района. В этом регионе также обнаружен «розовый шум» — атрибут самоорганизованной критичности. Сокращение числа учтенных погромов произошло еще и по причине исключения из БД неопределенных стихийных волнений. Такое же сокращение затронуло и показатели городов Центрально-Черноземного региона.

Наиболее «бунтовским» в наших новых подсчетах оказалось Поволжье. Частота упоминаний погромов в текстах о городах этого региона даже при новой методике почти не сократилась. С одной стороны, применительно к этим городам не выявлена самоорганизованная критичность, с другой — здесь оказалось мало текстов с нечеткой информацией о погромных выступлениях.

Показатели частоты упоминаний погромов в других регионах, входящих ныне в состав Российской Федерации, почти не изменились.

Ясно, что при сокращении общего числа хроникальных записей о погромных выступлениях в городах России в 1917–1918 гг. частота упоминаний тех или иных смысловых единиц контент-анализа снизилась. Поэтому в данной статье мы в большей мере используем относительный показатель частотности, то есть долю упоминаний той или иной единицы счета от всей их совокупности (табл. 2) в отдельной смысловой единице.

Таблица 2

Частотность упоминаний форм погромов в городах России в 1917–1918 гг.

Форма	Доля от общего числа событий, %
Самосуды и другие стихийно-насильственные действия против отдельных лиц	52,6
Стихийные массовые обыски и разграбления частного имущества	14,0
Погромы частных торговых заведений, квартир	12,9
Стихийные продовольственные волнения вообще	12,1
Погромы государственных учреждений и органов самоуправления, стихийное сопротивление представителям власти	10,7
Стихийные волнения вообще	10,1
Пьяные погромы	8,3

Окончание табл. 2

Форма	Доля от общего числа событий, %
Погромы мест заключения, самочинное освобождение арестованных	5,4
Издательства и насилие над заводской администрацией	3,1
Погромы казарм и других военных объектов, расхищение имущества	3,1
Погромы железнодорожных станций, портов, избияния железнодорожных, портовых служащих	2,0
Погромы трамваев	0,3
Еврейские погромы	0,2
Погромы промышленных зданий, имущества, продукции	0,2

61

Примечание: здесь и в таблицах 3 и 4 сумма долей может превышать 100 %, поскольку одно и то же событие могло характеризоваться двумя и более атрибутами.

При анализе таблицы 2 в сопоставлении с ранее полученными результатами в первую очередь выяснилось практически абсолютное совпадение долей упоминаний самосудов и других стихийно-насильственных действий против отдельных лиц. Это была самая распространенная форма погромных движений. К ней примыкают погромы государственных учреждений и органов самоуправления, стихийное сопротивление представителям власти. В прежней версии контент-анализа мы рассматривали как отдельную единицу счета такую форму, как погромы продовольственных учреждений. Более внимательное исследование соответствующих событий показало, что такие учреждения как отдельные объекты погромных действий часто трудно выделить, так как протестующие одновременно громили не только продовольственные, но и другие государственные, городские и земские учреждения, во многих средних и малых городах находившиеся рядом или даже в одном здании.

В сумме частотность упоминаний самосудов над отдельными лицами (в огромном большинстве случаев государственными или муниципальными служащими) и погромов учреждений в новом варианте контент-анализа выросла. Эти формы были достаточно очевидным образом зафиксированы в источниках и, конечно, не попали в разряд исключенных из анализа неопределенных стихийных выступлений.

В новой версии почти не изменился удельный вес упоминаний следующих форм бунтарских событий: погромы частных торговых заведений и квартир, стихийные продовольственные волнения вообще, стихийные волнения вообще (сократилась только частота их упоминаний), погромы мест заключения и самочинное освобождение арестованных, а также погромы железнодорожных станций, портов, избияния железнодорожных и портовых служащих.

Сокращение частотности упоминаний произошло только относительно стихийных массовых обысков и разграбления частного имущества. Мы связываем это с тем, что часть прежних записей о таких стихийных проявлениях оказалась недостаточно четкой и не была включена в новую базу данных.

Сокращение числа нечетких текстов источников привело к некоторому росту частотности упоминаний пьяных погромов, которые отчетливо отразились в документах революционного времени.

Вновь выделенные для нынешней БД формы (погромы казарм и других военных объектов, расхищение военного имущества; погромы трамваев; еврейские погромы; погромы промышленных зданий, имущества, продукции) упоминались единично и составляли доли процента. Фактически они выполнили лишь скромную задачу «расцветивания» картины погромного движения.

Особенно отметим единственное среди тысяч изученных источников упоминание еврейского погрома в городах на территории современной России в 1917–1918 гг. Минимальность этого показателя объяснима тем, что такого рода погромы главным образом проходили в зоне «черты оседлости» для евреев Российской империи, которая сейчас находится за пределами современной России. Забегая вперед, отметим, что в новой базе данных зафиксировано 11 случаев антисемитских высказываний в ходе погромов, но почти во всех случаях дело не дошло для прямого насилия над евреями.

Анализ частотности упоминаний отдельных социально-профессиональных групп среди погромщиков (табл. 3) показал, что так же, как и в предыдущей версии, более всего встречались упоминания в документах «горожан вообще». Мы еще раз убедились в том, что революция 1917 г. была во многом движением толпы, из которой сложно вычленивать конкретные группы населения.

Таблица 3

**Частотность упоминаний различных групп участников погромов
в городах России в 1917–1918 гг.**

Участники	Доля от общего числа событий, %
Горожане вообще	51,6
Солдаты, матросы	45,3
Промышленные рабочие	10,6
Крестьяне	3,9
Воры, «хулиганы», «темные личности» и т. п.	2,1
Служащие вообще	2,0
Заводские, частные и кооперативные служащие	1,3
Торговцы	1,0
Железнодорожники, портовые и другие транспортные рабочие и служащие	0,8
Чернорабочие, поденщики	0,8
Красноармейцы	0,7

Окончание табл. 3

Участники	Доля от общего числа событий, %
Духовенство	0,3
Извозчики	0,3
Милиционеры, пожарные	0,3
Учащиеся, студенты	0,3
Красногвардейцы	0,3
Зажиточные слои города, «кулаки»	0,2
Офицеры	0,2
Промышленные служащие	0,2
Ремесленники	0,2
Городская «беднота»	0,2

63

Тем не менее в нынешней БД и новых результатах контент-анализа доля упоминаний «горожан вообще» оказалась несколько ниже. Мы объясняем это отказом от некоторых нечетких данных, представленных в источниках о погромах и включавших в том числе неопределенные сведения о составе их участников.

На 2-м месте по частотности отражения в текстах документов вновь оказались солдаты и матросы. Это легко объясняется их повышенной протестной активностью в период революции и очевидной заметностью на фоне любых групп городского населения. Некоторое увеличение доли упоминаний военных погромщиков можно связать с сокращением учета неопределенных групп участников погромов. А вот уменьшение доли промышленных рабочих как участников погромных акций объяснимо их широким участием в самоорганизованных и особенно в организованных выступлениях, выпадавших из разряда стихийных погромов.

Не сократился в нашем анализе удельный вес упоминаний о крестьянах. Эта группа населения (как постоянно проживавшая в мелких и средних аграрных городах, так и по разным причинам периодически наведывавшаяся в города) была явно отличной от собственно горожан. Поэтому она не попала в разряд неопределенных участников погромов. Вместе с тем сложно говорить о самоорганизованности городских крестьян, уже редко живших общинами, и тем более крестьян, пришедших на короткое время в город из разных мест.

Особенно отметим сокращение частотности упоминаний таких групп участников погромов, как воры, «хулиганы», «темные личности» и т.п., а также служащие вообще. Это вполне объясняется неопределенностью их упоминания в источниках.

Остальные группы погромщиков, как и в прежнем исследовании, закономерным образом в силу своей немаргинальности не могли быть постоянными участниками погромов. Они упоминаются в единичных случаях, или десятых долях процента от генеральной совокупности фактов.

Редчайшие упоминания представителей бывших «господствующих классов» (торговцев, духовенства, зажиточных слоев города, «кулаков», офицеров) свидетельствуют о практически полном отсутствии у них готовности к открытому стихийному или самоорганизованному протесту против советской власти. В этой связи более понятными становятся и неудачи организованных антисоветских мятежей, имевших место весной — летом 1918 г. в ряде городов Советской России.

Возможности сравнения частотности упоминаний требований (направленности погромов, в широком смысле) в прошлом и в настоящем исследования ограничены тем, что в обновленной базе данных мы несколько детализировали набор этих требований (табл. 4). Однако в любом случае на первом месте по удельному весу остались упоминания о требованиях «Хлеба!». Хотя их процент несколько сократился в связи с объединением записей об одновременных самоорганизованных выступлениях с такими требованиями в разных частях городов, эти требования оставались главными средствами борьбы широких слоев горожан за выживание в суровых военно-революционных условиях.

Таблица 4

**Частотность упоминаний направленности погромов
(лозунгов, заявлений, требований) в городах России в 1917–1918 гг.**

Лозунги, заявления, требования	Доля от общего числа событий, %
Требования выдачи хлеба, других важных продуктов и товаров	36,0
Чисто анархистские требования	27,2
Недовольство, требования удаления, смены отдельных должностных лиц	22,6
Требования ликвидации самодержавия и остатков монархизма	13,8
Выступления против Временного правительства, его органов, «буржуазии», «контрреволюционеров»	12,9
Антисоветские требования, настроения вообще	7,7
Осуждение репрессий со стороны органов власти и должностных лиц	5,7
Антivoенные требования	4,7
Требования повышения и своевременной выдачи пайка, зарплаты, пособий и других выплат	2,6
Осуждение и сопротивление обыскам, реквизициям, конфискации, национализации собственности и т. п.	2,1
Антисемитские требования	1,8
Требования снижения цен на товары и услуги	1,8
Требования свободной торговли, отмены монопольных цен, продовольственной диктатуры	1,5
Требования контроля над производством и распределением, борьбы со спекуляцией и т. п.	1,3
Антибольшевистские заявления, настроения вообще	1,1
Осуждение антицерковной политики советской власти	0,8
Поддержка большевиков	0,7

Окончание табл. 4

Лозунги, заявления, требования	Доля от общего числа событий, %
Антиполицейские требования	0,7
Захват денег, драгоценностей	0,7
Требования отмены отсрочек от призыва в армию	0,5
Антицерковные требования, настроения	0,5
Требования демократических свобод	0,3
Националистические требования вообще	0,3
Осуждение «Займа Свободы»	0,2
Осуждение локаутов, остановки заводов, увольнений со службы	0,2
Экономические требования вообще	0,2
Осуждение национализма, поддержка самоопределения народов России	0,2
Осуждение чрезвычайных налогов	0,2
Осуждение «соглашательской» политики эсеров и меньшевиков	0,2
Отсутствие четких требований	0,2

65

Бывшая второй по частотности направленность погромов – против репрессий со стороны органов власти и должностных лиц – опустилась, казалось бы, на 7-е место. Но этот не совсем четкий показатель может быть дополнен близкими к нему требованиями и заявлениями: осуждение и сопротивление обыскам, реквизициям, контрибуциям, национализации собственности и т.п.; осуждение антицерковной политики советской власти. И все же относительное число упоминаний репрессий органов власти и должностных лиц даже с дополнениями близкими лозунгами оказалось меньше, чем в старых расчетах, что обусловлено, очевидно, отказом от фиксации не совсем четких сообщений источников.

Заметно большей, чем в итогах предыдущего контент-анализа, оказалась частотность чисто анархистских требований. Мы связываем это с самоорганизованностью многих погромных выступлений, участники которых протестовали против давления любого государства, но не формулировали свой протест в виде определенных требований.

Объяснимо увеличение доли требований удаления, смены отдельных должностных лиц. Такие требования были достаточно четкими и во многом отражали самоорганизованность погромщиков в противоборстве с властями.

Возрос удельный вес требований, связанных с борьбой против самодержавия, его местных органов, остатков монархизма. Это показатель, проявившийся в ходе событий Февральской революции, стал более отчетливым в связи с нашим отказом учитывать не совсем явные погромные выступления. К тому же в новых хроникальных записях мы часто не выделяли из комплекса антимонархических требований далеко не всегда очевидное недовольство полицейскими.

Примерно на том же уровне осталась частотность выступлений против Временного правительства, его органов, «буржуазии» и «контрреволюционеров» (в 1917 г. воспринимавшихся как сторонники Временного правительства), выступлений с требованиями повышения и своевременной выдачи пайка, зарплаты, пособий и других выплат, снижения цен на товары и услуги, а также выступлений с антисоветскими требованиями и антисемитскими настроениями.

Тем не менее необходимо учитывать, что между самими этими требованиями была существенная разница. Особенно нужно отметить, что погромных выступлений против Временного правительства и его союзников было значительно больше, чем антисоветских погромов (и в абсолютном, и в процентном отношении). Это лишний раз подтверждает почвенническую природу погромов как движения «низов», для которых советская власть при всей ее суровости была ближе.

Все остальные упоминания разнообразных требований погромщиков составляли доли процента.

В результатах нового контент-анализа существенно не изменились показатели частоты упоминаний погромных выступлений по месяцам (табл. 5). Наибольшая интенсивность событий наблюдалась в феврале — марте и в октябре 1917 г., что послужило очередным подтверждением сильной погромной составляющей Февральской и, в еще большей мере, Октябрьской революций.

Таблица 5

Частота упоминаний погромов в городах России по месяцам 1917–1918 гг.

Год	Месяц												Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1917	—	32	59	24	35	34	54	56	82	103	14	8	501
1918	14	8	10	19	29	21	7	4	1	—	—	—	113

Частотность упоминаний продолжительности отдельных погромов в городах России также почти не изменилась (табл. 6). Отметим пусть и небольшое, но все же увеличение доли сообщений о коротких погромных «вспышках» в несколько часов. Преобладание именно таких коротких, не успевших самоорганизоваться погромов говорит о том, что нельзя преуменьшать стихийный характер погромного движения в городах России в эпоху революции 1917 г.

Таблица 6

Частотность упоминаний продолжительности погромов в городах России в 1917–1918 гг.

Продолжительность	Доля от общего числа событий, %
Несколько часов	90,9
Несколько дней	8,3
Несколько недель	0,8

Думаем, что о том же свидетельствуют результаты контент-анализа частотности упоминаний примерной численности участников отдельных погромов (табл. 7).

Таблица 7

**Частотность упоминаний численности участников погромов
в городах России в 1917–1918 гг.**

Массовость	Доля от общего числа событий, %
Единицы участников	0,2
Десятки участников	15,0
Сотни участников	68,2
Тысячи участников	16,6

67

Крайне редкое упоминание единичных погромщиков (табл. 7) говорит о почти полной невозможности такого масштаба погромных выступлений, по определению являвшихся действиями «скопом». С другой стороны, сравнительно малую долю упоминаний погромов с тысячами участников можно рассматривать как свидетельство того, что стихийные и даже самоорганизованные акции не могли собрать очень большое число бунтующих. Их «удел» — десятки и сотни участников.

Заключение

В целом следует отметить, что новая версия контент-анализа документов о городских погромах эпохи Русской революции 1917–1918 гг. подтвердила их сущность как борьбы традиционных слоев российского общества за «хлеб» и «волю» примитивными расправными и захватными способами. Новый исследовательский инструментарий высветил определенную роль самоорганизованности отдельных слоев городского населения в революционных событиях 1917–1918 гг., в том числе в погромных выступлениях. Очередная попытка контент-анализа не всегда четкой информации источников революционного времени подтвердила необходимость аккуратного применения к ним количественных методов. В содержательном плане выяснилось, что отказ от учета городов бывшей Российской империи, ныне находящихся за пределами России, не изменил принципиально параметры погромных выступлений, вычисленные в прежней версии контент-анализа. Это лишний раз говорит о единой природе погромного движения на территории империи, и особенно России и Украины.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №18-09-00365а «Создание геоинформационной системы “Погромные движения в городах России в 1917–1918 годах”».

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 8–9.

2. Булдаков В. П. 1917 год: революция и погром // Политическая концептология. 2015. №3. С. 108–150.
3. Дьячков В. Л. Методологические и методические предложения к концептуализации городских мятежей 1917–1918 гг. в России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, №180. С. 149–165.
4. Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Исследование интенсивности крестьянских волнений в Европейской России во второй половине XIX в. средствами теории самоорганизованной критичности // Историческая информатика. 2017. №1. С. 38–51.
5. Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе : тр. VII конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 134–159.
6. Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный (Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг.). Тамбов, 1995.
7. Канищев В. В., Баранова Е. В. Особенности формирования компьютерной базы данных как структурного элемента геоинформационной системы по истории погромного движения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Вып. 1. С. 69–77.
8. Канищев В. В., Баранова Е. В. Погромные выступления в городах России в 1917–1918 гг. Современные методы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта : матер. междунар. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 232–238.
9. Канищев В. В., Жуков Д. С. Источниковедческий анализ документов по истории погромного движения в городах России в 1917–1918 гг. // Pro nunc. Современные политические процессы. 2018. №2. С. 54–67.
10. Канищев В. В., Жуков Д. С. Количественные и качественные характеристики погромно-бунтарских выступлений в городах России в 1917–1918 гг. // Революция и бунт в российской истории : матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 20–21 марта 2017 г.). М., 2017. С. 167–176.
11. Канищев В. В., Жуков Д. С. Факторный анализ в изучении погромного движения в городах России в 1917–1918 годах // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Вып. 47 : матер. XVI междунар. конф. Ассоциации «История и компьютер» (26–28 октября 2018 г., Москва). М., 2018. С. 30–31.
12. Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Белостин А. А., Федорченко Л. В. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. №3. С. 84–110. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23664/view> (дата обращения: 19.09.2019).
13. Лымарь Е. М., Федорченко С. Н., Рябинкин Г. Ю. Политизация социальных сетей: сравнение двух волн проекта // Журнал политических исследований. 2017. №4. С. 50–77. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19596/view> (дата обращения: 09.10.2019).
14. Михайлова Е. В., Скогорев А. П. Протесты как форма гражданской активности в современной России // Власть. 2017. Т. 25, №1. С. 54–59.
15. Революция и бунт в российской истории : матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 20–21 марта 2017 г.) / сост. Г. В. Талина. М., 2017.
16. Федорченко С. Н. Хэштеги в формировании политической повестки и методологический потенциал Big Data // Журнал политических исследований. 2019. №1. С. 14–26. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28085/view> (дата обращения: 09.10.2019).
17. Фролов А. А., Миронова С. В. Протестные кампании в современной России: региональный аспект на примере Ярославской области // PolitBook. 2019. №1. С. 6–21.

18. Zhukov D. S., Kanishchev V. V., Lyamin S. K. Application of the theory of self-organized criticality to the investigation of historical processes // Sage Open. 2016. Vol. 6, iss. 4. doi: 10.1177/2158244016683216.

19. Zhukov D. S., Kanishchev V. V., Lyamin S. K. Social Movements Viewed in the Context of Self-Organized Criticality Theory // Acesso Livre. 2017. Iss. 8. P. 75–91. URL: https://revistaacessolivre.files.wordpress.com/2017/12/acesso-livre-n-8_jul-dez_2017_a.pdf (дата обращения: 18.10.2018).

Об авторах

Валерий Владимирович Канищев — д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия.

E-mail: valcan@mail.ru

Елена Вячеславовна Баранова — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

Дмитрий Сергеевич Жуков — канд. ист. наук, доц., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия.

E-mail: v_ineternatum@mail.ru

The authors

Prof. Valery V. Kanishchev, Derzhavin Tambov State University, Russia.

E-mail: valcan@mail.ru

Dr Elena V. Baranova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

Dr Dmitry S. Zhukov, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University Russia.

E-mail: v_ineternatum@mail.ru

И. О. Дементьев

РЕЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕГО ТВОРЧЕСТВА Б. Ф. ПОРШНЕВА
В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

70

Рассмотрены основные направления рецепции позднего научного творчества знаменитого советского историка Бориса Федоровича Поршнева (1905 – 1972) в зарубежной историографии. Монография о народных восстаниях во Франции XVII в. (1948) была благосклонно принята за рубежом и спровоцировала дебаты среди историков, однако другие работы Поршнева вызывали значительно более умеренную реакцию иностранных коллег. Отмечены основные возражения, которые высказывали зарубежные исследователи в адрес различных научных идей Поршнева. Дана общая оценка месту позднего творчества Поршнева в науке.

The author analyses the reception of works and academic ideas of a renowned Soviet historian Boris Porshnev (1905 – 1972) in foreign historiography. The research shows that the historian failed to repeat the success of his monograph (1948) on popular uprisings in France before the Fronde, which was well received abroad and provoked long-standing dispute among the historians. Other works of Porshnev evoked a much more moderate reaction from foreign colleagues. The paper outlines the main objections expressed by foreign researchers to the various academic ideas of Porshnev, and provides the reader with general assessment of Porshnev's late works in the humanities.

Ключевые слова: Борис Поршнева, марксизм, советская историография.

Keywords: Boris Porshnev, Marxism, Soviet historiography.

Борис Федорович Поршнева (1905–1972) принадлежит к числу самых ярких и разносторонне одаренных представителей советской исторической науки. Изначально он имел шансы состояться в качестве историка русской и зарубежной литературы [2], но в конце 1930-х гг. переориентировался на историю народных восстаний во Франции первой половины XVII в. Его диссертация по этой теме переросла в монографию (1948), награжденную Сталинской премией и переведенную на несколько европейских языков [4]. Книга несла на себе отпечаток эпохи, но свидетельствовала о незаурядной эрудиции и трудоспособности автора, опиралась на недоступные западным исследователям источники и отличалась новаторской постановкой проблем. В историю науки вошла знаменитая полемика Поршнева и Ролана Мунье по теме монографии.

Многим советским историкам не удавалось пробиться к зарубежному читателю в силу того, что их работы – даже весьма оригинальные и профессиональные – могли быть прочитаны лишь теми коллегами, которые владели русским языком. Поршневу посчастливилось быть переведенным, прочитанным, оцененным по «гамбургскому сче-

ту» и принятым в качестве равноправного участника в интернациональный круг специалистов по эпохе Фронды. Нет сомнений в том, что Поршнева внес заметный вклад в мировую историографию народных движений в Европе XVII в. [11].

Однако творческое наследие Поршнева, отличавшегося необычайной широтой интересов, включало и другие важные работы. В статье будет рассмотрена рецепция позднего (условно говоря, после 1948 г.) творчества Поршнева за рубежом, преимущественно на Западе. Такая оценка важна как для более адекватного понимания закономерностей развития советской историографии, так и для учета опыта международного академического сотрудничества, которое по сей день затрудняется для российских ученых прежде всего в силу того, что *Rossica non leguntur*.

Множество статей Поршнева по частным сюжетам, выходявших в 1940–1960-х гг., были известны зарубежным коллегам только на языке оригинала. Особо заинтересованные исследователи (как Ф. Бродель [13, р. 578]) заказывали переводы. Некоторые идеи Поршнева транслировал в докладах на международных конференциях и в личном общении с коллегами. Краткая характеристика творческого наследия Поршнева была опубликована в 1991 г. в англоязычном энциклопедическом словаре [33]. Какова же рецепция этого наследия в мировой науке?

Следует признать, что ни одной из работ Поршнева не удалось повторить успеха «Народных восстаний во Франции перед Фрондой (1623–1648)». Большинство тем, действительно важных в глобальном масштабе, — от проблем антропогенеза и социальной психологии до истории Тридцатилетней войны и теории абсолютизма — обсуждается современными гуманитариями по большому счету без учета работ Поршнева. Ниже приводится характеристика самых важных сюжетов творчества советского эрудита.

В конце жизни Поршнева планировал написать трилогию, посвященную *Тридцатилетней войне*; третья книга вышла при его жизни [8], первая была опубликована посмертно [10] и в 1995 г. стараниями П. Дьюкса переведена на английский язык [45]. Дьюкс же на основе черновых материалов и опубликованных статей Поршнева реконструировал общий замысел средней части [17]. Советские издания были доступны прежде всего историкам в Центрально-Восточной Европе, которые читали их по-русски. В Чехословакии М. Грох и Й. Петрань ссылались на обе части трилогии Поршнева, подчеркивая, что для западноевропейских историков проблематика участия России и Польши в Тридцатилетней войне остается малоизвестной [29, S. 215, 217, 223]. После выхода кембриджского перевода и нескольких положительных рецензий на него ссылки на монографию Поршнева стали появляться в публикациях западных авторов, хотя следы реального использования работы заметны не всегда. В то же время постепенно историки стали признавать, что подход Поршнева ценен уже тем, что обычно англоязычные авторы не уделяют должного внимания московскому измерению Тридцати-

летней войны [41, p. 214], хотя легитимность его исследования подтверждают, как считает П. Дьюкс, и постсоветские публикации [17, p. 220–221].

Один из тезисов Поршнева, который подвергся детальной проверке западными историками, – о решающей роли русской финансовой помощи Швеции (в форме предоставления зерна, которое с выгодой перепродавалось в Западной Европе) в обеспечении шведских успехов в Европе. Игнорировать его не решились [41, p. xiv; 46, p. 121], тем более что Поршневу опирался на материалы российских архивов, что, как и в случае с книгой о народных восстаниях, заметно повышало ценность его работы. Однако данные Поршнева были перепроверены. Сначала это сделал немецкий историк В. Медигер, который пришел к выводу о том, что Поршневу серьезно ошибся в оценке размеров спекулятивных доходов Швеции от торговли российским зерном [39, Textband, S. 130; Anm., S. 42–45]. Шведский историк Л. Экхольм на основе досконального изучения шведских архивов заключил, что российская торговля зерном действительно стала важным источником доходов Швеции, но показатели ее доходности были Поршневым многократно завышены [18–20]. Таким образом, вывод о решающей роли московской помощи не выдерживает критики, хотя оценки общности интересов Московии и Швеции во время Тридцатилетней войны сомнению не подлежат. Сегодня позиция Экхольма безраздельно господствует в западной историографии [40, s. 218; 49, S. 94]. Зарубежные историки в большинстве случаев тактично обходят вопрос о венаучных причинах, побудивших Поршнева приписывать Москве «решающую роль», но А.П. Каждан, уже будучи в эмиграции, прямо написал о «ложном патриотизме» как ведущем мотиве поршневских интерпретаций в этом случае [30, p. 9].

Общий интерес к истории революционных движений привлек внимание европейских историков-марксистов после Второй мировой войны. В Восточной Европе это было во многом связано с выходом в 1954 г. в ГДР перевода обобщающей работы по Новой истории, охватывавшей 1640–1789 гг., в написании которой участвовал Поршневу [3]. Она воспринималась как важное средство утверждения марксизма в исторической науке [32, S. 11]. Однако к ней апеллировали и британские марксисты: раздел Поршнева из этой книги цитировал Э. Хобсбаум в 1954 г. для обоснования тезиса об «общем кризисе» XVII в., вызвавшего бурные дебаты в 1950–1960-х гг. Характерно, что ссылки давались непосредственно на советскую публикацию [26, p. 12]. Со временем, однако, интерес к советским концепциям позднесталинского периода угас, и исследователи перестали ссылаться на них.

Западные историки традиционно признают пионерский характер работ Поршнева об *англо-французских отношениях во время Фронды*, включая статьи на русском языке (напр., [6]) [14, p. 10; 15, p. 367; 31, p. 2–3]. Однако тезисы этих работ далеко не всегда поддерживаются в современной историографии. Ф. Нэйчел критиковал преувеличение Поршневым роли цензуры в Англии и мнение советского историка о распространенности симпатий к Английской революции по ту сторону

Ла-Манша [31, p. 53, 87, 112]. И. Полишенский, подтверждая некоторые выводы Поршнева на чешском материале, дискутировал с ним по поводу роли разных европейских стран в борьбе против революционной Англии [43, s. 172, 180]. Ю. Карье, специалист по прессе Фронды, оспаривал противопоставление Поршневым памфлетов умеренных и радикальных сил, которые в тот период откликнулись на события в Англии [15, p. 366–367]. Те, кто читал Поршнева по-русски, как М. Грох, могли позволить себе развернутые рецензии на книгу об англо-французских отношениях середины XVII в., в которых отдавали должное авторской эрудиции, хотя находили и поводы для критики даже в рамках марксистской парадигмы [28, s. 377]. На Западе, впрочем, выходили и совершенно комплиментарные рецензии, авторы которых сожалели лишь о том, что настолько фундаментальное исследование доступно немногим в силу языковых затруднений [16, p. 524].

Поршнев наряду с другими советскими исследователями занимался биографией Жана Мелье, выпустил ряд статей на русском и французском, а потом и книгу [7]. Хотя эти работы вошли в обязательную программу для чтения по теме жизни и творчества незаурядного мыслителя (см., напр., [47]), интерес ученых к самому сюжету к настоящему времени заметно ослаб.

Некоторые работы Поршнева по *политической экономике феодализма* переводились еще в начале 1950-х гг. на немецкий язык, так что в ГДР он пользовался репутацией авторитетного теоретика-марксиста [24, S. 72]. Однако его достижения в этой области подвергались критике уже со стороны советских коллег. Постепенно его популярность сошла на нет, а западным ученым эта сторона его творчества всегда была практически неизвестна и неинтересна. Редкие случаи сочувственного цитирования приходится на долю таких исследователей, как эстонский философ Э.Н. Лооне, который читал Поршнева [5] в советский период и ссылался на него после 1991 г. [35, p. 179].

Также были переведены некоторые работы Поршнева и его соавторов по *проблемам антропогенеза*. Насколько можно судить, эти публикации иногда цитировались зарубежными коллегами, но, как правило, воспринимались скептически, что было характерно даже для специалистов из социалистических стран [21, p. 24]. В научных журналах, близких к левым силам, встречались комплиментарные рецензии на посмертно изданную в СССР книгу Поршнева «О начале человеческой истории» [9] — например, в журнале Института Грамши *Studi Storici*, где рецензент аккуратно намекал на то, что Поршнев идет дальше Энгельса в понимании факторов антропогенеза [22].

Можно утверждать, что работы Поршнева по *социальной психологии* малоизвестны иностранным коллегам, несмотря на их соответствие общему тренду в развитии междисциплинарности. Книга «Социальная психология и история», о научных достоинствах которой скептически отзывался А.Я. Гуревич [1, с. 27–28], вышла на английском языке в СССР в 1970 г. [44]. В общих работах по историографии и методологии истории книгу Поршнева упоминали как пример обновления постсталинской советской исторической науки, хотя не без критицизма по

отношению к узости авторского взгляда [12, р. 287]. Н. Хир показала, что поршневские разработки в области массовой психологии (в частности, отношений *мы / они*), опиравшиеся на ленинские положения и проиллюстрированные мрачными примерами из зарубежной практики (например, истерией маккартизма), могли быть спроецированы и на советскую реальность. Видел ли сам Поршнева то, что должно было броситься в глаза любому умному читателю? Этот вопрос открыт [23, р. 160]. В общем о том же рассуждал в [48, р. 239–240] итальянский рецензент: что будет, если экстраполировать ленинский анализ отношений *мы / они* на советское общество? В работе по социальной психологии методологические ограничения догматического марксизма оказались особенно заметны (см.: [37]).

Иногда упоминаются редкие работы Поршнева по *истории России* [38, р. 88, 94; 25, р. 330, 351], но в этой сфере его фигура оказывается, как правило, в тени более известных специалистов по отечественному прошлому. Тем не менее периодически западные историки и сегодня вступают в полемику с Поршневым по частным вопросам (например, по поводу его мнения о существовании пропольской группировки при русском дворе во время Смоленской войны [42, р. 378]).

Отдельный аспект обсуждаемой темы — работы зарубежных авторов по советской историографии. Изредка в обзорах советских дискуссий Поршнева противопоставляется ортодоксальным марксистам [50], но все же в публикациях превалирует критическая тональность. Одни отмечают присущий ему догматизм, контрастировавший с попытками обновления историографии после смерти Сталина [27, S. 29]; другие иронизируют над стремлением Поршнева быть большим марксистом, чем официальные ревнители чистоты марксизма [30, р. 9]; третьи подчеркивают его отрицательную роль в дискуссии 1960-х гг. об азиатском способе производства [36, р. 170, 194, 283]. В 1990-х гг. австралийский историк Р. Марквик взял интервью у Л. В. Даниловой, которая вспоминала атмосферу дискуссий конца 1960-х в Институте истории АН СССР. По ее свидетельству, Поршнева тогда говорил ей: «В 30-х мы таких людей, как вы, расстреливали! Сегодня, к сожалению, мы вынуждены вас воспитывать» [36, р. 288]. Ретроспективный взгляд на советскую историографию обнаруживает в Поршневе крайне противоречивую фигуру, одновременно и оригинальную, и типичную для своего времени. К субъективному фактору, предопределяющему угасание интереса к Поршневу, добавляются объективные — распад Советского Союза и снижение влияния марксистской мысли.

Следует признать, что мировая историография, которая ежегодно производит колоссальный объем научной продукции, по большому счету не придает особого значения поздним работам Поршнева, а в ряде частных вопросов уже отвергла многие его выводы. Если это справедливо по отношению к респектабельным темам, то тем более в качестве курьеза рассматривается интерес Поршнева к снежному человеку. Э. Леруа Ладюри, вспоминая советского историка, писал, что его занимали главным образом два сюжета — «йети и антифискальные бунты.

Ужасный снежный человек и Жак-Простак» [34, р. 301]. В первом случае Поршневу не преуспел, но во втором ему сопутствовала удача. Несмотря на феноменальную эрудицию, широту интересов и научную продуктивность, Поршневу не удалось снискать иного места в глобальной науке, чем то, которое он тем не менее занимает с полным правом, — место автора фундаментальной новаторской работы о народных восстаниях во Франции.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. История историка. М., 2004.
2. Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Борис Поршневу — несостоявшийся литературовед // Новый филологический вестник. 2019. №1. С. 326—337.
3. Новая история / под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина. М., 1951. Т. 1 : 1640—1789.
4. Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М. ; Л., 1948.
5. Поршневу Б. Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.
6. Поршневу Б. Ф. Отклики французского общественного мнения на английскую буржуазную революцию // Средние века. 1956. Вып. 8. С. 319—347.
7. Поршневу Б. Ф. Мелье. М., 1964.
8. Поршневу Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
9. Поршневу Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
10. Поршневу Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
11. Чеканцева З. А. Рецепция творчества Б. Ф. Поршнева во Франции и Советском Союзе // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е — 80-е годы XX в. М., 2007. С. 14—28.
12. Baron S. H., Heer N. W. The Soviet Union: historiography since Stalin // International Handbook of Historical Studies. Contemporary research and theory / ed. by G. G. Iggers and H. T. Parker. L., 1980. P. 281—294.
13. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe — XVIIIe siècle. P., 1979. Т. 3 : Le temps du monde.
14. Carrier H. La presse de la Fronde (1648—1653): les Mazarinades. La conquête de l'opinion. Genève, 1989.
15. Carrier H. Le labyrinthe de l'État. Essai sur le débat politique en France au temps de la Fronde (1648—1653). P., 2004.
16. Cinnella E. B. F. Poršnev, Francija, anglijskaja revoljucija i evropejskaja politika v seredine XVII v. Moskva, Nauka, 1970 // Rivista storica italiana. 1972. №2. P. 514—524.
17. Dukes P. The Thirty Years' War, the Smolensk War and the Modernization of International Relations in Europe // Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia. L. ; N. Y., 2004. P. 203—222.
18. Ekholm L. Kontributioner och krediter. Svensk krigsfinansiering 1630—1631 // Landberg H. et al. Det kontinentala krigets ekonomi. Kristianstad, 1971. S. 143—270.
19. Ekholm L. Rysk spannmål och svenska krigsfinansiering 1629—1633 // Scandia. 1974. Bd. 40, H. 1. S. 57—103.
20. Ekholm L. Svensk krigsfinansiering. 1630—1631. Uppsala, 1974.
21. Foerster I. Some aspects of the relationship between continuity and discontinuity in anthropogenesis // Anthropologie. 1983. Vol. 21, №1. P. 23—26.

22. *Garritano G.* Boris Fëdorovič Poršnev, O načale čelovečeskoj istorii, Mosca, "Mysl", 1974 // *Studi Storici*. 1975. Anno 16, №2. P. 564.
23. *Heer N.W.* The Non-Bolshevik Left and the Idea of Political Opposition // *Windows on the Russian past. Essays on Soviet historiography since Stalin* / ed. by S.H. Baron and N.W. Heer. Columbus, 1977. P. 157–170.
24. *Heitz G.* Der Zusammenhang zwischen den Bauernbewegungen und der Entwicklung des Absolutismus in Mitteleuropa // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1965. Sonderheft 13. S. 71–83.
25. *Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago ; L., 1971.
26. *Hobsbawm E.J.* The crisis of the seventeenth century // *Crisis in Europe. 1560–1660. Essays from Past and Present*. L., 1969. P. 5–58.
27. *Hösler J.* Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte. München, 1995.
28. *Hroch M.* B.F. Poršněv, Francija, anglijskaja revolucija i evropejskaja politika v seređině XVII v. Moskva 1970 // *Československý časopis historický*. 1972. №3. S. 374–376.
29. *Hroch M., Petrář J.* Das 17. Jahrhundert – Krise der Feudalgesellschaft? Hamburg, 1981.
30. *Kazhdan A.* Soviet Studies on Medieval Western Europe: A Brief Survey // *Speculum*. 1982. Vol. 57, №1. P. 1–19.
31. *Knachel Ph.A.* England and the Fronde: the impact of the English Civil War and Revolution on France. Ithaca (NY), 1967.
32. *Krause H.-Th.* Die Entwicklung der Beziehungen zwischen der Geschichtswissenschaft der DDR und der UdSSR von 1945 bis zur Gegenwart // *Die Sowjetische Geschichtswissenschaft*. 1979. Tl. 2. S. 5–30.
33. *Kucherenko G.S.* Porshnev, Boris Fyodorovich // *Great historians of the Modern Age. An international dictionary*. N.Y. ; Westport ; L., 1991. P. 570–571.
34. *Le Roy Ladurie E.* Parmi les historiens. Articles et comptes rendus. P., 1983.
35. *Loone E.* «They Were Not Quite Like Us»: The Presumption of Qualitative Difference in Historical Writing // *Developments in Modern Historiography* / ed. by H. Kozicki. N.Y., 1993. P. 164–181.
36. *Markwick R.D.* Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Basingstoke, 2001.
37. *Markwick R.D.* Cultural History under Khrushchev and Brezhnev: From Social Psychology to Mentalités // *The Russian Review*. 2006. Vol. 65, №2. P. 283–301.
38. *Mazour A.G.* The writing of history on the Soviet Union. Stanford, 1971.
39. *Mediger W.* Mecklenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967. Textband; Anmerkungen, Quellen und Literatur, Register.
40. *Oredsson S.* Gustav II Adolf. Stockholm, 2007.
41. *Parker G.* The Thirty Years' War. L. ; N.Y., 1987.
42. *Perrie M.* Substituted tsareviches and enemy agents: the case of archimandrite Fedorit (1635–1636) // *Russian History*. 2007. Vol. 34, №1/4. P. 365–381.
43. *Polišenský J.V., Snider F.* War and society in Europe. 1618–1648. Cambridge ; L. ; N.Y. ; Melbourne, 1978.
44. *Porshnev B.* Social psychology and history. Moscow, 1970.
45. *Porshnev B.F.* Muscovy and Sweden in the Thirty Years' War, 1630–1635. Cambridge, 1995.
46. *Roberts M.* Gustavus Adolphus and the Rise of Sweden. L., 1973.
47. *Skrzypek M.* La fortune de Jean Meslier en Russie et en Union Soviétique // *Dix-Huitième Siècle*. 1971. №3. P. 117–143.
48. *Sori E.* Storia, psicologia collettiva, marxismo // *Quaderni storici*. 1971. Vol. 6, №16. P. 235–240.

49. Troebst S. Handelskontrolle – “Derivation” – Endämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997.

50. Yaresch L. The “Peasant Wars” in Soviet Historiography // The American Slavic and East European Review. 1957. Vol. 16, №3. P. 241–259.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

А. А. Майоров

**ПАРАЛЛЕЛИ В ЖИТИЙНЫХ СЮЖЕТАХ
ОБ АДАЛЬБЕРТЕ ПРАЖСКОМ
И НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ**

78

В статье осуществляется сопоставление чрезвычайно популярных в Центральной Европе X – XII вв. житийных повествований о жизни и мученичестве Адальберта Пражского с комплексом древнерусских летописных и житийных рассказов, повествующих о событиях, относящихся территориально к бассейну Верхней Оки в хронологически сопоставимом периоде. Анализ полученных результатов дает возможность выявить и проследить ряд прямых и не прямых параллелей в имеющихся сюжетных линиях и излагаемых фактах, связанных с описанием жизни и деятельности двух пар братьев – Адальберта и Гаудентиуса и легендарных летописных Радима и Вятко. Обстоятельства трагической смерти иеромонаха Кушки представляются чрезвычайно схожими с изложенными в повествованиях об убиении Адальберта Пражского, что может объясняться как общностью сюжета и фабулы, так и знакомством древнерусского автора с указанными житиями.

This article presents a comparative hagiographic analysis of the life and martyrdom of Adalbert of Prague, who was extremely popular in Central Europe X – XII centuries, and hagiographies and old Russian chronicles related geographically to the events that took place in the basin of the Upper Oka. The author identified several direct and indirect parallels of the plot. Among them, there is a description of the activities of the Adalbert-Gaudentius brothers and the legendary Radim and Vyatko brothers. The story describing the tragic death of hieromonk Kuksha is similar to the ones describing the killing of Adalbert of Prague. This similarity can be explained both by the commonality of the plot and the storyline, and the writer's acquaintance with the hagiographies.

Ключевые слова: Вятко – Радим, Адальберт – Гаудентиус, христианское мученичество, миссионерство среди язычников, сюжетные параллели, влияние.

Keywords: Vyatko – Radim, Adalbert – Gaudentius, Christian martyrdom, missionary work among pagans, parallels of narrative plots, influence.

Обстоятельства жизни и деятельности Адальберта Пражского, католического святого, епископа Праги, вероятного автора древнейших неформальных гимнов Чехии и Польши, принадлежавшего ко второму по степени влияния роду своей страны, близкого к императору Оттону III, до настоящего времени привлекают внимание многочисленных исследователей. Однако их подробное рассмотрение не является целью настоящей статьи. Достаточно упомянуть, что Адальберт происходил из очень знатной семьи Славников, соперничавших по степени влияния с правящим родом Пржемысловичей. Родился в 956 г. в богемском городе Либица, учился в соборной школе в Магде-

бурге. Стал вторым епископом незадолго до того основанного в Праге епископства. Между 983 и 989 гг. он уехал в Италию, где первоначально был монахом в Монтекассино, а затем в монастыре Св. Алексия и Бонифация в Риме. После возвращения в пражское епископство (между 992 и 995 гг.) снова уехал в римский монастырь, где пребывал до 996 г. После поездки в Саксонию отправился в качестве миссионера к пруссам-язычникам, был ими убит, а затем канонизирован католической церковью в качестве святого [18].

Житийные повествования об Адальберте Пражском после гибели епископа весьма быстро приобрели популярность в разных частях Европы. Все наиболее значимые католические хронисты, обращавшие свой взор на события, имевшие место в Восточной Европе в X—XI вв., полагали обязательным включить упоминание о его святой жизни и мученической смерти в свое повествование. В этой связи следует назвать Иоанна Канапариуса, Бруно Кверфуртского, Титмара Мерзебургского, Козьму Пражского и ряд других авторов. Сама тема подвига святителя, принявшего свою смерть от рук непримиримых язычников, весьма волновала хронистов и пользовалась большой популярностью. Современная библиография, посвященная этой тематике, очень объемна [17].

...В Рим пришел чешский епископ Адальберт, при крещении получивший имя Войтех... Он долгое время смиренно жил по строгим правилам аббата Бонифация, служа [другим] добрым примером. Позже... он пытался укротить сердца пруссов, далеких от Христа, уздой святой проповеди, но 23 апреля был пронзен копьем и обезглавлен, единственный из своих братьев без всякого стога всегда желаемое им мученичество. Он сам предвидел это в ту же ночь во сне, о чем и поведал всей братии: «Мне показалось, — говорит, — будто я один служил мессу и причащался». Но нечестивые вершители злодеяния, увидев, что он уже испустил дух, для усугубления своего злодеяния и ради Божьего наказания бросили святое тело в море, а голову воткнули ради поношения на кол и, ликуя, вернулись домой. Болеслав, сын Мешко, узнав об этом, тотчас же дав денег, купил славные останки мученика вместе с его головой [12, с. 57].

В этом отрывке нашли свое отражение несколько сюжетов из жизни сына зличанского князя Славника по имени Вячеслав (Войцех), при принятии сана пражского епископа получившего имя Адальберт. Сложная политическая обстановка в Чехии и за ее пределами, завершение объединения страны, противостояние чешского князя и зличанского фамильного клана Славниковичей, сложные отношения всех действующих лиц со Священной Римской империей и католической церковью представляют слишком объемный материал для формата статьи. Достаточно упомянуть, что семья Адальберта и он сам оказались в эпицентре почти всех наиболее значимых событий чешской истории.

Двойственность положения, в котором находился епископ Адальберт, хорошо прослеживается в повествовании Козьмы Пражского, неоднократно отмечавшего не только кротость и благонравность будущего епископа, его последующую дружбу с императором Оттоном III, но и некие противоречия с местным обществом, приведшие к его уходу в

Рим: «...епископ Адалберт, видя, что паства, доверенная ему, неуклонно приближается к пропасти, а он не может направить ее на верный путь, и опасаясь, что он сам может погибнуть с этим народом, не мог долше оставаться с этими людьми» [7, с. 71]. Тем не менее эти якобы не очень серьезные сложности привели к трагедии большого масштаба. Некие «комиты» (по всей видимости, военные князья) «напали на град. Они убили всех до одного мужчин и женщин, перед алтарем обезглавили четырех братьев св. Адалберта со всем их потомством... Нагруженные кровавой добычей и страшной поживой, комиты весело вернулись в свои дома. Так, в лето от рождества Христова 995, в граде Либище было убито пять братьев св. Адалберта... Собебор, Спитимир, Доброслав, Поржей, Часлав» [7, с. 73]. Единственным уцелевшим оказался сводный (а потому, вероятно, не имевший прав на наследование трона) брат Радим — будущий епископ гнездинский. Многие центральноевропейские исследователи полагают, что описанные события стали результатом решения Болеслава II ликвидировать конкурентов, имевших, по некоторым показателям, большие права на его трон.

Как бы то ни было, явное стремление Адалберта укрыться за стенами монастыря косвенно подтверждает подобные гипотезы. Однако навсегда остаться в монастырских стенах не было суждено, и с ведома папы римского он отправился на проповедь среди пруссов-язычников.

О конце жизненного пути архиерея Козьма Пражский, предварительно ссылаясь на широко известные жития, говорит кратко: «...славный знаменосец Христов, епископ Адалберт... счастливо окончил свою жизнь, приняв мученичество ради Христа в пятницу 23 апреля» [7, с. 74–75]. Безусловно, учитывая сложности и перипетии жизненного пути и семейного положения княжича Войцеха (Адалберта), можно, помимо духовного подвига и христианского мученичества, выстроить и иные версии его гибели, но недостаточность первичной информации не позволяет заниматься подобными построениями.

Территории Прибалтики и бассейна Верхней Оки находятся на весьма большом удалении друг от друга. Тем не менее при описании двух событий, одно из которых формально имело место несколько раньше другого, произошедшего предположительно в первой четверти XII в. на территории вятичей, прослеживается ряд параллелей. И при внимательном рассмотрении подобное сходство выглядит совершенно неслучайным.

Речь во втором случае идет о довольно известной легенде, повествующей о мученическом подвиге печерского иеромонаха Кукши. Согласно сюжету, пересказанному в Киево-Печерском патерике, популярный и широко известный монах киевского Печерского монастыря проповедовал православную веру среди вятичей-язычников. Местные жители не восприняли проповедь и, по наущению своего жреца, убили Кукшу и (вероятно) его спутника, принявших, таким образом, мученическую смерть:

Священномученика того же монастыря Печерского чернеца Кукшу, его же вси сведают, како бесы прогнал, и вятичи крестил, и дождь свел, озеро

иссушил, и многа чудеса сотворил. По многих муках усечен был со своим учеником. С ними же и Пимин, блаженный постник, в один день скончался, предвидев свой отход преже двою лет, и многа ина пророчества, недужные исцели. Посреди церкви велегласно рек: «Брат наш Кукша противу свету убиен бысть». И тако рек, преставися в один час с теми святыми [3, с. 27].

Автором приведенного текста традиционно полагается епископ Владимиро-Суздальский Симон, хотя следует помнить, что, согласно взглядам большинства исследователей, место происхождения «Повести временных лет» и источник информации о подвиге Кукши едины — киевский Печерский монастырь.

Кукша, согласно имеющейся информации, был иеромонахом Киево-Печерской лавры, пользовался широкой известностью, силой молитвы творил чудеса, был казнен на рассвете, подобно Адальберту, путем отрубания головы («усечен бысть»). Косвенные признаки указывают на вероятность его знатного происхождения и на то, что он мог быть основателем или игуменом киевского Купшина монастыря на реке Сетомль [6, с. 348–373]. До уровня Войцеха-Адальберта, принца и епископа, скорее всего, Кукша, не «дотягивал», но знатность происхождения и влияние у него присутствовать могли.

Анализ деталей позволяет увидеть значительное сходство между ранним и более поздним рассказами. Первая общая черта — это, безусловно, проповедь среди воинственных язычников, пруссов и вятичей, которые после завершения миссии тем не менее продолжили пребывать в прежнем состоянии и еще долго оставались язычниками.

Вторая черта — праведность обоих проповедников. Тема видений и чудес, являвшихся обязательным атрибутом святости, прослеживается в обоих случаях. В житиях Адальберта речь идет о его легендарном участии в крещении Венгрии и Польши, а также упоминаются его различные чудеса и явления во снах разным историческим персонажам [7, с. 75, 97, 103–104, 107, 165–166], в повествованиях о вятичской миссии Кукши — изгнание бесов, сведение дождя, осушение озера и «многие чудеса», а также возгласение «блаженным постником» Пимином об убиении «противу свету» брата Кукши и его смерть одновременно с учеником, что явно подразумевает божественные откровения и видения.

В обоих случаях ситуация смерти святых была отягощена нарочитой и явной ритуальностью убийств — «противу света», — подчеркнута символизировавших языческое жертвоприношение. Голову Адальберта еще и нанизали на кол, что придало событию явную демонстративность. Стремление максимально широко заявить об убийствах прослеживается в обоих случаях. Исчезновение и гибель странствующего проповедника представляли собой традиционный для него риск. В то же время скорость обнаружения тел обоих погибших клириков указывает на то, что их перемещения явно отслеживались кем-то очень influential. Эта гипотеза подкрепляется отдельными обстоятельствами их смерти и последующего обнаружения тел: гибель в лесах, но при этом

фактически не пострадавшие (к примеру, от диких зверей) тела, отделенные головы, а в случае Адальберта возникает предположение, что выловленное в море тело (вероятно, утопленное также в ритуальных целях) явно сохранялось для последующей выдачи за выкуп. Складывается впечатление «постановочности» обоих событий.

Следующая особенность, бросающаяся в глаза, — безнаказанность убийц миссионеров в широком смысле: князь Болеслав не требовал выдать виновных, не пытался покарать пруссов, тем более не пошел на них войной, а выкупил тело и голову епископа за золото. Русские письменные источники также не сохранили указаний на кару, постигшую святотатцев и убийц Кукши, хотя бы не от руки черниговского князя или его доверенных лиц, а по их указанию. С определенной точки зрения, правители в обоих случаях в некоторой степени даже косвенно поощряют убийства, не требуя выдачи и кары виновных. В случае Адальберта, с учетом предшествующего убийства его братьев, вероятно имевших права наследования земель княжества Славника, действия пруссов (в случае если это были именно они, а не маскировавшиеся под них наемники), продолживших кровавую череду чешских убийств, выглядят особенно подозрительно.

Еще одна прямая тематическая параллель — наличие внешне благопристойных правителей, которые хотя и должны были нести свет христианства язычникам, но, как уже отмечалось выше, демонстрируют равнодушие к этой миссии (так же как и к обеспечению безопасности проповедников). Роднит проповедников, вероятно, высокий социальный статус: в случае Кукши — возможного настоятеля монастыря, в случае же Адальберта — выдающегося архиерея и имперского церковного деятеля, находившегося в дружеских отношениях с императором. Также практически невероятным представляется в обоих сюжетах полное отсутствие каких-либо договоренностей и контактов между длительное время соседствовавшими официальными властями и язычниками: королем и пруссами в одном случае, княжеской администрацией и вятичами — в другом.

Безусловно, для верхнеокского сюжета необходимо указать, что «жизнь древнерусского монаха... не была защищена ни церковным, ни княжеским правом» [1, с. 49]. Самое раннее упоминание о каре за насильственное лишение жизни священника относится лишь к концу XII в.: «Оже убьют таль или попь новгороцкое или немецкъе Новегороде, то 20 гривнь серебра за голову» [2, с. 56]. В случае же смерти имперского епископа искать иной *casus belli* в отношении пруссов было бы совершенно излишне. Вряд ли сами пруссы этого не понимали.

Вне всякого сомнения, общие черты обоих повествований, построенных в соответствии с устоявшимся каноном жизнеописания христианского праведника, можно объяснить стереотипностью и даже архетипичностью ситуаций. Но другой пласт совпадений придает имеющимся параллелям особое звучание.

Речь идет о хронологически более старом историческом эпизоде, связанном с легендарным основателем этнополитического объединения вятичей Вятко. Летописное упоминание о нем коротко: «бѣста бо.

2. брата в Лясахъ. Радимъ. а другому Вятко и пришедъша. седоста Радимъ на Съжо. [и] прозв[а]шася Радимичи. Вятко седе съ родомъ своимъ по Оце. От негоже прозвашася Вятичи» [9, с. 11–12].

Указание «в Лясахъ» следует, по-видимому, понимать как «на близком западе от Руси», так как Минейная редакция жития святого чешского князя Вячеслава начинается словами: «Месяца септемвриа в 28 день Житие блаженного князя Вячеслава бывшего в Лясахъ» [11, с. 60]. Термин «в Лясахъ» здесь подразумевает не этническую, а скорее географическую привязку, что позволяет провести прямую аналогию.

Не оспариваемая до настоящего времени реконструкция М. Фасмера возводит имя Вятко к первоначальному варианту Вячеслав [13, с. 376, 378]. В Фульдских анналах зафиксированы созвучные имена в виде Witislan под 872 г. и Witzla (Вячеслав) под 895 г. [14, р. 126]. Сразу же вспоминается канонизированный чешский князь Вячеслав, живший в начале X в., различные формы имени которого — ст.-слав. Вяцеслав, чеш. Václav, лат. Venceslaus, Wratizlaus — позволяют провести прямую аналогию с мирским именем Адальберта — Венцеслав, Вацлав и т. д. [16, S. 253].

Еще более говорящим является наличие у Адальберта (Вячеслава) сводного брата Радима, известного как Гаудентиус (Gaudentius) — первый епископ польского города Гнезно. Интересно, что Титмар Мерзебургский продемонстрировал свое сомнение в том, что император Оттон был правомочен возвести Гаудентиуса в сан гнезнинского епископа: «...он [император Оттон] основал там архиепископство, как я надеюсь, законным образом, но все же без согласия того епископа, чьей юрисдикции подлежала вся эта страна. Архиепископство он вверил Радиму» [12, с. 63]. Цитируемая ранее летопись таким же именем называет основателя восточнославянской группировки Радимичей, которого обозначает как брат Вятко.

Анализ письменных источников показывает, что употребление имен, производных от корня *rad*, не было типично для Руси в X–XII вв. Они встречаются в Ипатьевской летописи под 1087 г., когда «Ярополка взяша отрок на конь. Передь ся Радко...» [10, стб. 198]. И здесь же о событиях 1161 г.: «...Половци. Въездяху в городъ. Просекаюче столпии. И загжоша дворъ. Лихачевъ поповъ. И Радъславль...» [10, стб. 515]. В то же время имя Радим (Радзим) широко известно в польской и чешской истории, а Гаудентиус является лингвистической калькой со славянского на латынь и имеет значение «радующий, добрый». Радим (Гаудентиус), как и его сводный брат Адальберт (Войцех), был сыном одного из сильнейших местных князей Славника.

Взаимоотношения их отца, либицкого князя Радислава Славника, с Болеславом II представляли собой, вероятно, один из самых драматичных сюжетов чешской (богемской) истории того периода. Он, по всей видимости, был единственным, кто мог фактически на равных противостоять князю чешскому и самостоятельно вел не только внутреннюю, но и внешнюю политику. С этим, скорее всего, и было связано назначение братьев значимыми церковными иерархами. Лишь после смерти всех прочих членов клана во время упомянутой либицкой резни Чехия стала единым государством [4, с. 20–21; 5, с. 60–61, 65–66].

Несложно заметить созвучие имени младшего из уцелевших братьев с именем князя Радислава. Имя Радим (Радзим) до настоящего времени весьма распространено среди западных славян (в Польше, Чехии и Словакии) и является одним из многочисленных имен, образованных от корня *rad*. Этот корень, по мнению польских филологов, может иметь несколько значений — «радоваться», «заботиться», «печься, беспокоиться о чем-то» и т.д. [19, s. 247]. Существует также ряд родственных антропонимов, от него образованных: «Rado-ciech; Rado-mił, Rado-miar, Rado-mir, Rado-sław... Rado-wit, Rado-(w)uj; Redo-sław... Rad-mir, Rad-sław... Rad-rech(?), Rad-sui; Rat- sław... Rac-(s)ław... Rad-ach... Rad-ak... Rad-o... Rad-ek... Radowan, Radwan, Redwan...» [19, s. 247–248]. Также на этих землях повсеместны фамилии, производные от имени Радим.

Таким образом, при рассмотрении вятичских сюжетов в качестве единого повествовательного комплекса можно проследить черты явного сходства с житиями святого Адальберта. Это и центральные их фигуры — знатные миссионеры, безуспешно проповедующие среди язычников, и сопровождающая их деятельность череда чудесных явлений, (изгнание бесов, вызов дождя, иссушение водоема, нетленность тела и т.д.), и последующие ритуальные демонстративные убийства проповедников, оставшиеся, судя по всему, безнаказанными, но давшие вопиющий формальный повод для вмешательства в дела местного языческого населения. В обоих случаях присутствуют братские пары: Адальберт (Вацлав) — Радим (Гаудентиус) и Вятко (Вячеслав) — Радим, участники которых по странному историческому капризу являются полными тезками. Адальберт и Гаудентиус достоверно принадлежали к титулованному и влиятельному княжескому роду, Вятко с Радимом, в свою очередь, по ряду признаков могли относиться к высшим сословиям [8].

Любопытным представляется также возможное сопоставление ритуального убийства миссионеров язычниками «противу солнца» и казни братьев Адальберта-Вацлава в семейной Либице «перед алтарем... со всем их потомством», которые, при всех оговорках, для объективного наблюдателя выглядят явлениями одного плана.

В рассматриваемом случае трудно представить возможность случайного совпадения столь многих имен и обстоятельств. Имеются различные варианты решения данной исторической загадки, вплоть до гипотезы об определенной случайности присвоения основателям двух восточнославянских «племен» имен широко известных святых [15]. В то же время наличие чрезмерного количества параллелей и аналогий в повествованиях о судьбах Адальберта и Кукши позволяет прийти к заключению о вероятности как осознанного выстраивания ткани повествования, так и подчеркивания некоего сходства исторических контекстов.

Думается, что предполагать со стороны монаха-летописца «иронию» в отношении канонизированных западных христианских братьев-епископов было бы неуместным. Монахи-летописцы всегда отличались повышенным благочестием и набожностью для того, чтобы греховно соотносить причисленных к лику святых епископов с предпо-

жительно языческими вождями, тем более что разделение христианской церкви на западную и восточную ветви произошло не так давно и могло представляться явлением временным.

Таким образом, комплексное рассмотрение совокупности древнерусских нарративных источников, посвященных событиям в бассейне Верхней Оки, позволяет выявить присутствующие в них прямые и косвенные параллели и аналогии с житийными повествованиями о деятельности Адальберта Пражского. Явно более ранняя датировка письменной фиксации повествований о жизни выдающегося католического церковного деятеля (конец X в.) заставляет предположить знакомство древнерусских авторов с житиями святых братьев Адальберта и Гаудентиуса (Вацлава и Радима), оказавшими значительное влияние на два наиболее важных повествования о судьбах вятичских земель в бассейне Верхней Оки.

Список литературы

1. Гайденко П. И. Сколько стоила «жизнь» инок в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωμα: εν χρόνο, εν προσώπω, σε εν είδει : альманах. Вып. 4 / под ред. П. И. Гайденко. СПб. ; Казань, 2015. С. 31 – 53.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л., 1949.
3. Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
4. История Чехии / под ред. В. И. Пичета. М., 1947.
5. История Чехословакии. Т. 1 / под ред. Г. Э. Санчука, П. Н. Третьякова. М., 1956.
6. Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014.
7. Козьма Пражский. Чешская хроника / вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1962.
8. Майоров А. А. Призвание Вятко (к вопросу о создании вятичского племенного союза) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №3 (26). С. 101 – 104.
9. ПСРЛ. Т. 1 : Летопись по Лаврентьевскому списку. 2-е изд. / Археографическая комиссия. СПб., 1872.
10. ПСРЛ. Т. 2 : Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
11. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.
12. Титмар Мерзебургский. Хроника : в 8 кн. 2-е изд., испр. / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2009.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 : А – Д / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М., 1986.
14. *Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales* / ed. G. H. Pertzii. Hannoverae, 1891.
15. Aristov V. Why were Radimichi and Vyatichi «of Polish origin»? // *Historické rozhľady* / ed. M. Daniš, L. Rybár. Bratislava, 2018. P. 18 – 25.
16. Bretholz B. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag // *Monumenta Germaniae Historica*. Т. 2. Berlin, 1923.

17. *Bôbová M., Töröková M. Svätý Vojtech: svätec, doba a kult : Výberová bibliografia.* Banská Bystrica, 2010.

18. *Klaniczay G. Chapter One. Saints' Cults in Medieval Central Europe: Rivalries and Alliances // Symbolic Identity and the Cultural Memory of Saints / ed. by N.H. Petersen, A. Mänd, S. Salvadó, T.R. Sands. Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 21 – 41.*

19. *Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Część 1 : Odapelatywne nazwy osobowe / oprac. A. Cieślíkowa przy współudziale J. Szymowej i K. Rymuta. Kraków, 2000.*

Об авторе

86

Анатолий Александрович Майоров – канд. ист. наук, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Россия.

E-mail: aamajorov@rambler.ru

The author

Dr Anatoliy A. Mayorov, Orel State University named after I.S. Turgenev, Russia.

E-mail: aamajorov@rambler.ru

УДК 316.3

М. И. Кришталь

ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НА УРОВНЕ ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА И ПОСЕЛКА

87

Представлен социологический анализ различных параметров экологического сознания жителей областного центра (на примере Калининграда) и поселка (на примере пос. Нивенское Калининградской области). Актуальность исследования на федеральном уровне обусловлена тем, что проблема экологии стала частой причиной возникновения протестных акций в стране, на региональном – существованием социального конфликта, связанного с планами строительства калийно-магниевого рудника в пос. Нивенское. По итогам исследования выявлены различные черты, присущие экологическому сознанию представителей двух территориальных сообществ. Зафиксировано, что поселчане более доверчивы ко всем возможным источникам информации, касающимся экологической проблематики, и чаще готовы идти на финансовые затраты ради сохранения окружающей среды. Кроме того, жители поселка заметно чаще горожан винят бизнес в возникновении экологических проблем, тогда как калининградцы более часто обвиняют в этом государство. Выявлены и общие черты экологического сознания: недоверие к информации об экологических рисках со стороны бизнеса и нежелание поступаться качеством окружающей среды ради роста уровня жизни. Предложены рекомендации для органов власти Калининградской области, а также крупных бизнес-предприятий по предотвращению роста социального напряжения, связанного с восприятием экологических рисков.

The article presents the results of the sociological analysis of environmental awareness of the residents of a regional centre (the case of Kaliningrad) and a settlement (the case of Nivenskoye, the Kaliningrad region). The study is relevant for the federal authorities since environmental problems have become a frequent cause of protest actions in Russia. The relevance of the study for the regional authorities is predetermined by social conflicts related to the construction of a potassium-magnesium production facility in the village of Nivenskoye. The study revealed a number of characteristic features typical of the environmental consciousness of the two territorial communities. The analysis showed that villagers are more trustful of all sources of information related to environmental issues. They are more willing to spend money on environmental protection. Villagers are more inclined to blame business for environmental problems, while Kaliningraders tend to blame the state. The author identified common features of environmental consciousness of the urban and rural residents: distrust of the information on environmental risks coming from business and the unwillingness to sacrifice safe and clean environment for improved living standards. The author offers recommendations to the Kaliningrad region authorities and to large businesses on the prevention of social tension associated with the perception of environmental risks.

Ключевые слова: социология, Калининградская область, экологическое сознание, проблемы экологии, экологические риски, восприятие экологических рисков.

Keywords: sociology, Kaliningrad region, environmental awareness, environmental problems, environmental risks, perception of environmental risks.

Введение

Согласно данным доклада «Минченко консалтинг» «Источники и риски протестной активности в 2018 году», экология стала риском номер один в современной России по значимости угрозы возникновения протестов [5]. По мнению авторов доклада, это обусловлено рядом причин. Во-первых, экология представляет собой крайне широкую категорию, включающую множество тем протеста (проблемы с вывозом мусора, качество питьевой воды, строительство нового промышленного объекта и т.д.). Во-вторых, экологическая проблематика оказывает сильное эмоциональное воздействие на население, поскольку здоровье и дети являются базовыми универсальными ценностями, легко перебиваемыми апелляциями к любым другим. В-третьих, схема запуска экологического протеста легко масштабируется и тиражируется в силу дисперсного внимания потребителей информационного контента и многоканальности (ТВ, Интернет, социальные сети, мессенджеры) современного информационного пространства. В-четвертых, для успеха экологического протеста не обязательно наличие единого лидера. И в-пятых, экологическая проблема удобна для манипулирования ситуацией извне (со стороны конкурентов по бизнесу, политических оппонентов и т.д.).

Высокую степень озабоченности экологическими проблемами подтверждают и результаты социологических опросов. Согласно их данным, проблема ухудшения состояния окружающей среды стабильно входит в первую десятку самых острых [9], несмотря на то что 2017 г. в России был официально признан годом экологии.

Поэтому в целях предотвращения социально-политических конфликтов, возникающих на почве экологических проблем, становится актуальной задача выявления особенностей экологического сознания населения. Хотя данная категория имеет значительное количество определений [2, с. 30], зачастую под ней понимается «совокупность идей, представлений, убеждений, стереотипов и других духовных образований, отражающих и регулирующих взаимоотношения человека с окружающей средой» [3, с. 16].

Наряду с этим ключевой категорией исследования является «риск». Исследователи подчеркивают, что особенности восприятия в обществе рисков во многом обусловлены специфическими чертами самого социума. Так, Г. Бехманн отмечает актуальность исследования риска в контексте социальной структуры, поскольку только такой подход дает возможность «анализа конфликтных потенциалов» [4, с. 84–89]. О.Н. Яницкий указывает, что риски зачастую конструируются обществом, приобретая различные формы в зависимости от культурно-исторических и политических обстоятельств [15]. В этой связи возникают довольно ши-

рокие перспективы для социологического анализа восприятия рисков, в том числе экологических, которое, как будет указано ниже, выступает важной составляющей экологического сознания.

Территориальный аспект экологического сознания россиян мало изучен научным сообществом, хотя исследователи, отмечая влияние экономики на экологическое сознание, фиксируют, что наибольшее внимание экологическим проблемам уделяют жители Москвы и Санкт-Петербурга. Это объясняется более высоким уровнем достатка в столичных мегаполисах, который определяет большие требования к качеству жизни [13, с. 57–58]. В то же время на периферии неблагоприятная экологическая обстановка вполне может усугубить уже существующие негативные социально-экономические факторы.

Поэтому особенности экологического сознания в данной статье рассматриваются сквозь призму географии проживания и социально-экономического положения локального сообщества. Исходя из этого целью исследования стало выявление различий экологического сознания жителей областного центра (на примере Калининграда) и поселка (на примере пос. Нивенское Калининградской области). Такой выбор обусловлен наличием в регионе конфликта, связанного с экологическими рисками. Причиной его послужило открытие в конце 2014 г. в пос. Нивенское месторождения калийных солей. В результате возник план строительства рудника по их добыче, однако часть населения поселка выступила категорически против реализации данного проекта [10, с. 43].

Отметим, что, хотя этот протест обрел самые различные формы, на сегодняшний день по данной тематике опубликована единственная научная статья. Она посвящена анализу образов экологических рисков, формируемых СМИ, на примере солевого месторождения в пос. Нивенское [10].

Также актуальность нашего исследования обусловлена его прикладной значимостью, так как полученные результаты могут выступить в роли практических рекомендаций для властей и бизнеса в области их взаимодействия с социумом в сфере экологии.

Методы и выборка

Исследование проводилось методом формализованного интервью. Для опроса была разработана половозрастная выборка. Ее общий объем составил 1300 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Из них 300 респондентов проживают в пос. Нивенское (доверительная вероятность 95 %, доверительный интервал ± 5 %), 1000 – в Калининграде (доверительная вероятность 99 %, доверительный интервал ± 4 %). Анализ созданного массива данных производился в программе статистической обработки данных SPSS (V 23).

Отметим, что среди респондентов, проживающих в поселке и областном центре, зафиксированы существенные различия в уровне их образования, а также дохода на одного члена семьи. Среди калининградцев в два с лишним раза выше доля людей с высшим образованием (39 % против 16 %), а также доля респондентов с доходами свыше 15000 рублей на одного члена семьи в месяц (44 % против 35,3 %). Данные различия в целом отражают социально-экономическую диффе-

ренциацию между Калининградом и пос. Нивенское: первый является научным и деловым центром региона, второй – частью территории Калининградской области, где фиксируется невысокий уровень социально-экономического развития [8, с. 25].

Вопросы анкеты, на основе которых проводился социологический опрос, были сформированы в соответствии с рядом параметров, выделяемых в рамках экологического сознания [14, с. 193–194]:

- основные беспокоящие проблемы;
- уровень обеспокоенности экологическим состоянием в месте проживания;
- поведение в быту как следствие экологизации сознания;
- отношение к экологическим НКО;
- оценка природоохранной деятельности органов власти.

В соответствии с этими параметрами последовательно представим результаты исследования.

Результаты исследования

Основные беспокоящие проблемы

Респонденты, проживающие в Калининграде и пос. Нивенское, оценили по шкале от 1 (очень плохо) до 5 (очень хорошо) степень удовлетворенности различными характеристиками своего населенного пункта. Были рассчитаны средние значения полученных ответов.

Оценки жителями областного центра и поселка экологической обстановки оказались схожими (табл. 1). Удовлетворенность данной характеристикой среди представителей двух локальных сообществ относительно высока в сравнении с другими (в особенности социально-экономическими). Однако, абстрагируясь от последних, можно констатировать, что рассматриваемые группы населения в целом невысоко оценивают экологическую обстановку. При этом отметим, что, несмотря на более низкий экономический уровень, жители поселка в большей степени удовлетворены практически всеми характеристиками (кроме возможности трудоустройства и отчасти уровня заработной платы).

Таблица 1

Степень удовлетворенности населения характеристиками пункта проживания

Характеристика населенного пункта	Калининград	Нивенское
Качество бесплатных медицинских услуг	2,15	2,7
Качество образовательных услуг	3,12	3,35
Доступность цен на потребительские товары	2,46	3,08
Доступность цен на жилье	1,94	2,23
Возможность трудоустройства	2,45	2,11
Уровень заработной платы	2	1,98
Возможность культурного отдыха (парки, музеи)	3,98	3,04
Безопасность городской среды	3,31	3,6
Защита от военной угрозы	4,02	4,16
Экологическая обстановка	3,1	3,4

Таким образом, социологически зафиксированная невысокая степень удовлетворенности экологической обстановкой подтверждает актуальность нашего исследования. Однако на фоне социально-экономических проблем данная тематика не является приоритетной для жителей Калининграда и пос. Нивенское. Анализируя территориальные различия в рассматриваемом параметре экологического сознания, можно констатировать их незначительность. При этом на поселковом уровне фиксируется в целом более высокая удовлетворенность характеристиками своего населенного пункта.

Уровень обеспокоенности экологическим состоянием в месте проживания

Респонденты оценили по шкале от -2 (точно есть) до 2 (однозначно нет) наличие в месте своего проживания рисков для здоровья, связанных с плохой экологической обстановкой. Социологический анализ продемонстрировал более высокую озабоченность калининградцев экологическими рисками в сравнении с жителями поселка. Так, более половины опрошенных жителей областного центра (57,1 %) в той или иной мере отметили наличие экологических рисков в месте своего проживания. Среди жителей поселка доля респондентов, ответивших аналогичным образом, составила 40 %.

Опираясь на полученные социологические данные, мы зафиксировали существенные отличия в том, какие экологические риски респонденты двух локальных сообществ считают наиболее актуальными (рис. 1). В ответах калининградцев преобладают риски, ответственность за которые могут во многом разделить общество, бизнес и органы власти: загрязнение водоемов (56,5 %), неорганизованные свалки (54 %) и выхлопные газы в воздухе (47,2 %). В поселке наиболее остро стоит проблема, зависящая главным образом от действий властей и предприятий: нехватка чистой воды (70,9 %).

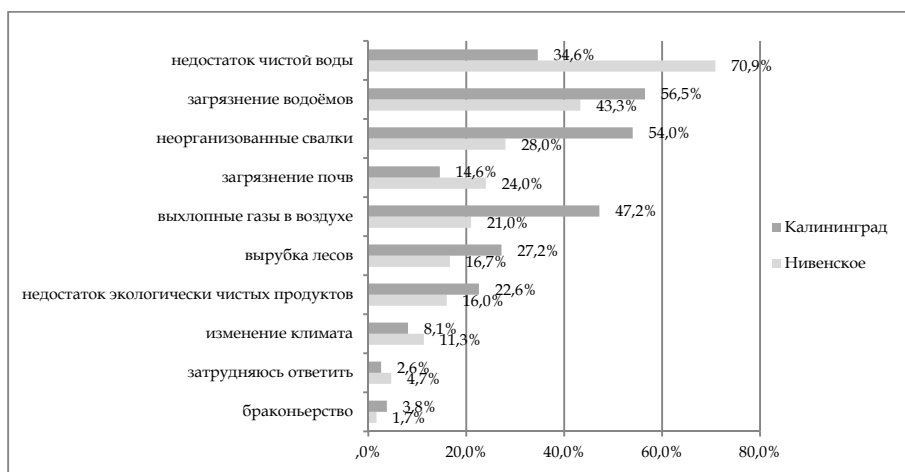

Рис. 1. Наиболее актуальные экологические риски, %

Существенные отличия в восприятии экологических рисков можно объяснить различным уровнем развития двух населенных пунктов. В поселке они связаны в первую очередь с инфраструктурной неразвитостью, в Калининграде – с последствиями более высокого уровня экономического развития, негативно сказывающегося на состоянии воздуха и водоемов.

Поведение в быту как следствие экологизации сознания

Для понимания географических различий поведения в быту как следствия экологизации сознания респондентам было задано два в определенной степени взаимоисключающих вопроса. Первый был посвящен тому, готовы ли жители пойти на материальные затраты (оплату услуг компании по раздельному сбору мусора, его экологической утилизации и т. п.) ради сохранения окружающей среды. Второй выявлял согласие с тем, что ради роста уровня жизни (создания новых рабочих мест, развития инфраструктуры, роста уровня доходов и т. д.) можно несколько поступиться окружающей средой. Варианты ответов распределялись по шкале от –2 (абсолютно не готов / не согласен) до 2 (полностью готов / согласен).

Результаты демонстрируют, что калининградцы, будучи в большинстве своем более экономически обеспеченными и озабоченными экологическими проблемами, реже готовы идти на финансовые потери ради сохранения окружающей среды в сравнении с жителями поселка (35,4 % против 42,3 %) (табл. 2).

Таблица 2

Степень готовности пойти на финансовые затраты ради сохранения окружающей среды, %

Населенный пункт	Абсолютно не готов	Скорее не готов	Затрудняюсь ответить	Скорее готов	Полностью готов
Калининград	44,5	10,2	9,9	20	15,4
Нивенское	28,7	18,7	10,3	21	21,3

Также, несмотря на более низкие социально-экономические показатели в пос. Нивенское, его жители в абсолютном большинстве не готовы поступиться окружающей средой ради повышения уровня жизни (75,7 %) (табл. 3). Поэтому намеченная реализация проектов, направленных на рост качества жизни в поселке [11], не окажет заметного положительного влияния на общественное мнение при одновременной актуализации экологических угроз вследствие строительства рудника. Среди респондентов-калининградцев доля ответивших подобным образом практически не отличается (74 %).

Таблица 3

**Степень согласия поступиться окружающей средой
с целью роста уровня жизни, %**

Населенный пункт	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
Калининград	53,7	18,3	13,1	10,6	4,3
Нивенское	45	30,7	16	7,3	1

Констатируя полученные результаты, можно сделать два основных вывода. Во-первых, уровень развития и характер населенного пункта не оказывают влияния на степень желания повысить свой жизненный уровень за счет окружающей среды. Обе группы населения высказываются в большинстве своем против подобного сценария. Во-вторых, жители менее развитого поселка, несмотря на большую удовлетворенность экологической ситуацией, чаще готовы идти на финансовые затраты ради сохранения природы, чем жители областного центра. Вероятно, это связано с феноменом локального патриотизма, согласно которому в меньших по размерам населенных пунктах выше запрос на поиск уникальных особенностей, которыми местные жители могли бы гордиться [1]. Кроме того, такие результаты можно объяснить и особенностями поведения жителей большого города, пространство которого рассматривается ими зачастую как ничейное, вследствие чего у людей отсутствует мотивация к его улучшению или модернизации. В малом населенном пункте, напротив, жители стремятся обеспечить контроль над своей территорией и чаще верят в значимость своего вклада в ее улучшение [12, с. 52].

Отношение к экологическим НКО

Отношение к экологическим организациям выявлялось посредством изучения уровня доверия к информации о возможных экологических рисках, которую они преподносят. Респонденты по шкале от -2 (абсолютно не заслуживает) до 2 (полностью заслуживает) дали свои оценки при ответе на данный вопрос. Согласно полученным результатам были рассчитаны средние значения. Для проведения сравнительного анализа респонденты оценили также другие возможные источники информации.

Рассматривая полученные ответы, можно с точностью заявить, что жителям пос. Нивенское свойственна большая степень доверия ко всем перечисленным источникам информации касательно экологических рисков (рис. 2). При этом наибольшее доверие в качестве таких источников у респондентов обоих локальных сообществ вызывают общественные правозащитники, экологические организации, а также друзья и знакомые. Крайне высокой оказалась степень недоверия к бизнес-предприятиям, что, возможно, связано с в целом низким доверием россиян в отношении предпринимателей [6, с. 8].

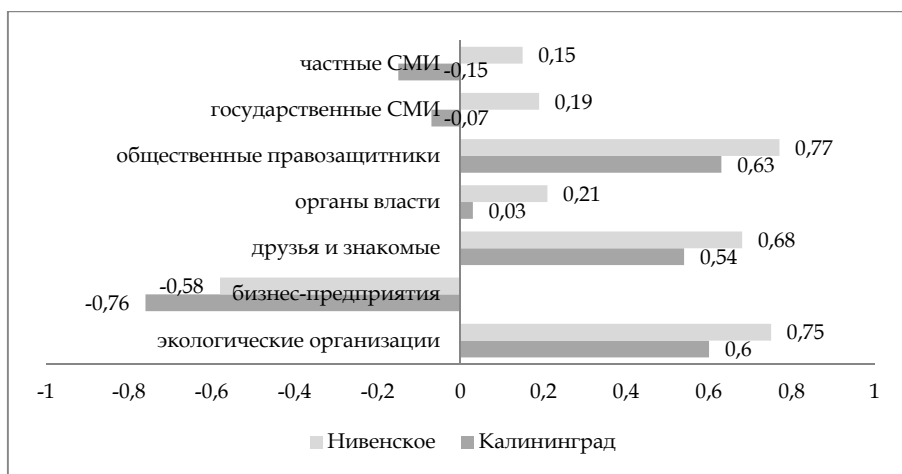

Рис. 2. Уровень доверия к источникам информации об экологических рисках

Таким образом, основные различия в данном пункте анализа касаются не того, кому доверяют жители пос. Нивенское и Калининграда, а в какой степени этот уровень доверия проявляется. Посельчане отличаются в целом заметно большей степенью доверчивости. При этом наибольшее доверие у респондентов вызывают источники, которые не связаны ни с государством, ни с бизнес-структурами.

Оценка природоохранной деятельности органов власти

Данный параметр исследовался на предмет того, кто, по мнению респондентов, является главным источником экологических проблем. В качестве вариантов ответа наряду с государством фигурировало общество и частные компании. Также присутствовал вариант, согласно которому данные субъекты в равной мере разделяют вину за возникновение рассматриваемых угроз.

Результаты продемонстрировали, что жители областного центра и поселка в большинстве своем считают, что экологические проблемы — следствие совместной деятельности всех основных акторов, воздействующих на окружающую среду. При этом калининградцы примерно в два раза чаще возлагают вину на государство и общество, а жители пос. Нивенское — на частные компании (рис. 3).

Таким образом, выявились некоторые различия в восприятии респондентами двух локальных сообществ бизнеса, общества и власти в контексте экологической проблематики. Примерно каждый пятый житель пос. Нивенское видит причину экологических проблем в частных компаниях. Вероятно, это во многом связано с неудачным опытом взаимодействия данного сообщества с компанией «К-Поташ Сервис». При этом также приблизительно каждый пятый калининградец в отличие от поселчан возлагает ответственность за появление экологических проблем на государство. В определенной мере это может быть связано с

тем, что в областном центре фиксируется наиболее высокий уровень нонконформизма в регионе, ярким образом отражающийся в итогах избирательных кампаний [7, с. 104].

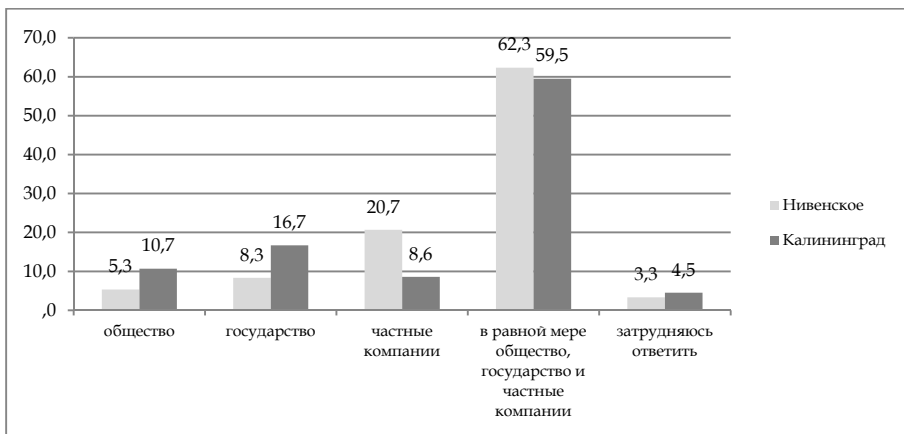

Рис. 3. Основные источники экологических проблем, %

Выводы

Проведенный социологический анализ продемонстрировал существование различий экологического сознания жителей, проживающих в Калининграде и в пос. Нивенское. Во-первых, зафиксированы отличия в восприятии экологических рисков, что обусловлено различной степенью экономического развития населенных пунктов. В поселке такие риски связаны в первую очередь с инфраструктурной неразвитостью, которая влечет за собой недостаток питьевой воды. В областном центре, напротив, острее всего воспринимаются экологические риски, во многом являющиеся следствиями более высокого уровня экономического развития и большего скопления населения: загрязнение водоемов и выхлопные газы в воздухе.

Во-вторых, жители экономически менее развитого поселка чаще готовы идти на финансовые затраты ради сохранения природы в сравнении с калининградцами. Это, вероятно, обусловлено тем, что им в большей степени присуще чувство локального патриотизма, чаще проявляющееся на уровне малых населенных пунктов. Другая причина заключается в том, что на уровне крупного города люди реже воспринимают его территорию как свою и поэтому не готовы вкладываться в ее улучшение.

В-третьих, для поселчан в сравнении с калининградцами характерна существенно большая степень доверия ко всем источникам информации, касающейся экологической проблематики.

В-четвертых, выявлены различия в восприятии бизнеса и власти как возможных источников возникновения проблем в контексте экологической тематики. Среди поселчан выше уровень критики в отношении бизнеса, что предположительно объясняется неудачным опытом взаи-

модействия с компанией «К-Поташ Сервис», реализующей проект по строительству калийно-магниевых рудников. Калининградцы же заметно чаще возлагают ответственность за появление экологических проблем на органы власти, что связано с большей степенью нонконформизма, характеризующей жителей областного центра.

В ходе исследования выявлены и некоторые схожие характеристики экологического восприятия представителей двух территориальных сообществ. Во-первых, экологическая тематика, будучи в целом актуальной, является менее насущной в сравнении с проблемами социально-экономического характера. Во-вторых, и жители Калининграда, и жители пос. Нивенское солидарны в том, что рост уровня жизни не может идти в ущерб окружающей среде. В-третьих, представители обеих географических групп населения более всего доверяют информации об экологических рисках, получаемой от общественников и экологов. Информация, предоставляемая бизнес-структурами, напротив, вызывает высокий уровень недоверия. В-четвертых, калининградцы и поселчане склонны чаще всего видеть причину возникновения экологических проблем в деятельности общества, государства и бизнеса.

С опорой на полученные выводы можно предложить следующие рекомендации для органов власти Калининградской области, а также крупных предприятий, включая компанию «К-Поташ Сервис», направленные на предотвращение социального недовольства, в основе которого лежат экологические риски:

1. С учетом высокой степени доверия населения к общественникам и экологам для предотвращения распространения слухов об экологических рисках необходимо привлекать к сотрудничеству представителей экологических организаций, а также проводить круглые столы с широким участием общественных деятелей.

2. При реализации крупных бизнес-проектов в поселках региона следует акцентировать внимание на решении уже имеющихся экологических проблем, которые зачастую связаны с инфраструктурной неразвитостью данных населенных пунктов.

3. Предоставление экономических выгод в ущерб окружающей среде не может рассматриваться в качестве эффективной меры предотвращения возможного социального недовольства. Актуализация экологических проблем, несмотря на одновременное улучшение качества жизни в социально-экономической сфере, вызовет рост недовольства населения, что может впоследствии привести к протестным акциям.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».

Список литературы

1. Алексеевский М.Д. Локальный патриотизм. 2015. URL: <https://postnauka.ru/video/52639> (дата обращения: 21.11.2019).
2. Аутлева А.Н. Сущность экологического сознания // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №3. С. 29–31.

3. Аишхамаф А.Р. Экологическое сознание: к проблеме определения понятия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. №3. С. 15–18.

4. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2010.

5. Доклад «Минченко консалтинг»: «Источники и риски протестной активности в 2018 году». 2018. URL: http://www.minchenko.ru/analitika/analitika_79.html (дата обращения: 21.11.2019).

6. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. Т. 22, №5. С. 5–10.

7. Кришталь М.И. Электоральные предпочтения жителей Калининградской области на внутрирегиональном уровне в 2003–2018 гг. // Региональные исследования. 2019. №1. С. 99–107.

8. Кузнецова Т.Ю. Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. №1. С. 15–27.

9. Самые острые проблемы. 2019 // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/27/samye-ostrye-problemy-3/> (дата обращения: 21.11.2019).

10. Левченко А.В., Мачанските Ю.Р., Шушлебина А.Ю. Особенности представления экологических рисков в СМИ (на примере месторождения калийных солей в поселке Нивенское) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2017. №1. С. 42–57.

11. Нивенское месторождение калийно-магниевых солей // К-Поташ Сервис: [офиц. сайт]. URL: <http://k-potash.ru/mestorojdenie-1/> (дата обращения: 21.11.2019).

12. Смолова Л.В. Исследование восприятия экологических рисков в урбанистической среде // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2005. Т. 5. С. 51–56.

13. Тихомиров Д.А., Кисткина И.А. Проблема осознания экологической угрозы в России // Горизонты гуманитарного знания. 2017. №2. С. 55–61.

14. Халий И.А. Экологическое сознание населения современной России // История и современность. 2015. №1. С. 189–205.

15. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. №1. С. 3–35.

Об авторе

Михаил Игоревич Кришталь — канд. геогр. наук, науч. сотр. социологической лаборатории анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

The author

Dr Mikhail I. Krishtal, Researcher of sociological lab of analysis, modeling and forecasting of risks, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

А. В. Щекотуров

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОСПРИЯТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ GRID-GROUP АНАЛИЗА М. ДУГЛАС**

98

Цель исследования – определить особенности восприятия экологических рисков (на примере разработки соляного месторождения в Калининградской области) путем анализа социальных и культурных детерминант. В качестве опорной теории при определении культурных детерминант использован grid-group анализ, согласно которому выделяют различные культурные типы: индивидуализм, иерархизм, фатализм и эгалитаризм. Социальными детерминантами выступила среда проживания респондентов: город и поселок. Основной метод исследования – фокус-группа с последующей обработкой информации в программе ATLAS.ti.

Выявлено, что среди всех проблем региона экологические риски не рассматриваются в качестве приоритетной угрозы и наиболее проблематизированы у жителей поселка. На фоне сходства в оценке разработки соляного месторождения жителями поселка и города обнаружены различия у респондентов с разными культурными типами: негативное отношение преобладает у индивидуалистов и эгалитаристов, контрастная позиция – у иерархистов. Установлено, что социально детерминируемыми особенностями форм коммуникации по поводу преодоления экологических рисков являются использование «сарафанного радио», обращение в институты власти (для сельчан) и уличные акции протеста (для горожан). Обнаружены различия в выборе эффективных способов риск-коммуникации: иерархисты предпочитают общение в социальных сетях, эгалитаристы склонны организовывать петиции и обращаться к власти, фаталисты не выразили собственного мнения, индивидуалисты стремятся к большему контролю над ситуацией и потому предпочитают все возможные ресурсы взаимодействия.

This research aims to determine the characteristics of the perception of environmental risks using the case of a salt deposit in the Kaliningrad region as an example. To achieve this aim, the author analyzed the social and cultural determinants of the population. The grid-group analysis was used as a supporting technique for the identification of cultural determinants. The following cultural determinants were identified: individualism, hierarchism, fatalism and egalitarianism. Social determinants were factors related to the respondents' living environment – urban or rural. The main method of research was a focus group with subsequent processing of results using ATLAS.ti software programme. The study revealed that environmental risks are not a priority problem for the region. Rural residents are more concerned about environmental risks. There are similarities in the assessments of environmental conditions by urban and rural residents. However, the author identified some differences particularly regarding the development of the salt deposit. These differences can be explained by different cultural types: a negative attitude prevails among individualists and egalitarians, a contrasting position prevails among hierarchs. It has been established that there are socially determined forms of communication regarding overcoming environmental risks, for instance, word of mouth and appeals to government institutions (villagers) and

street protests (city residents). There are also differences in the choice of effective methods of risk communication, depending on the respondent's cultural type. Hierarchs prefer communication in social networks; egalitarians tend to organize petitions and appeal to the authorities; the fatalists do not express their own opinion; individuals strive for greater control over the situation and therefore prefer all possible forms of interaction.

Ключевые слова: экологический риск, grid-group анализ, риск-коммуникация.

Keywords: environmental risk, grid-group analysis, risk communication.

«В поселке Нивенском Багратионовского района продолжается борьба местных жителей против строительства калийно-магниевого рудника. По мнению населения, предприятие грозит экологической катастрофой всему региону» [5]. «Люди до того доведены до отчаяния, что готовы выйти и перегородить трассу, которая ведет к границе. Нас хотят похоронить...» [3]. «Президент России Владимир Путин запросил у региональных властей полную информацию по строительству калийно-магниевого рудника в поселке Нивенском» [4].

Представленные выше (и многие аналогичные) заголовки калининградских СМИ в 2016–2018 гг. выражали протестный дискурс, возникший в результате противостояния между комбинатом по строительству калийно-магниевого рудника и населением пос. Нивенское Калининградской области, где намеревались разрабатывать соляное месторождение. В данный момент строительство комбината и начало промышленных работ отложены до конца 2019 г. [1]. Несмотря на ряд принятых мер (озеленение поселка, увеличение санитарно-защитной зоны и т. п.) ситуация остается сложной, поскольку у населения сохраняется недоверие к комбинату и отсутствует понимание вероятности возникновения экологических рисков и угроз [9]. Незнание реальных причин такого восприятия экологических угроз способно привести к новой волне протестных настроений.

Анализ образов экологических рисков, связанных с разработкой соляного месторождения в пос. Нивенское, в СМИ Калининградской области показал, что они «подаются и обсуждаются зачастую как политическая проблема» [2, с. 42] и «выходят за пределы непосредственно экологической проблематики» [2, с. 56]. Тем самым авторы проведенного исследования подчеркивают необходимость изучения мнений и мотивов различных участников публичного дискурса относительно экологической ситуации в пос. Нивенское.

Таким образом, на фоне сохраняющейся социальной напряженности очевидна нехватка научных данных как о степени безопасности планируемых работ по добыче калийно-магниевого рудника и экологических последствиях производства, так и о детерминантах негативного восприятия населением Калининградской области всей структуры экологических рисков.

В данной статье поставлена цель определить социокультурные особенности восприятия экологических рисков на примере строительства соляного рудника в пос. Нивенское Калининградской области.

Проблема восприятия рисков, связанных с началом работ по добыче калийно-магниевых солей в пос. Нивенское, представлена следующими категориями:

- 1) степень проблематизации различных экологических угроз, характерных для Калининградской области;
- 2) источники информации об экологической ситуации в регионе и уровень доверия к ним;
- 3) характер отношения к добыче калийно-магниевых солей в пос. Нивенское;
- 4) формы коммуникации по поводу решения проблемы экологической угрозы.

100

Методологическим основанием исследования выступил grid-group анализ, впервые предложенный выдающимся британским антропологом Мэри Дуглас [8]. Его суть может быть выражена в трех утверждениях [10, р. 396–397]: 1) взгляды индивида, его суждения и отношение к чему-либо предопределены культурой; 2) существует несколько типов культур, критериями для выделения которых являются всего два измерения: степень групповой сплоченности (group) и степень субъектности (grid) индивида (контроля над ситуацией) в ходе социальной интеракции [8, р. 8]; 3) культурные типы универсальны, поскольку выражают социальную природу индивида. Согласно этому подходу, люди усваивают ценности и нормы, формируют собственные предпочтения и систему восприятия в результате соблюдения определенного способа организации социальных отношений, который определяется в зависимости от соотношения двух базовых измерений социальной жизни: сплоченности / разобщенности (group) и контроля / контролируемости (grid).

На основании этих двух универсальных измерений М. Дуглас выделяет четыре идеальных типа культуры, которые определяют четыре подхода к восприятию рисков (рис.): индивидуалисты (сектор А), фаталисты (сектор В), иерархисты (сектор С) и эгалитаристы (сектор D)¹.

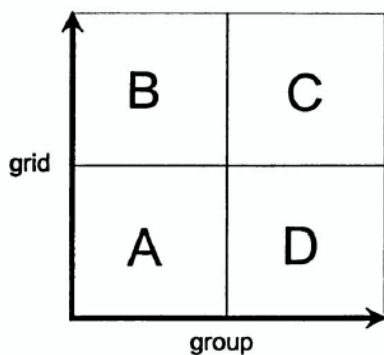

Рис. Grid-group модель М. Дуглас

Источник: [8, р. 8].

¹ Сама М. Дуглас тип С называла изоляционистами, а тип D – анклавистами. Однако впоследствии в научном сообществе прижились используемые нами названия: фаталисты и эгалитаристы. Исследованию развития grid-group анализа и культурной теории, смены коннотаций при различном обозначении типов культур посвящена работа В. Мамэдоу [10].

Каждый культурный тип определяется как сочетание социальных и культурных паттернов, свойственных окружению индивида и воплощенных в его поведении, системе ценностей и отношении к социальной реальности [10, р. 400]. В соответствии с этим культурный тип описывается свойствами не только определенной социальной организации, но и индивидов, в ней социализированных. Культурный тип А характеризуется слабой связью с группой и не подвержен многим социально-культурным запретам и ограничениям. Представители этого типа обладают большим контролем над ситуацией. Модель их поведения обусловлена стремлением получить персональное вознаграждение в результате конкурентной игры. Справедливость для этого культурного типа заключается в равенстве возможностей. Вина, как правило, возлагается на себя лично или на отсутствие конкурентных условий.

101

Культурный тип С отличает социальное окружение, которому свойственны сильные групповые границы и множественные социокультурные ограничения. Эти ограничения обусловлены превозношением значимости целого над частным, коллективного над индивидуальным. Соответственно, жесткое разделение труда, дифференциация ролей и иерархическая организация социальных отношений вполне типичны для этого культурного типа. Справедливость заключается в равенстве перед законом, а вина возложена на девиантов, не вписывающихся в установленные стандарты.

Культурный тип В характеризуется строгим подчинением социокультурным ограничениям на фоне слабой связи с группой. Индивиды во многом полагаются на удачу и судьбу, а их жизнь, как правило, организована внешними обстоятельствами. Согласно этому культурному типу, справедливости не существует и все зависит от удачи.

Культурный тип D отличает сильная групповая сплоченность, сопряженная с незначительным социокультурным контролем. Группа поддерживается за счет интенсивных внутригрупповых отношений и недоверия к нормам, устанавливаемым извне. Справедливость рассматривается как результат равенства членов группы, вина возлагается на «систему».

Социальные детерминанты восприятия экологических рисков в нашем исследовании определяются средой проживания респондентов: город или поселок.

Таким образом, в данной статье представлена попытка рассмотреть связь между социальными и культурными детерминантами и характером восприятия экологической ситуации в процессе подготовки соляного месторождения в пос. Нивенское Калининградской области.

Методика

Поскольку данная работа носит поисковый характер, был использован такой метод, как фокус-группы. Участники фокус-групп рекрутировались из двух локаций: г. Калининград и пос. Нивенское Калининградской области. Фокус-группы проводились в соответствии с местом жительства участников исследования. Всего было проведено шесть фо-

кус-групп численностью от 8 до 11 человек: две фокус-группы с молодой возрастной группой (18–35 лет), две – со средней (36–55 лет) и две со старшей возрастной группой (старше 55 лет). Участник каждой группы имел представление о подготовке к строительству калийно-магниевого рудника в пос. Нивенское.

Определение культурного типа участника фокус-группы осуществлялось следующим образом. Во-первых, была переведена и адаптирована соответствующая методика [7]. Во-вторых, каждому участнику было предложено расставить баллы на определение культурного типа до начала фокус-групп и после. В-третьих, баллы, полученные до и после проведения фокус-группы, были суммированы. Культурный тип присваивался респонденту, если в его ответах наблюдалась разница более чем в 2 балла (минимально возможная единица). В результате были получены как чистые культурные типы, так и сопряженные (когда два типа получали одинаковое количество баллов) и неопределившиеся (когда три и более типа получали одинаковое количество баллов, далее – НКТ).

Анализ материалов фокус-группы проходил в программе для качественной обработки данных ATLAS.ti. Ответы респондентов были сгруппированы в коды в соответствии с поставленной целью исследования (табл. 1). Социальный статус участника фокус-группы также был представлен в виде кода и определялся через пол, возраст, место проживания и культурный тип респондента.

Таблица 1

Интерпретация категорий, используемых при кодировании характера восприятия экологического риска

Код	Обозначение кода
Названы экологические проблемы Не названы экологические проблемы	Проблематизация экологических рисков
Вырубка деревьев Мусор Загрязнение воды Загрязнение воздуха Шум Эрозия почвы / заболоченность	Виды экологических проблем, характерных для области
Хорошая экологическая обстановка Удовлетворительная экологическая обстановка Катастрофическая экологическая обстановка	Оценка экологической обстановки в области
И-Интернет-издания И-Социальные сети И-ТВ И-Газеты И-Радио И-Слухи И-Эксперты	Источники информации о состоянии окружающей среды

Код	Обозначение кода
Д-Интернет-издания Д-Социальные сети Д-ТВ Д-Газеты Д-Радио Д-Слухи Д-Эксперты	Доверие к информации о состоянии окружающей среды
КМС_позитив КМС_негатив КМС_нейтрально	Отношение к добыче калийно-магниевых солей (КМС)
Недоверие к власти Несоблюдение стандартов Недоверие к бизнесу / компании Пропаганда на ТВ Нехватка информации Не подкреплено исследованием Отсутствие примеров / опыта Иностранная компания Коррупция Экологические проблемы Не актуально для области Имиджевые риски для региона Отрицательное влияние на здоровье человека	Причины отрицательного отношения к добыче КМС
Инвестиции в регион Развитие поселка Озеленение Рабочие места	Причины положительного отношения к добыче КМС
Обращения в институты власти Петиции Протесты Публичные выступления / собрания Интернет Социальные сети Приемная «К-Поташ» Встречи «К-Поташ» с жителями Наблюдение со стороны Общение с экспертами Баннеры / листовки / стенды «Сарафанное радио» / слухи	Формы риск-коммуникации

Задача исследователя заключалась в определении значимой связи между независимыми переменными (культурный тип и место жительства респондента) и зависимыми (характер восприятия экологических рисков). Значимой связью между кодами считалась связь, с-коэффициент которой превышал значение 0,1.

C-коэффициент в программе ATLAS.ti рассчитывается по следующей формуле [6, p. 168]:

$$c = \frac{n_{12}}{(n_1+n_2-n_{12})}$$

где n_{12} – частота взаимных пересечений кодов c_1 и c_2 в текстовом документе, n_1 и n_2 – частота кодов c_1 и c_2 .

Соответственно, c -коэффициент тем выше, чем чаще пересекаются коды (независимые и зависимые переменные) в одном фрагменте текста.

В результате построения таблиц сопряженности установлено распределение культурных типов участников исследования по полу, возрасту и месту проживания, что может служить их базовой социальной характеристикой.

104

Таблица 2

Социально-демографические характеристики участников исследования

Культурный тип	Жители г. Калининграда	Жители пос. Нивенское	Мужчины	Женщины	Молодежь (18 – 35 лет)	Средний возраст (36 – 55 лет)	Старший возраст (старше 55 лет)
Индивидуалисты	0,39	0,21	0,38	0,33	0,28	0,27	0,13
Фаталисты	0,03	–	0,03	0,01	–	–	0,06
Иерархисты	0,39	0,27	0,29	0,51	0,24	0,3	0,2
Эгалитаристы	0,04	0,25	0,16	0,18	0,05	0,3	–
НКТ	0,11	0,47	0,39	0,25	0,19	0,17	0,29

Оценка экологической ситуации в Калининградской области

В целом следует отметить, что проблема экологических рисков, с которыми может столкнуться житель Калининградской области, не выражена среди анализируемых культурных типов. Так, при ответе на широкий вопрос «Чего Вы больше всего опасаетесь?» большинство респондентов называли ухудшение качества медицинских услуг, рост цен на продукты, падение уровня зарплат и т. п. Лишь единичные представители каждого культурного типа помимо социально-экономических страхов выразили опасения, связанные с экологией:

Загрязнение окружающей среды. Сейчас, конечно, началась сортировка мусора, местами пластик отдельно собирают. Но все равно кажется, что этого мало. Потому что сейчас вообще загрязнение окружающей среды – одна из основных проблем. И решается она как-то не особо. Слабо (мужчина, 20 лет, Нивенское, индивидуалист).

Более значимые различия в проблематизации экологических рисков заметны при сравнении ответов жителей г. Калининграда и пос. Нивенское (табл. 3).

**Сравнение степени проблематизации экологических рисков
у жителей г. Калининграда и пос. Нивенское**

Место проживания	Экологические проблемы	
	названы	не названы
Калининград	0,16	0,44
Нивенское	0,25	0,28

Разницу в ответах горожан и сельчан можно объяснить качеством жизни: жители пос. Нивенское в своей повседневной жизни сталкиваются с проблемами экологического характера, среди которых наиболее важной является неудовлетворительное качество воды. Приведем в пример часть беседы на фокус-группе:

- Согласен, вода у нас очень здесь плохая (мужчина, 31 год, Нивенское, иерархист).
- Поэтому блондинкой здесь быть очень сложно (женщина, 29 лет, Нивенское, индивидуалист).
- Да, даже парикмахер у нас местный так говорит: «Сразу вижу нивенских блондинок – они все желтые» (женщина, 30 лет, Нивенское, эгалитарист).
- А нам воды не попить (мужчина, 24 года, Нивенское, иерархист).
- Когда начинаешь в кружку наливать, а она осадок свой оставляет (мужчина, 20 лет, Нивенское, индивидуалист).

Среди экологических проблем, характерных для Калининградской области, все культурные типы вне зависимости от места своего проживания первостепенными назвали мусорные свалки, загрязнение воды и воздуха. Некоторые участники фокус-групп обозначили взаимосвязь этих проблем:

Я считаю, что вода и мусор – это взаимосвязано. Вода грязная – нам приходится покупать воду в бутылках. Чем хуже вода – тем больше пластика, вот этих отходов. Ты идешь по Калининграду, некуда выкинуть фантик от мороженого. Кладешь в карман себе этот фантик, а нерадивый житель на газон или за кусты выбросит. А если есть мусорки, то они переполнены. Реки грязные, ручьи грязные, канализации забиты. Все вот эти отходы жизнедеятельности от людей должны перерабатываться. И на выходе должна быть чистая вода. А в итоге это все идет в наши ручьи, в нашу почву идет заражение опять. Заражение кого? Жителей области и страны. Море грязное, рыба зараженная, плохая рыба, треска идет с гнилой печенью (женщина, 39 лет, Нивенское, иерархист).

Что касается оценки экологической обстановки в области, то здесь наблюдается определенная специфика в ответах как представителей культурных типов, так и жителей Калининграда и Нивенского (табл. 4).

Для всех участников исследования характерна удовлетворительная оценка экологической обстановки в регионе. Среди тех, кто оценил ее как хорошую, преобладают неопределившийся культурный тип и индивидуалисты, а также жители пос. Нивенское.

Таблица 4

**Оценка состояния экологической обстановки
в Калининградской области**

Культурный тип и место проживания	Хорошая	Удовлетворительная	Катастрофическая
Индивидуалисты	0,2	0,22	—
Фаталисты	—	0,19	—
Иерархисты	0,11	0,24	0,08
Эгалитаристы	0,07	0,27	0,1
НКТ	0,26	0,35	—
Жители г. Калининграда	0,13	0,23	0,03
Жители пос. Нивенское	0,22	0,32	0,06

106

Более высокие оценки среди жителей пос. Нивенское объясняются тем, что нивенчане оценили обстановку в целом регионе, подчеркивая, что в самом поселке ситуация гораздо хуже:

У нас сейчас получше стало, чем было. Сейчас хоть занялись заводами этими, стоками канализационными, Преголь немножко хоть почистили, а то было вообще — там мазут один плавал. Сейчас хоть рыба стала приходиться в каналы, раньше не заходила (мужчина, 63 года, Нивенское, НКТ).

Я хочу сказать, наш Багратионовский район хуже всех. Где-то люди живут, а мы здесь вообще как бомжи, то по поводу воды, то по поводу всего. Чиновники в нашем районе «зажратые», что не сдвинуть ничем: ни судами, ни заявлениями. И у нас район как брошенное место (женщина, 57 лет, Нивенское, НКТ).

Позитивные оценки индивидуалистов обусловлены, как правило, сравнением с другими российскими регионами:

Экология заметно лучше, чем в России (женщина, 18 лет, Калининград, индивидуалист).

У нас очень свежий воздух, у нас море рядом. У нас много мест, полей и лесов тех же самых. У нас очень много парков. Но у нас не такой огромный город, как Москва, у нас не на каждом шагу дома строятся (женщина, 25 лет, Калининград, индивидуалист).

Я долгое время жила в Архангельске. Сюда мы приехали семь лет назад. И вот слушаю вас и думаю: ребята, вы в шоколаде здесь все. И природа шикарная, и море рядом, дороги изумительные! Вы съездите в Архангельск хоть на пять дней! (женщина, 64 года, Калининград, индивидуалист).

Источники информации об экологической ситуации в регионе и уровень доверия к ним

Основными источниками информации для большинства культурных типов являются Интернет и социальные сети. Однако доверие к информации зависит не только от культурного типа, но и от места проживания респондента (табл. 5).

Таблица 5

Обращение к источникам информации об экологической ситуации в регионе (И) и доверие к ним (Д)

107

Культурный тип и место проживания	И/Д	Интернет-издания	Социальные сети	ТВ	Газеты	Слухи	Эксперты
Индивидуалисты	И	0,23	0,17	0,1	0,07	0,13	—
	Д	0,13	0,07	—	—	0,03	0,07
Фаталисты	И	—	—	—	—	—	—
	Д	—	—	—	—	—	—
Иерархисты	И	0,24	0,22	0,05	0,03	0,05	—
	Д	0,08	0,03	0,08	—	0,06	0,14
Эгалитаристы	И	0,22	0,41	0,08	—	0,08	—
	Д	0,08	0,18	0,08	—	0,08	0,25
НКТ	И	0,14	0,11	0,26	0,23	0,15	—
	Д	0,07	—	0,04	0,08	0,07	0,07
Жители г. Калининграда	И	0,29	0,11	0,16	0,11	0,08	—
	Д	0,03	0,03	0,03	—	0,03	0,05
Жители пос. Нивенское	И	0,13	0,19	0,14	0,11	0,11	—
	Д	0,2	0,03	0,08	0,06	0,11	0,14

Характеризуя индивидуалистов, следует отметить использование ими в качестве источников информации об экологической ситуации в регионе не только новых СМИ (интернет-изданий и социальных сетей), но также телевидения и «сарафанного радио». Референтным для них источником остается только Интернет (значения c -коэффициента выше 0,1):

Потому что смотришь Интернет — одно, и понимаешь, где правда, где ложь, там тоже надо немножечко сортировать. Сортируешь, фильтруешь и понимаешь. А на телевидении — все прекрасно, все хорошо (женщина, 49 лет, Калининград, индивидуалист).

Значительно менее разнообразны в источниках информации иерархисты и эгалитаристы. Заметно коррелируют с этими культурными типами только интернет-издания и социальные сети, которым они, впрочем, склонны доверять гораздо меньше:

Если официальная информация, то телевидение, радио, газета – это все куплено. А в Интернете можно найти неофициальную страничку, где уже может быть более правдивая информация. Хотя и там почти все куплено, к сожалению (мужчина, 31 год, Нивенское, иерархист).

Я из телевидения все узнавала. Помню, там ученые наши из Калининграда рассказывали. Потом приглашали человека из «К-Поташ» и задавали вопросы. Ученый говорит: вот так и так, будут обвалы, не будет воды, растения погибнут. В ответ сотрудник «К-Поташ» говорит: нет, все будет хорошо, все по новым технологиям. Что-то не верится, что все так хорошо будет (женщина, 39 лет, Нивенское, эгалитарист).

108

Обратим внимание, что фаталисты предпочли уйти от ответа на вопрос об источниках информации и доверии к ним. Также следует добавить, что практически невостребованными категориями оказались радио и мнение официальных властей. Чтобы не перегружать внимание читателей, мы приняли решение вынести эти категории из таблицы, поскольку их значения ниже 0,09 и представлены не у всех культурных типов.

Рассматривая отличия в ответах между жителями Калининграда и пос. Нивенское, можно заметить, что среди источников информации у горожан преобладают Интернет и телевидение, в то время как у сельчан – социальные сети и телевидение. Различия выявлены и в плане доверия к источникам: жители Калининграда в целом гораздо менее доверчивы, чем жители пос. Нивенское. Заметная сила связи обнаружена между такими показателями, как проживание в поселке и доверие к Интернету (0,2), слухам (0,11) и экспертному мнению (0,14). Другими словами, нивенчане гораздо чаще, чем жители города, выражали доверие к информации, источниками которой служили интернет-издания, «сарафанное радио» и высказывания специалистов:

Информацию я получаю из общения. Есть такой друг, его все знают, эта фамилия очень известная, чтобы ее называть. Он очень плотно с руководством «К-Поташ» общается. Просто я у него поинтересовался, так что я на 100% уверен. А он мне сказал, что там уже все откатано, все перекатано, все там уже налажено, все как надо. Это вот я могу вам сказать точно (мужчина, 46 лет, Нивенское, НКТ).

Тебе же не просто Ваня сказал, что здесь ничего не будет, а человек, который выучился на эту специальность. Если бы он мне сказал, я бы, наверное, успокоилась (женщина, 30 лет, Нивенское, иерархист).

Характер отношения к добыче калийно-магниевых солей в пос. Нивенское

Исследование показало, что в целом преобладает негативное отношение к строительству соляного рудника в пос. Нивенское (табл. 6). Вместе с тем обнаружена заметная сила связи положительных оценок разработки данного месторождения с культурным типом и местом жительства респондента. Обратим также внимание на то, что в таком

принципиальном вопросе, как отношение к вторжению в экосистему, большие различия зафиксированы среди культурных типов, чем среди горожан и сельчан.

Таблица 6

Характер отношения к строительству соляного рудника

Культурный тип и место проживания	Негативное	Нейтральное	Позитивное
Индивидуалисты	0,19	0,07	0,1
Фаталисты	0,09	—	—
Иерархисты	0,11	0,08	0,11
Эгалитаристы	0,16	0,08	0,08
НКТ	0,19	0,15	0,15
Жители г. Калининграда	0,21	0,08	0,11
Жители пос. Нивенское	0,22	0,08	0,11

109

Индивидуалисты, как и эгалитаристы, продемонстрировали скорее негативное отношение к добыче калийно-магниевых солей. Среди основных причин следует указать недостаточность информации о технике строительства и его последствиях (*c*-коэффициент равен 0,27 у индивидуалистов и 0,22 у эгалитаристов), отсутствие уверенности в том, что будут соблюдены необходимые стандарты (0,1 и 0,08 соответственно), коррупцию (0,3 и 0,14) и убежденность в том, что строительство рудника вызовет экологические проблемы (0,26 у индивидуалистов):

Мое мнение основано на том, что в отличие от какой-то другой страны, где это контролировалось бы и производилось бы с учетом всех стандартов и норм, у нас такого в принципе не будет, у нас они будут нарушаться. И будет изменен этот план, который описан, так или иначе, гласно или негласно (мужчина, 30 лет, Калининград, эгалитарист).

Конечно, экологии будет нанесен вред. Во-первых, сначала здесь все засохнет. Наверное, в 10 километрах не будет почвы, не будет ничего расти — это точно. Будет просто сухая земля (мужчина, 20 лет, Нивенское, индивидуалист).

Иерархистов и неопределившийся тип характеризует контрастное отношение к строительству соляного рудника: зафиксирована примерно равная связь как с положительной, так и с негативной реакцией. Среди негативных сюжетов преобладают следующие: отсутствие научных данных о безопасности проведения работ (*c*-коэффициент составил 0,11 у иерархистов и 0,07 у НКТ), недоверие к частным компаниям в целом (по 0,14 у обоих культурных типов), недоверие к власти (0,36 у НКТ и 0,13 у иерархистов) и пагубное влияние на здоровье человека (0,11 у НКТ и 0,06 у иерархистов). Примеры высказываний самих респондентов:

Я поверю в безопасность, если будет ссылка на рецензию научной статьи (мужчина, 19 лет, Калининград, иерархист).

Я считаю, что, может быть, и поселок бы процветал с солями бы с этими, но единственное, что у нас никак не нахапаются, никогда не нажуртся, что администрация, что район. Вот из-за того, что каждый друг другу руку моет, никто никогда в глаза не скажет: здесь вот так, здесь вот это (женщина, 57 лет, Нивенское, НКТ).

Если они руду взяли, так ее нужно обратно положить, но это слишком дорогое удовольствие. А все эти пустоты заполнятся водой. Поздно или рано это все провалится, вода-то там будет все размывать. А землю туда никто захпывать не будет, это слишком дорого (мужчина, 52 года, Нивенское, НКТ).

В положительном отношении к строительству рудника преобладают следующие мотивы: инвестиции в регион (0,11 у иерархистов и 0,07 у НКТ), развитие поселка (0,11 у НКТ и 0,03 у иерархистов), а также ряд более частных мотивов. Приведем в пример часть беседы с одной из фокус-групп:

- В чем для области плюс от строительства рудника?
- Область с этого получит прибыль. Налоги (мужчина, 50 лет, Нивенское, иерархист).
- А какие плюсы могут быть для поселка?
- Никаких. Рабочие места только, и то под вопросом (мужчина, 50 лет, Нивенское, иерархист).
- Не-не-не, все равно построят, и школы построят, и построят определенную инфраструктуру, новые жилые места, детские садики и так далее, все это прочее. И люди бы смирились: ладно, сделайте нам тротуарчик, сделайте нам это, сделайте нам то (мужчина, 52 года, Нивенское, НКТ).

Фаталисты выразили негативное отношение к добыче калийно-магниевых солей. Для них важным стало то, что разработкой месторождения будет заниматься иностранная компания:

Минус еще в том, что это иностранная компания. Если бы это голландцам не было выгодно, они бы сюда не пришли и не вкладывали бы такие деньги. В Голландии они же не будут делать, потому что там очень все строго (мужчина, 62 года, Калининград, фаталист).

Формы коммуникации по поводу решения проблемы экологической угрозы

Большинство участников исследования рассматривают получение информации в сети Интернет, а также уличные акции протеста в качестве наиболее приемлемых форм риск-коммуникации, то есть взаимодействия по поводу преодоления ситуации угрозы и неопределенности (табл. 7):

Мы же все интернетные. Там основная информация, без воды. И туда же можно писать, например: «Мы сегодня добыли столько-то соли — знаете» (женщина, 29 лет, Нивенское, эгалитарист).

Если, например, я найду информацию о группе, я пойду митинговать (мужчина, 30 лет, Калининград, эгалитарист).

Таблица 7

Формы риск-коммуникации

Культурный тип и место проживания	Обращения к власти	Баннеры / листовки	Интернет	Петиции	Протесты	Сплетни	Социальные сети
Индивидуалисты	0,07	0,12	0,17	0,07	0,17	0,07	0,07
Фаталисты	–	–	–	–	–	–	–
Иерархисты	0,08	0,08	0,11	0,08	0,11	0,08	0,13
Эгалитаристы	0,17	0,08	0,25	0,26	0,16	0,08	–
НКТ	0,04	0,07	-	0,07	0,07	0,23	0,07
Жители г. Калининграда	0,05	–	0,08	–	0,11	–	0,05
Жители пос. Нивенское	0,13	0,17	0,11	0,14	0,11	0,2	0,08

111

Характеризуя индивидуалистов, стоит отметить, что заметную значимость для них имеют и классические способы распространения информации, такие как баннеры, стенды, листовки:

Можно было выпускать информационный листок и показывать людям фильмы, создать группу какую-нибудь в том же самом «ВКонтакте» или где-то еще, сделать ссылки на сайт, чтобы люди могли зайти, своими глазами увидеть, прочитать и так далее и тому подобное. Чтобы это было всегда на виду, чтобы информационно до людей доходило. Но всего этого нет (мужчина, 50 лет, Нивенское, индивидуалист).

Социальные сети в качестве коммуникации особенно характерны для иерархистов:

Мы просто делимся информацией, чтобы все знали об этом – как можно больше знакомых, больше близких. Мы обычно друг другу статьи какие-то перекидываем. В соцсетях это делать гораздо удобнее – Telegram, Instagram, «ВКонтакте» (мужчина, 30 лет, Калининград, иерархист).

Эгалитаристы в качестве эффективных инструментов риск-коммуникации в дополнение к сети Интернет и протестам назвали обращение в институты власти и подготовку коллективных петиций:

И забастовки, и митинги устраивали, автопробег делали с флагами, и подписи собирали, даже к Путину обращались, но толку ноль (женщина, 31 год, Нивенское, эгалитарист).

Респонденты с неопределившимся культурным типом в качестве эффективного способа коммуникации по поводу разработки месторождения чаще называли сплетни, слухи:

Один сказал, другой сказал (мужчина, 31 год, Нивенское, НКТ).

Пошел в магазин: а ты слышала — слышала. А что ты слышала, а что ты слышала. А вот смотри, что здесь мне показали (женщина, 30 лет, Нивенское, НКТ).

Фаталисты в дискуссию о способах коммуникации не вступили, и мы связываем это не столько с недоработкой модератора фокус-группы, сколько с тем, что представителям данного культурного типа не интересен сам предмет коммуникации либо они не владеют информацией, выходящей за пределы обсуждения.

Что касается различий в ответах респондентов с точки зрения места их проживания, то можно выделить следующие особенности: 1) жители поселка более склонны обращаться к власти и собирать подписи; 2) только сельчане указали распространение листовок и «сарафанное радио» в качестве способов обмена информацией по поводу строительства комбината. Это объясняется тем, что в восприятии жителей пос. Нивенское разработка соляного месторождения имеет непосредственную экологическую угрозу (в отличие от опосредованной СМИ для калининградцев) и они уже практиковали эти способы, в то время как жители Калининграда называли лишь потенциально эффективные способы коммуникации.

Выводы

Во-первых, в проблематизации экологических рисков, характерных для Калининградской области, не выявлено различий в ответах культурных типов, но обнаружены различия в восприятии жителей г. Калининграда и пос. Нивенское. Для жителей поселка проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, являются частью повседневной жизни, в отличие от жителей областного центра. Этим же можно объяснить и тот факт, что нивенчане более высоко оценили экологическую обстановку в регионе: именно в их поселке совсем не предпринимается мер по защите окружающей среды, в то время как в остальных районах Калининградской области ситуация гораздо лучше. Подобное «состояние жертвы» в восприятии экологических проблем стало следствием социально-экономической и политической дезорганизации жизни в пос. Нивенское: на фоне низких доходов и высокой безработицы, нерешенных проблем с водопроводом и системой очистных сооружений неизвестная иностранная компания заявляет, что собирается в непосредственной близости от домов, детсадов и школы разрабатывать масштабное подземное месторождение руды. Более высокие оценки экологической ситуации в Калининградской области со стороны индивидуалистов связаны с тем, что они сравнивают ее в основном с другими регионами России. Иными словами, для них важна конкурентная система координат, позволяющая определять «победителя» и «проигравшего».

Во-вторых, различия, обусловленные культурным типом и местом жительства, обнаружены и в оценках источников информации о состоянии экологической обстановки в регионе и разработке калийно-маг-

ниевое месторождения. Индивидуалисты используют различные информационные ресурсы, но доверяют только тем, данные которых можно проверить, что объясняется их склонностью контролировать ситуацию и не ограничивать себя социокультурными рамками. Для иерархистов справедливость заключается в равенстве перед законом. По их мнению, все традиционные СМИ находятся под цензурой. Исходя из этого вполне логично, что они предпочитают более открытые источники информации (Интернет и социальные сети), хотя и в их объективности также сомневаются. В случае с эгалитаристами можно выстроить аналогичный дедуктивный порядок, поскольку вину за несправедливость они склонны возлагать на систему, которую устанавливает государство. Следовательно, если система не может исправить ситуацию, большим доверием у эгалитаристов будут пользоваться институты, менее подверженные влиянию государства (Интернет и социальные сети). Тот факт, что респонденты с неопределившимся культурным типом предпочитают телевидение, газеты и «сарафанное радио», обусловлен большей долей среди представителей этого типа лиц старшей возрастной группы, которым гораздо привычнее получать информацию из традиционных СМИ и разговоров.

В-третьих, обнаружены заметные различия в выборе источников информации: горожане предпочитают Интернет, а сельчане — социальные сети. При этом калининградцы не склонны доверять Интернету, а нивенчане доверяют и Интернету, и экспертному мнению, и даже слухам. Это можно объяснить тем, что жители города, чьи условия жизни значительно лучше, воспринимают экологические риски как нечто важное, но при этом происходящее не с ними. Их медиадискурс конструируется посредством интернет-запросов и получения информации об экологической ситуации из СМИ. В то же время для жителей поселка экологическая обстановка — часть их повседневной жизни и, с недавнего времени, условие их социальной организации и мобилизации, эффективным способом которых выступают социальные сети и передача информации из уст в уста.

В-четвертых, анализ отношения к добыче калийно-магниевых солей в пос. Нивенское показал большие различия между культурными типами респондентов, чем между местом их проживания. Негативное отношение индивидуалистов и эгалитаристов может быть объяснено отсутствием у жителей равных с компанией-разработчиком рудника и местными властями возможностей для обсуждения безопасности строительства и контроля за ходом работ (мотивы респондентов — недостаточность информации, коррупция, несоответствие стандартам) и, как следствие, озабоченностью тем, что это только усугубит экологические проблемы поселка и всего региона. Контрастное отношение (заметная корреляция как с негативными, так и с положительными ответами) к добыче руды у иерархистов и представителей неопределившегося культурного типа также может быть объяснено двояко. С одной стороны, их сильная привязанность к традициям и строгое разграничение в системе «мы — они» подрывает доверие к власти и бизнесу в целом и иностранной компании в частности. С другой — при соблюдении ком-

панией юридических обязательств и норм иерархисты и НКТ допускают возможность разработки месторождения с целью привлечения инвестиций в регион и развития поселка. С учетом существенных характеристик фаталистов их негативное отношение к строительству комбината, на наш взгляд, связано с воспроизводством уже сконструированного негативного мнения, доминирующего в информационном поле Калининградской области (это подтверждают и те аргументы, которые используют представители данного типа).

В-пятых, выявлено, что большинством респондентов получение информации в сети Интернет, а также уличные акции протеста как выражение недовольства рассматриваются в качестве наиболее приемлемых форм риск-коммуникации. Риск-коммуникацию мы понимаем как все возможные формы взаимодействия всех участников ситуации (жителей региона, представителей власти, бизнеса и т.п.) по поводу преодоления экологических рисков и угроз. Разнообразие форм коммуникации, используемых индивидуалистами, объясняется их стремлением получить всестороннюю информацию, объективную картину и тем самым обеспечить больший контроль над ситуацией. Выбор социальных сетей иерархистами, вероятно, связан с их потребностью в формировании группы единомышленников и стремлением к выстраиванию искусственных барьеров с нарушителями экологического баланса в регионе. Исходя из того что эгалитаристы склонны возлагать вину за нарушение порядка на «систему», вполне логично, что в ней они видят и ресурс для восстановления справедливости, чем обусловлен выбор ими таких форм коммуникации, как обращение в институты власти и сбор подписей под петициями. Игнорирование фаталистами дискуссии о формах риск-коммуникации мы связываем с отсутствием у них мнения, отличного от общепринятого, расходящегося с теми взглядами, которые уже были высказаны в ходе фокус-группы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».

Список литературы

1. *Власти* региона рассчитывают на 2 млрд рублей ежегодно от калийного рудника в Нивенском // Новый Калининград. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/economy/21695309-vlasti-regiona-rasschityvayut-na-2-mlrd-rub-ezhegodno-ot-kaliynogo-rudnika-v-nivenskom.html> (дата обращения: 26.11.2019).
2. Левченко А. В., Мачанските Ю. Р., Шушлебина А. Ю. Особенности представления экологических рисков в СМИ (на примере месторождения калийных солей в поселке Нивенское) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки. 2017. №1. С. 42–57.
3. Майтакова О. «Нас хотят похоронить»: жители Нивенского готовы перекрыть дорогу в Польшу // Новый Калининград. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/5176395-nas-khotyat-pokhoronit-zhiteli-nivenskogo-gotovy-perekryt-dorogu-v-polshu.html> (дата обращения: 26.11.2019).

4. Путин запросил полную информацию по строительству калийного рудника в Нивенском // Калининград.ru. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/66054-putin-zaprosil-polnuyu-informaciyu-po-stroitelstvu-kalijnogo-rudnika-v-niven-skom> (дата обращения: 26.11.2019).

5. «Экслав в квадрате»: что происходит в поселке Нивенское после письма главе Чечни // Калининград.ru. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/59869-jeksklav-v-kvadrata-cto-proishodit-v-posjolke-nivenskoe-posle-pisma-glave-chechni> (дата обращения: 26.11.2019).

6. ATLAS.ti 8 Windows : user manual. 2017. URL: http://downloads.atlasti.com/docs/manual/atlasti_v8_manual_en.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

7. Dake K. Myths of Nature: Culture and the Social Construction of Risk // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48, №4. P. 21 – 37.

8. Douglas M. Cultural Bias // Douglas M. In the Active Voice. L., 1982.

9. Пышневич А. В. Risk Communication in the Sphere of Environmental Risk: Power Structures and Citizens // Regional Risks and Risks to the Regions : Conference Proceedings. Vilnius, 2018. P. 68 – 71.

10. Mamadouh V. Grid-Group Cultural Theory: an Introduction // GeoJournal. 1999. Vol. 47, №3. P. 395 – 409.

Об авторе

Александр Вячеславович Щекотуров – канд. социол. наук, заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ASHCHekoturov@kantiana.ru

The author

Dr Aleksandr V. Shchekoturov, Head of sociological lab of analysis, modeling and forecasting of risks, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ASHCHekoturov@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
№ 1

2020

Редактор *Д. А. Малеваная*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 09.04.2020 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод 44 экз.). Цена свободная. Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6